

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

НАУЧНО - ПРАВОВОЙ ЖУРНАЛ

№ 2

(АПРЕЛЬ-ИЮНЬ)

2026 ГОД

Учредитель: Грудцына И.В.

Издатель: Московский институт профессионального образования имени К.Д. Ушинского

Журнал является сетевым изданием и выходит с 2025 г. один раз в три месяца

Официальный сайт журнала: <https://state-law.online>

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

(Свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС 77-90670 от 29 января 2026 г.)

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Научно-правовой журнал

Ежеквартальный сетевой научно-правовой РИНЦ-журнал, в котором публикуются статьи фундаментального и прикладного характера по актуальным проблемам теории и истории права и государства. Основной целью научного издания является формирование научной площадки для эффективного обмена научными знаниями в сфере теории государства и права.

Главный редактор: Усанов Владимир Евгеньевич

Заместитель главного редактора: Шайхуллин Марат Селирович

Председатель Редакционного совета: Сангаджиев Бадма Владимирович

Редактор: Тарыгина Дарья Александровна

Корректор и компьютерная верстка: Ерошина Екатерина Андреевна

Дизайн: Ерцев Роман Александрович

Адрес офиса редакции: 121596, г. Москва, ул. Горбунова, д. 2, стр. 3. Офис Б 218. Этаж 2. Бизнес-центр "Гранд Сетунь Плаза".

Адрес для писем: 121614, г. Москва, ул. Крылатские Холмы, д. 28, к. 57.

Home page: <https://state-law.online>

E-mail: editor@mipo.online

WhatsApp: +7-977-672-55-22

При использовании опубликованных материалов ссылка на научно-правовой журнал «Теория государства и права» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах.

Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование.

Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:

Усанов Владимир Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, академик Российской академии образования, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета им Г.В. Плеханова.

Специальность: 5.1.1. – Теоретико-исторические правовые науки

- *Грудцына Людмила Юрьевна*, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Почетный адвокат России, эксперт РАН (г. Москва, Россия).
- *Дорская Александра Андреевна*, доктор юридических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, заведующая кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.
- *Миронов Василий Олегович*, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Государственное право и управление таможенной деятельностью» Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых.
- *Пашенцев Дмитрий Алексеевич*, доктор юридических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. И.о. заведующего отделом теории права и межотраслевых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, профессор Московского городского педагогического университета.
- *Усанов Владимир Евгеньевич*, доктор юридических наук, профессор, академик Российской академии образования, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета им Г.В. Плеханова.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief:

Usanov Vladimir Evgenievich, Doctor of Law, Professor,
Academician of the Russian Academy of Education,
Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the
Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov.

Specialty: 5.1.1. – Theoretical and historical legal sciences

- *Grudtsyna Lyudmila Yuryevna*, Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Constitutional and International Law, All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Honorary Lawyer of Russia, Expert of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).
- *Dorskaya Alexandra Andreevna*, Doctor of Law, Professor, Deputy Director for Research, Head of the Department of General Theoretical Legal Disciplines of the North-West Branch of the Russian State University of Justice.
- *Mironov Vasily Olegovich*, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of State Law and Management of Customs Activities, Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs.
- *Pashentsev Dmitry Alekseevich*, Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation. And about. Head of the Department of Theory of Law and Intersectoral Research of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Professor of Moscow City Pedagogical University.
- *Usanov Vladimir Evgenievich*, Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель:

Б.В. Сангаджиев, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)».

- *А.П. Галоганов*, доктор юридических наук, Заслуженный юрист России, президент Адвокатской палаты Московской области, президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов.

- *В.Н. Жуков*, доктор философских наук, доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

- *В.В. Комарова*, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права РФ Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

- *И.А. Конюхова*, доктор юридических наук, профессор, руководитель отдела конституционного права и профессор кафедры конституционного права Российской академии правосудия.

- *А.В. Рагулин*, доктор юридических наук, доцент, руководитель центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права, Председатель комиссии по защите прав адвокатов-членов адвокатских образований Гильдии Российских адвокатов.

- *Б.С. Эбзеев*, доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации (в отставке), член ЦИК России.

- *Н.Д. Эриашвили*, доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Академии Генеральной прокуратуры РФ, профессор кафедры предпринимательского и трудового права Институт государственного управления и права Государственного университета управления.

EDITORIAL BOARD

Chairman:

B.V. Sangadzhiev, Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of Constitutional and International Law of the
All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

- *A.P. Haloganov*, Doctor of Law, Honored Lawyer of Russia, President of the Moscow Region Bar Association, President of the Federal Union of Lawyers of Russia, Vice President of the International Union (Commonwealth) of Lawyers.
- *V.N. Zhukov*, Doctor of Philosophy, Doctor of Law, Professor of the Department of Theory State and Law and Political Science, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University.
- *V.V. Komarova*, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Russian Federation, Moscow State Law University named after O.E. Kutafina (Moscow State Law Academy).
- *I.A. Konyukhova*, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional Law and Professor, Department of Constitutional Law, Russian Academy of Justice.
- *A.V. Ragulin*, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Center for Research on Problems of Organization and Activities of the Bar of the Eurasian Research Institute of Law Problems, Chairman of the Commission for the Protection of the Rights of Lawyers-Members of Lawyers Guilds of Russian Lawyers.
- *B.S. Ebzeev*, Doctor of Law, Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation (in resignation), member of the CEC of Russia.
- *N.D. Eriashvili*, Doctor of Economics, Candidate of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of Business and Labor Law Institute of Public Administration and Law of the State University of Management.

СОДЕРЖАНИЕ:

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

- Ермак Д.А. * Теоретико-правовой анализ категории «правовые средства» 9
- Эриашвили Н.Д. * От кибернетического государства к алгоритмической публичной власти: историко-теоретические закономерности и пределы цифровой трансформации 14
- Булатов Д.Ф. * Методологические подходы к исследованию правовой культуры в условиях постиндустриального общества 20

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КОНСТИТУЦИИ

- Грудцына Л.Ю. * Вопросы толкования конституции: теоретико-правовой аспект 25
- Эриашвили Н.Д. * Теория федерализма в условиях конституционной трансформации публичной власти 33

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

- Макаров Т.И. * Междисциплинарный (широкий) и правовой (строгий) подходы понимания демократии: актуальность и их соотношение 40
- Грудцына Л.Ю. * Декабристские проекты: «Конституция» Н. М. Муравьева и «Русская Правда» П. И. Пестеля 44
- Мохов А.Ю., Провоторова А.А. * Основные факторы и условия, влияющие на формирование профессионального правосознания адвоката 53
- Эриашвили Н.Д. * Правовой режим использования генеративного искусственного интеллекта в высшем образовании: академическая добросовестность, персональные данные и ответственность 58

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

- Черняков В.Е., Осавелюк А.М. * Вспомогательные органы Совета Федерации ФС РФ и Бундесрата ФРГ: сравнительно-правовой анализ 64

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

- Сангулия А.Д. * Концепция системы права Габриэля Феликсовича Шершеневича 71
- Мастрюков А.С. * Формирование российской правовой традиции под влиянием культуры 82
- Русецкий А.Е. * Антикоррупционные ценности как основа просвещения, воспитания и экспертизы нормативных правовых актов 86

CONTENTS:

THEORY OF STATE AND LAW

- Ermak D.A. * Theoretical and legal analysis of the category «Legal Means» 9
- Eriashvili N.D. * From the cybernetic state to algorithmic public power: historical and theoretical patterns and limits of digital transformation 14
- Bulatov D.F. * Methodological Approaches to the Study of Legal Culture in the Conditions of Post-Industrial Society 20

THEORY AND HISTORY OF THE CONSTITUTION

- Grudtsina L.Yu. * Constitutional Interpretation Issues: Legal and Theoretical Aspects 25
- Eriashvili N.D. * Theory of federalism in the context of constitutional transformation of public authority 33

HISTORY OF STATE AND LAW

- Makarov T.I. * Interdisciplinary (Broad) and Legal (Strict) Approaches to Understanding Democracy: Relevance and Their Correlation 40
- Grudtsina L.Yu. * Decembrist projects: N. M. Muravyov's "Constitution" and P. I. Pestel's "Russian Truth" 44
- Mokhov A.Yu., Provotorova A.A. * The main factors and conditions influencing the formation of a lawyer's professional legal awareness 53
- Eriashvili N.D. * Legal regime for the use of generative artificial intelligence in higher education: academic integrity, personal data and liability 58

INTERNATIONAL EXPERIENCE

- Chernyakov V.E., Osavelyuk A.M. * Auxiliary bodies in the Federation Council of the Russian Federation and the Bundesrat of the Federal Republic of Germany: a comparative legal analysis ... 64

HISTORICAL ARCHIVE

- Sanguliya A.D. * The concept of the legal system Gabriel Feliksovich Shershenevich 71
- Mastryukov A.S. * Formation of the russian legal tradition under the influence of culture 82
- Rusetskiy A.E. * Anti-corruption values as the foundation of education, upbringing and anti-corruption expert review of regulatory legal acts 86

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.07.2026 г.

DOI: 10.24412/3033-7550-2026-2-9-13

Дата принятия рукописи в печать: 29.07.2026 г.

ЕРМАК Дмитрий Александрович,

аспирант 1 курса,

Уральский институт управления – филиал РАНХиГС,

Екатеринбург, Россия,

e-mail: dima.dima.ermak@gmail.com

Научный руководитель:

ТАРАБОРИН Роман Сергеевич,

профессор, доктор юридических наук,

заведующий кафедрой теории и истории государства и права,

Уральский институт управления – филиал РАНХиГС,

Екатеринбург, Россия,

e-mail: taraborinrs@ranepa.ru

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ КАТЕГОРИИ «ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА»

Аннотация. Статья посвящена теоретико-правовому анализу категории «правовые средства» в контексте трансформации механизма правового регулирования под влиянием процессов цифровизации. Актуальность исследования обусловлена необходимостью переосмысления классических инструментальных доктрин в связи с внедрением алгоритмического регулирования, смарт-контрактов и систем искусственного интеллекта. Цель работы – уточнить понятие правовых средств с учетом их двойственной природы и адаптировать дефиницию к реалиям цифровой среды. Методологическую основу составили историко-правовой, сравнительно-правовой и формально-логический методы. В ходе исследования проанализирована эволюция подходов от инструментальной парадигмы Л.С. Явича и С.С. Алексеева до комплексной концепции А.В. Малько; выявлены ограничения классических определений в условиях цифровизации. Автором обосновывается необходимость сохранения двойственной структуры правовых средств (инструмент и технология), что позволяет включить в их систему алгоритмы и автоматизированные процедуры. На основе синтеза классических и современных подходов сформулировано авторское определение правовых средств с фиксацией возможности их объективации в алгоритмизированной форме. Результаты исследования могут быть использованы в дальнейших разработках теории правового регулирования и цифрового права.

Ключевые слова: правовые средства, механизм правового регулирования, цифровизация права, алгоритмизация права, смарт-контракты, инструментальная теория права, А.В. Малько, С.С. Алексеев.

ERMAK Dmitry Alexandrovich,

1st postgraduate student,

Ural institute of management – branch RANEPa,

Yekaterinburg, Russia

Academic supervisor:

TARABORIN Roman Sergeevich,

professor, doctor of law,

head of the department of theory and history state and law,

Ural institute of management – branch RANEPa,

Yekaterinburg, Russia

THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS OF THE CATEGORY «LEGAL MEANS»

Annotation. The article is devoted to the theoretical and legal analysis of the category «legal means» in the context of the transformation of the mechanism of legal regulation under the influence of digitalization processes. The relevance of the research is due to the need to rethink classical instrumental doctrines

in connection with the introduction of algorithmic regulation, smart contracts and artificial intelligence systems. The purpose of the work is to clarify the concept of legal means, taking into account their dual nature, and to adapt the definition to the realities of the digital environment. The methodological basis was formed by historical-legal, comparative-legal and formal-logical methods. The study analyzes the evolution of approaches from the instrumental paradigm of L.S. Yavich and S.S. Alekseev to the complex concept of A.V. Malko; the limitations of classical definitions in the context of digitalization are revealed. The author substantiates the need to preserve the dual structure of legal means (tool and technology), which makes it possible to include algorithms and automated procedures in their system. Based on the synthesis of classical and modern approaches, the author's definition of legal means is formulated with the possibility of their objectification in an algorithmic form. The results of the research can be used in further developments of the theory of legal regulation and digital law.

Key words: legal means, mechanism of legal regulation, digitalization of law, algorithmization of law, smart contracts, instrumental theory of law, A.V. Malko, S.S. Alekseev.

Понятие правовых средств и их сущностные характеристики продолжают оставаться предметом научных исследований и дискуссий в юриспруденции. Вопросами понимания и концептуализации данной категории, как в отраслевом уровне, так и на уровне общей теории права в целях последовательной интеграции в систему юридической науки занимались такие ученые-правоведы, как Л.С. Явич, А. В. Малько [5], С.С. Алексеев и ряд других авторов [2; 3; 4; 6; 7; 9; 10].

Осмысление генезиса, сущности и природы правовых средств (особенно с учетом текущих трендов на цифровизацию) требует обращение к истокам их концептуализации, среди которых особое место занимают труды Л.С. Явича.

Его исследования заложили методологический и теоретический фундамент последующего определения правового инструментария (средств). Л.С. Явич ставил предметом своего научного анализа юридические средства воздействия права на общественные отношения, рассматривая их в рамках категории механизма правового регулирования [19].

Одним из первых подходов к системному рассмотрению проблемы правового регулирования, Л.С. Явич указывал, что оно «...осуществляется при помощи самых различных средств юридического воздействия на общественные отношения. Метод регулирования в его работе представлен как сочетание юридических средств воздействия на общественные отношения» [16].

На раннем этапе С.С. Алексеев также рассматривал правовые средства в рамках данной обширной теоретической категории – правового регулирования. При этом правовые средства выступали не как тождественное понятие, а как структурный элемент системы и механизма правового регулирования.

По его мнению, правовое регулирование представляет собой совокупность юридических средств, при помощи которых осуществляется результативное, стабилизирующее, нормативно-организационное воздействие на общественные отношения с целью их урегулирования и охраны с учетом общественной потребности [4]. Позднее, развивая данные концепции, С.С. Алексеев определял правовые средства через призму инстру-

менталистского подхода, уделяя внимание их функциональной сущности как инструменту для оптимального урегулирования социальных задач [4, с. 217].

Следовательно, в рамках инструменталистской парадигмы правовые средства и механизмы предстают как конкретное воплощение регулятивной силы права, выраженной в конкретных юридических инструментах (процедуры, институты, средства юридической техники, нормы права и т.д.), образующих субстанциальную основу правовой действительности.

Анализ теоретико-методологической основы указанных авторов позволяет сделать следующий вывод: в рамках системного подхода советская юридическая доктрина рассматривала юридические средства (правовые средства) как относительно обособленный элемент в рамках динамической категории механизма правового регулирования. Существенным ограничением является концептуальное отождествление двух взаимосвязанных понятий, ввиду чего возникает терминологическая неопределенность – отсутствуют четкие критерии разграничения того, что мы понимаем под правовыми средствами. Это порождает методологическую проблему: являются ли они элементом правового регулирования, или же автономной категорией с присущим ей инструментальным характером, используемой законодателем и правоприменителем для целевого урегулирования общественных отношений. Исходя из концепции С.С. Алексеева, функционально-инструменталистский признак дает возможность комплексного изучения правовых средств не как статичных элементов системы, а как динамичных инструментов, способных к трансформации под влиянием изменений правовой доктрины и технологического прогресса, а также цифровизации.

На современном этапе развития юридической науки наиболее комплексный подход представлен в работах А.В. Малько. Комплексный подход, разработанный автором, позволяет шире взглянуть на данную правовую категорию. В инструменталистскую концепцию А.В. Малько включил понятие «средств-деяний (технологий)», которые определяют сознательно-волевой характер субъекта при осуществлении своих прав в целях

удовлетворения законных интересов. «Правовые средства – это правовые явления, выражающиеся в инструментах (установлениях) и деяниях (технологии), с помощью которых удовлетворяются интересы субъектов права, обеспечивается достижение социально полезных целей» [5, с. 4]. По мнению А.В. Малько Инструментальная сущность правовых средств исходит из:

субстанциональности выраженной в виде объективации правовой действительности, реально-го факта;

информационной составляющей, где правовые средства, инструменты, закреплены как сведения в законодательстве, являющиеся юридическими фактами, субъективными правами и корреспондирующим им юридическими обязанностями, льготах, запретах и т.д.;

статичного характера ввиду ориентирования их на предписание должного поведения, а не деяния;

определения сферы должного поведения, закреплённого в нормативно-правовых актах – законы и подзаконные акты;

установления правовых моделей, которая только в процессе действия и непосредственного их использования приводят к достижению целей [5, с. 7].

В контексте научной парадигмы сформированной А.В. Малько средства-деяния (технологии) рассматриваются как интегрированный технологический компонент, отражающий процедурно-деятельностный подход и выраженный в следующих признаках [5, с. 8]:

1. связаны с использованием средств-установлений (инструментов);

2. энергетический характер, подразумевающий обязательность активного, волевого действия, без которого невозможно юридическое решение проблем, стоящих на пути удовлетворения интересов субъектов права направленную на решения социально значимых целей;

3. динамический характер, ориентированный на соответствующую деятельность по использованию инструментов;

4. проявляется в реально осуществляемом поведении лиц;

5. выступают прежде всего в качестве актов реализации прав и обязанностей, знаменующееся завершительным этапом достижения целей и удовлетворением соответствующих интересов [5, с. 8].

Таким образом, исходя из приведенных критериев, представляется возможным констатировать следующее. Инструментально-деятельностная концепция А.В. Малько обладает эвристическим потенциалом для настоящего исследования, поскольку включает не только статичные нормативно-правовые установления, но процедурный, динамический аспект в регулировании правоотношений, что является методологической основой для доктринального осмысления правовых

средств в контексте цифровизации, а именно – алгоритмов [12], смарт-контрактов [13], систем искусственного интеллекта [8] и автоматизированных процедур. Теория А.В. Малько также нашла дальнейшую поддержку и концептуальное развитие в ряде других работ [17;18].

Однако стоит отметить, что несмотря на универсальность, данные концепции формировались в аналоговую эпоху, что обуславливает их ограниченность лишь вопросами юридической техники, которые не включают программный код и цифровые технологии.

Существует противоположное мнение относительно правовых средств. И.В. Цветков критически осмысливает общетеоретические концепции о правовых средствах, справедливо отмечает, что ввиду юридико-терминологической неопределённости «...можно ли в принципе сформулировать универсальное определение понятия «правовое средство»? Противоречивые мнения исследователей порождают сомнения в такой возможности» [15]. Автор, экстраполируя идеи теоретиков нивелируя юридическую догматику подходит к вопросу системно. Термин «средство» уместен тогда, когда он отражает автономную сущностную характеристику элемента системы, «...который способен самостоятельно выполнять определенную функцию, обеспечивая в результате функционирование системы в целом. Соответственно, правовыми средствами следует называть только такие элементы системы (механизма) правового регулирования общественных отношений, которые способны самостоятельно выполнять определенную функцию» [15, с. 51].

И.В. Цветков представляет собственное определение и критерии правовых средств, интегрируя в них уже компоненты «цифры», продиктованный современными тенденциями. «Правовое средство – это продукт человеческой деятельности, представляющий собой (1) материальный или цифровой объект - документ, либо (2) деяние, используемое в качестве средства дальнейшего труда с целью получения определенного юридического результата» [15, с. 53].

Сравнительный анализ данных точек зрения позволяет сделать следующий вывод. С одной стороны, позиция И.В. Цветкова представляется обоснованной. Правовые средства в инструменталистской парадигме А.В. Малько дифференцируются на подкатегории: средства-установления и средства деяния. В таком случае обнаруживается противоречие – «средство» будучи самостоятельным феноменом находится в зависимости и состоит из других «подсредств» (средства в средстве), следовательно наслаивания понятий друг на друга усложняет дефиницию.

У И.В. Цветкова дифференцируемая множественность феноменов, определяемых как правовые средства, редуцируется до материальных или цифровых объектов (документов) и деяний. Но в данном методологическом посыле есть свои про-

блемы. Можем ли мы правовые средства, исходя из первого аспекта, сводить только к документам, если да, то каким? Акты реализации права, акты правоприменения или акты как результат правотворчества? Более того, здесь интегрируется позитивистский посыл, где юридическое средство определено тогда, когда оно овеществлено (документ). Может ли цифровой код рассматриваться как овеществлённое цифровое правовое средство, если он еще не привёл к созданию объект-документа? Подход И.В. Цветкова, несмотря на свою системность, не в полной мере охватывает специфику трансформации правовых средств в цифровой среде. Сведение правовых средств преимущественно к объектам (документам) сужает функциональное понимание категории, поскольку не учитывает динамический аспект их использования.

Для исследования цифровых правовых средств критически важно сохранить двойственную природу категории (инструмент плюс технология), предложенную А.В. Малько, так как именно технологический компонент позволяет легитимно включить алгоритмы, смарт-контракты и автоматизированные процедуры в систему правовых средств.

Вместе с тем, адаптация классической доктрины к условиям цифровизации требует учёта трансформации самого механизма правового регулирования. В современной доктрине отмечается, что внедрение цифровых технологий затрагивает нормативную основу регулирования, требуя переосмысления классических конструкций [14]. Если в классической теории права технологический компонент понимался преимущественно как юридическая техника или процедура, то в условиях цифровизации он приобретает форму программного кода, способного самостоятельно фиксировать и исполнять правовые предписания, технически самоисполняться [1].

Это создаёт необходимость уточнения классических признаков правовых средств. В частности, признак «сознательно-волевого характера», выделенный А.В. Малько, в цифровой среде может опосредоваться автоматизированной системой, где воля субъекта фиксируется в алгоритме до момента наступления юридически значимых событий. Цифровая среда выступает не просто как техническая платформа, а как условие существования правоотношений, где фиксация прав и обязанностей могут осуществляется программным кодом [11].

Опираясь на синтезированный подход А.В. Малько и учитывая специфику цифровой среды, сформулируем дефиницию правовых средств.

Правовое средство – это санкционированное государством нормативно-организационное явление (средство-установление) и юридически значимая технология (средство-деяние), объективированные в традиционной (текстуальной) либо цифровой (алгоритмизированной) форме, выступающие

инструментом реализации воли субъектов права для достижения социально значимого результата.

Таким образом данная дефиниция сохраняет двойственную природу данной правовой категории (инструменты и деяния). Закрепление возможности объективирования средств в алгоритмизированной форме создает методологический базис для исследования цифровых правовых средств.

Список литературы:

- [1] Абрамов Р. А. Основные направления влияния современных технологий на развитие права / Р. А. Абрамов, Д. А. Пашенцев // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. – 2024. – № 1(53). – С. 7-13.
- [2] Алексеев С.С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация // Советское государство и право. – 1987. – № 6. – С. 12-19.
- [3] Алексеев С. С. Проблемы теории права: Основные вопросы общей теории социалистического права: курс лекций в 2 томах / С. С. Алексеев. Том 1. – Свердловск: Свердловский юридический институт, 1972. – 396 с.
- [4] Алексеев С.С. Общая теория права. – М.: Издательство БЕК, 1995. С. 209.
- [5] Малько А. В. Правовые средства как общетеоретическая проблема / А. В. Малько // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1999. – № 2 (225). – С. 4-16.
- [6] Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юридическая литература, 1966. С. 29.
- [7] Белых В. С. Сущность права: в поисках новых теорий, или «консерватизм» старого мышления? / В. С. Белых // Российский юридический журнал. – 1993. – № 2(2). – С. 51-58.
- [8] Балалаева Ю. С. Теоретико-правовое регулирование использования искусственного интеллекта в юридической сфере / Ю. С. Балалаева. – Москва: Издательский дом «Юрлитинформ», 2025. – 168 с.
- [9] Минц В. И. Понятие и роль правовых средств в хозяйственных отношениях / В. И. Минц // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1983. – № 2. – С. 69-74.
- [10] Пугинский Б. И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. М., 1984. С. 90-91.
- [11] Пашенцев Д. А. Основные направления и особенности развития законодательства в условиях цифровизации и перехода к новому технологическому укладу / Д. А. Пашенцев // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. – 2021. – № 3(43). – С. 31-39.
- [12] Порываева Н. Ф. Алгоритмизация права: дис. канд. юрид. наук / ФГБНУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации». – М.,

2022. 186 с.

[13] Савельев А.И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. – 2016. – № 3. – С. 34.

[14] Хабриева, Т. Я., Черногор, Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. №1 (253). С. 85-102.

[15] Цветков И. В. О понятиях «правовая работа» и «правовое средство» / И. В. Цветков // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2022. – № 3. – С. 42-60.

[16] Шабуров А.В. Понятие средств правового регулирования / А. В. Шабуров, А. Shaburov // Вестник Омского университета серия «Право». – 2024. – № 2. – С. 5-14.

[17] Шундилов К. В. Инструментальная теория права - перспективное направление научного исследования / К. В. Шундилов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2002. – № 2(241). – С. 16-23.

[18] Рязанова М. Н. Соотношение современных теорий правового инструментализма // ВЭПС. 2025. №3. С. 226-229.

[19] Явич Л.С. Проблемы правового регулирования советских общественных отношений. М.: Госюриздат, 1961. С. 107.

References:

[1] Abramov R. A. Main Directions of Influence of Modern Technologies on the Development of Law / R. A. Abramov, D. A. Pashentsev // Bulletin of Moscow State Pedagogical Univ. Series: Legal Sciences. – 2024. – No. 1 (53). – P. 7-13.

[2] Alekseev S. S. Legal Means: Statement of the Problem, Concept, Classification // Soviet State and Law. – 1987. – No. 6. – P. 12-19.

[3] Alekseev S. S. Problems of the Theory of Law: Main Issues of the General Theory of Socialist Law: Lecture Course in 2 Volumes / S. S. Alekseev. Volume 1. – Sverdlovsk: Sverdlovsk Law Institute, 1972. – 396 p.

[4] Alekseev S. S. General Theory of Law. – M.: BEK Publishing House, 1995. P. 209.

[5] Malko AV Legal Means as a General Theoretical Problem / AV Malko // News of Higher Educational Institutions. Jurisprudence. – 1999. – No. 2 (225). – P. 4-16.

[6] Alekseev SS The Mechanism of Legal Regulation in a Socialist State. M.: Legal Literature, 1966. P. 29.

[7] Belykh VS The Essence of Law: In Search of New Theories, or the «Conservatism» of Old Thinking? / VS Belykh // Russian Law Journal. – 1993. – No. 2 (2). – P. 51-58.

[8] Balalaeva Yu. S. Theoretical and Legal Regulation of the Use of Artificial Intelligence in the Legal Sphere / Yu. S. Balalaeva. – Moscow: Publishing House «Yurlitinform», 2025. – 168 p.

[9] Mintz V. I. Concept and Role of Legal Means in Economic Relations / V. I. Mintz // News of Higher Educational Institutions. Jurisprudence. – 1983. – No. 2. – Pp. 69-74.

[10] Puginsky B. I. Civil Law Means in Economic Relations. Moscow, 1984. Pp. 90-91.

[11] Pashentsev D. A. Main Directions and Features of Legislation Development in the Context of Digitalization and the Transition to a New Technological Order / D. A. Pashentsev // Bulletin of Moscow State Pedagogical Univ. Series: Legal Sciences. – 2021. – No. 3(43). – Pp. 31-39.

[12] Poryvaeva N. F. Algorithmization of Law: dis. Cand. of Law / Federal State Budgetary Scientific Institution «Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation». – Moscow, 2022. 186 p.

[13] Savelyev A.I. Contract Law 2.0: «Smart» Contracts as the Beginning of the End of Classical Contract Law // Bulletin of Civil Law. – 2016. – No. 3. – P. 34.

[14] Khabrieva, T. Ya., Chernogor, N.N. Law in the Context of Digital Reality // Journal of Russian Law. 2018. No. 1 (253). P. 85-102.

[15] Tsvetkov I.V. On the Concepts of «Legal Work» and «Legal Remedy» / I.V. Tsvetkov // Bulletin of Moscow University. Series 11: Law. – 2022. – No. 3. – P. 42-60.

[16] Shaburov A.V. The Concept of Means of Legal Regulation / A. V. Shaburov, A. Shaburov // Bulletin of Omsk University, Law Series. – 2024. – No. 2. – Pp. 5-14.

[17] Shundikov K.V. Instrumental Theory of Law - a Promising Direction of Scientific Research / K. V. Shundikov // News of Higher Educational Institutions. Jurisprudence. – 2002. – No. 2 (241). – Pp. 16-23.

[18] Ryazanova M.N. The Correlation of Modern Theories of Legal Instrumentalism // VEPS. 2025. No. 3. Pp. 226-229.

[19] Yavich L.S. Problems of Legal Regulation of Soviet Social Relations. Moscow: Gosyurizdat, 1961. P. 107.

ЭРИАШВИЛИ Нодари Дарчоевич,
кандидат юридических наук, кандидат исторических наук,
доктор экономических наук, профессор, почетный работник сферы образования РФ,
лауреат премии Правительства РФ в области образования,
профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;
профессор кафедры частного права Государственного университета управления,
e-mail: professor60@mail.ru

ОТ КИБЕРНЕТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА К АЛГОРИТМИЧЕСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ: ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ПРЕДЕЛЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация. Постановка проблемы. Распространение искусственного интеллекта и автоматизированных систем принятия решений актуализирует вопрос о том, является ли «цифровое государство» новым историческим типом государства либо обозначает технологически изменившийся способ осуществления публичной власти. Историческая ретроспектива — от рационально-легальной бюрократии и кибернетики до советского проекта ОГАС — показывает преемственность стремления государства превратить социальную реальность в данные, обратные связи и управленческие алгоритмы. Цель исследования — выявить историко-теоретические закономерности алгоритмизации публичной власти и сформулировать правовые пределы использования алгоритмов при принятии юридически значимых решений. Методы исследования: диалектический, историко-правовой, формально-юридический, сравнительно-правовой, системно-функциональный методы, а также правовое моделирование. Результаты. Обосновано, что алгоритмическая публичная власть представляет собой не самостоятельный тип государства, а особый технологический режим реализации его функций. Предложена модель «конституционно управляемого алгоритма», включающая законность цели, прослеживаемость данных, объяснимость, оспоримость, содержательный человеческий контроль и неустранимую ответственность публичного субъекта. Сформулирован вывод о недопустимости подмены нормативно выраженного усмотрения скрытой программной дискреционностью.

Ключевые слова: алгоритмическая публичная власть, цифровое государство, теория государства, история государства и права, ОГАС, искусственный интеллект, алгоритмическое управление, цифровой суверенитет, объяснимость, право на обжалование.

ERIASHVILI Nodari Darchoevich,
Candidate of Law, Candidate of Historical Sciences,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honorary Worker in the Field of Education of the Russian Federation,
Laureate of the Russian Federation Government Prize in Education,
Professor in the Department of Civil and Labor Law and Civil Procedure
at the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;
Professor in the Department of Private Law at the State University of Management

FROM THE CYBERNETIC STATE TO ALGORITHMIC PUBLIC POWER: HISTORICAL AND THEORETICAL PATTERNS AND LIMITS OF DIGITAL TRANSFORMATION

Annotation. Problem statement. The spread of artificial intelligence and automated decision-making systems raises the question whether the 'digital state' is a new historical type of state or merely a technologically transformed mode of exercising public power. A historical review — from rational-legal bureaucracy and cybernetics to the Soviet OGAS project — reveals continuity in the state's effort to translate social reality into data, feedback loops and governing algorithms. Purpose. The article identifies the historical and theoretical patterns of algorithmisation of public power and formulates legal limits for the use of algorithms in legally

significant decisions. Methods. Dialectical, historical-legal, formal-legal, comparative-legal and system-functional methods, as well as legal modelling, are used. Results. Algorithmic public power is substantiated not as an independent type of state but as a special technological regime for performing state functions. The author proposes a 'constitutionally governed algorithm' model comprising legality of purpose, data traceability, explainability, contestability, meaningful human control and the non-delegable responsibility of the public authority. Normatively defined discretion must not be replaced by hidden software discretion.

Key words: algorithmic public power, digital state, theory of the state, history of state and law, OGAS, artificial intelligence, algorithmic governance, digital sovereignty, explainability, right to appeal.

Постановка проблемы. В XX в. публичная власть последовательно осваивала статистику, массовый учет, средства связи и вычислительную технику. В XXI в. количественное изменение перешло в качественное: цифровая система уже не только хранит сведения и передает волю должностного лица, но ранжирует граждан, прогнозирует риски, рекомендует либо фактически предопределяет юридически значимый результат. Возникает новая конфигурация власти, в которой правило поведения содержится одновременно в тексте нормативного акта, модели данных и программном коде. Поэтому спор о «цифровом государстве» нельзя сводить к перечню электронных услуг. Он затрагивает классические категории источника власти, государственного усмотрения, легитимности, ответственности и прав человека. Российская доктрина предлагает рассматривать цифровое государство и как теорию технологической модернизации, и как исторический этап развития государства [16, с. 32–41]. Вместе с тем государство остается организацией публичной власти людей, а не машин [18, с. 47–52]. Данное противоречие требует историко-теоретического разрешения.

Историческая логика: от бюрократического правила к кибернетической обратной связи. Рационально-легальная бюрократия М. Вебера строилась на компетенции, иерархии, письменном документе и применении общего правила к индивидуальному случаю [7]. Ее сила заключалась в предсказуемости, а риск — в превращении формальной рациональности в самодовлеющий механизм. Кибернетика Н. Винера добавила к этой модели идею управления посредством информации и обратной связи [8]. Управляемый объект описывается набором измеримых состояний; отклонение от цели фиксируется и запускает корректирующее воздействие. Тем самым нормативная команда дополняется непрерывным контуром наблюдения. Для государства это означало возможность перехода от периодического учета к управлению, основанному на постоянно обновляемых данных.

Советский проект Общегосударственной автоматизированной системы сбора и обработки информации для учета, планирования и управления народным хозяйством (ОГАС) стал наиболее масштабной отечественной попыткой институционализировать эту логику. В. М. Глушков связывал сеть вычислительных центров, экономико-математические модели и распределенную обработку

данных в единую архитектуру планирования [9]. Историческое значение ОГАС состоит не в том, что проект якобы предвосхитил современный Интернет, а в постановке государственно-теоретической задачи: может ли вычислительная инфраструктура стать частью механизма государства. Исследования истории советской кибернетики показывают, что техническая осуществимость не устраняла ведомственную конкуренцию, различие интересов и политическую природу управленческого выбора [10]. Алгоритм не отменял аппарат; аппарат боролся за право определять данные, цели и доступ к сети.

Из этой истории следует первая закономерность: всякая автоматизация публичной власти является одновременно перераспределением компетенции. В бумажной бюрократии усмотрение сосредоточено у должностного лица; при информационной системе оно перемещается к разработчику требований, владельцу набора данных, поставщику программного решения и оператору модели. Еще в начале цифровизации государственного управления был зафиксирован переход от «уличной бюрократии» к «системной бюрократии», при котором индивидуальное усмотрение фронт-офиса сокращается, но возрастает невидимая дискреция проектировщика системы [11, р. 174–184]. Следовательно, алгоритмизация не устраняет субъективность, а переносит ее во времени — на стадию проектирования — и делает менее заметной для адресата решения.

Алгоритмическая публичная власть как теоретико-правовая категория. В современной литературе алгоритмическое управление понимается как использование вычислительных процедур для организации, направления и ограничения поведения [12; 13]. Для юриспруденции этого определения недостаточно: рекомендации навигатора и автоматизированное назначение социальной выплаты обладают различной властной природой. Алгоритмической публичной властью следует считать такой технологически опосредованный режим осуществления государственных и муниципальных функций, при котором сбор и классификация данных, прогнозирование, подготовка или принятие юридически значимого решения выполняются по программно закреплённой модели, а результат обеспечивается авторитетом и принуждением публичного субъекта. Определяющим признаком выступает не сложность искусственного интеллекта, а включенность алгоритма в юридический состав властного решения.

Предложенное понятие позволяет отделить цифровизацию формы от алгоритмизации содержания. Электронное заявление воспроизводит прежнюю процедуру в иной коммуникационной среде. Алгоритмическая система меняет внутреннюю механику решения: устанавливает показатели, веса, пороги, исключения, формирует профиль риска. Современные исследования справедливо указывают, что цифровое государство выходит за рамки электронного правительства и затрагивает саму организацию публичного администрирования [17, с. 76–85]. Алгоритмизация права, в свою очередь, ведет к параллельному существованию текстуального и машиночитаемого выражения правил и способна придать праву свойства закрытости и предвзятости [19, с. 9–12].

Однако данные изменения не дают основания объявлять возникновение нового исторического типа государства. Типология государства выражает устойчивую связь публичной власти с социально-экономическим строем, источником легитимности, положением личности и принципами организации общества. Цифровые технологии совместимы с демократическими и авторитарными режимами, рыночной и плановой экономикой, централизацией и федерализмом. Один и тот же класс моделей способен расширять доступ к публичным услугам либо создавать инфраструктуру тотального контроля. Поэтому «цифровое государство» корректнее определять как стадию и технологический модус развития современного государства, а алгоритмическую публичную власть — как способ реализации его функций. Такой вывод препятствует технологическому детерминизму: политико-правовая сущность государства не выводится из применяемой вычислительной техники.

Вторая закономерность состоит в нормативной двойственности алгоритма. Формально источником обязательного решения остается нормативный правовой акт или акт правоприменения. Фактически доступ гражданина к праву определяется программной реализацией: набором обязательных полей, классификатором, качеством данных и пороговым значением. Если код расходится с текстом нормы, возникает «теневое правило», которое действует массово, но не прошло процедуру правотворчества и не опубликовано. В этом проявляется угроза законности: ошибка перестает быть единичной и масштабируется на всю совокупность адресатов. Именно поэтому эффективность алгоритмической системы не равнозначна ее легитимности [13]. Легитимность требует процедурной справедливости, возможности понять основание решения и добиться его пересмотра.

Программный код при этом не следует автоматически признавать самостоятельным источником права. Его юридическое значение производно: код конкретизирует технологию исполнения нормы, но не вправе изменять ее смысл, вводить

дополнительные условия или исключать предусмотренное законом усмотрение. Иной подход разрушил бы единство формы права и порядка его легитимации. Вместе с тем сведение кода к нейтральному техническому средству также ошибочно, поскольку архитектура системы способна непосредственно определять объем реализуемого права. Отсюда вытекает обязанность государства обеспечивать юридическую верификацию программной реализации до ввода системы в эксплуатацию и после каждого существенного обновления. Предметом такой проверки должны быть не только точность вычислений, но и соответствие модели целям закона, равенство адресатов, полнота исключений, сохранение дискреции в предусмотренных случаях и воспроизводимость результата. Для массовых властных решений необходим реестр версий алгоритма: без него суд не сможет установить, какое фактическое правило действовало в момент принятия оспариваемого акта [12; 19].

Конституционные пределы и модель управляемого алгоритма. Конституция Российской Федерации исходит из приоритета прав и свобод человека, непосредственного действия этих прав и судебной защиты [1]. Данные положения сохраняют силу независимо от того, кем подготовлено решение — должностным лицом или программной системой. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта после изменений 2024 г. связывает внедрение ИИ с защитой прав, безопасностью и технологическим суверенитетом [2]. Экспериментальные правовые режимы позволяют апробировать цифровые инновации, но одновременно закрепляют информирование затрагиваемых лиц, рассмотрение жалоб и возможность обжалования [3]. Таким образом, российское регулирование уже содержит отдельные элементы процедурной защиты, хотя общая модель алгоритмического административного решения пока фрагментарна.

Сравнительно-правовое развитие подтверждает переход от общих этических деклараций к юридически проверяемым обязанностям. Рекомендация ЮНЕСКО 2021 г. закрепляет человеческое достоинство, справедливость, прозрачность, ответственность и человеческий надзор [6]. Рамочная конвенция Совета Европы 2024 г. связывает жизненный цикл систем ИИ с правами человека, демократией и верховенством права [5]. Регламент ЕС 2024/1689 применяет риск-ориентированную модель, предусматривая для систем высокого риска требования к управлению данными, документации, журналированию, прозрачности и человеческому надзору [4]. Для российской правовой системы важен не механический перенос этих конструкций, а выделение универсального ядра гарантий.

Предлагается закрепить модель «конституционно управляемого алгоритма», основанную на шести взаимосвязанных требованиях. Первое

— законность цели: автоматизация допустима лишь в пределах прямо определенной публичной функции. Второе — прослеживаемость данных: должны быть установлены происхождение, актуальность, репрезентативность и порядок исправления данных. Третье — юридически значимая объяснимость: лицу сообщаются не технические детали модели, а факты, критерии и нормативные основания, повлиявшие на результат. Четвертое — оспоримость: обращение к человеку не может быть фиктивным повторением машинного вывода. Пятое — содержательный человеческий контроль, предполагающий компетенцию, время и полномочие изменить рекомендацию. Шестое — неустраняемая ответственность публичного субъекта: закупка или аренда алгоритма у частного разработчика не переносит на него конституционную ответственность государства. Алгоритмическая подотчетность должна охватывать всю организацию, а не сводиться к раскрытию исходного кода [14].

Особое значение имеет право на мотивированное несогласие с машинным результатом. Одного «объяснения» недостаточно, если гражданин не способен указать на ошибочные данные, представить контекст и получить новое решение. Исследования легитимности алгоритмического принятия решений показывают, что непрозрачность, предвзятость, отсутствие участия и разрыв ответственности образуют самостоятельные угрозы доверию к публичной власти [15]. Поэтому процессуальная конструкция должна включать уведомление об использовании алгоритмической системы; доступ к значимым данным и критериям; приостановление неблагоприятного автоматизированного акта в предусмотренных законом случаях; пересмотр уполномоченным должностным лицом; внешний аудит и судебный контроль. Коммерческая тайна и техническая сложность не могут полностью блокировать проверку властного решения.

Третья закономерность связана с цифровым суверенитетом. В индустриальном государстве суверенная компетенция обеспечивалась территорией, аппаратом и монополией легитимного принуждения. В алгоритмическом режиме к ним добавляется способность государства самостоятельно определять критическую архитектуру данных и моделей, проверять ее и поддерживать непрерывность функционирования. Однако цифровой суверенитет нельзя отождествлять с закрытостью. Внутренняя непрозрачность системы для граждан ослабляет государственный суверенитет, поскольку фактическая власть смещается к неподотчетному оператору или поставщику технологии. Суверенной является не система, скрытая от общества, а система, в отношении которой публичная власть сохраняет реальный контроль и несет проверяемую ответственность [20, с. 56–77].

Заключение. Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, алгоритмизация публичной власти продолжает длительную историческую линию рационализации управления — от письменного бюрократического правила к кибернетической обратной связи и управлению на основе данных. Во-вторых, опыт ОГАС показывает, что вычислительная сеть не устраняет политико-правовую природу управления: цели, показатели и доступ к информации остаются предметом властного выбора. В-третьих, цифровизация не создает самостоятельного исторического типа государства; она формирует технологический модус реализации его функций. В-четвертых, алгоритм перераспределяет усмотрение от правоприменителя к проектировщику системы и порождает риск скрытого программного нормотворчества. В-пятых, надлежащей теоретико-правовой рамкой выступает модель конституционно управляемого алгоритма, обеспечивающая законность, прослеживаемость данных, объяснимость, оспоримость, содержательный человеческий контроль и ответственность публичного субъекта. Будущее государства определяется не степенью вытеснения человека из управления, а способностью права подчинить вычислительную эффективность достоинству личности, публичной подотчетности и справедливой процедуре.

Список литературы:

- [1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 17.07.2026).
- [2] О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 (в ред. Указа Президента Российской Федерации от 15 февраля 2024 г. № 124) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 41. Ст. 5700; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402150063> (дата обращения: 17.07.2026).
- [3] Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ (ред. от 26 июня 2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5017.
- [4] Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence // Official Journal of the European Union. 2024. L 2024/1689. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj> (accessed: 17.07.2026).
- [5] Council of Europe Framework Convention on Artificial Intelligence and Human Rights, Democracy and the Rule of Law (CETS No. 225). //

Vilnius, 5 September 2024. URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list?module=treaty-detail&treaty-num=225> (accessed: 17.07.2026).

[6] Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence, adopted by the General Conference of UNESCO on 23 November 2021. // Paris: UNESCO, 2022. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000381137> (accessed: 17.07.2026).

[7] Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. Т. 1: Социология. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. 445 с.

[8] Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине. 2-е изд. М.: Наука, 1983. 344 с.

[9] Глушков В. М. Макроэкономические модели и принципы построения ОГАС. М.: Статистика, 1975. 160 с.

[10] Gerovitch S. From Newspeak to Cyberspeak: A History of Soviet Cybernetics. Cambridge, MA: MIT Press, 2002. 369 p.

[11] Bovens M., Zouridis S. From Street-Level to System-Level Bureaucracies: How Information and Communication Technology Is Transforming Administrative Discretion and Constitutional Control // Public Administration Review. 2002. Vol. 62. No. 2. P. 174–184.

[12] Yeung K. Algorithmic Regulation: A Critical Interrogation // Regulation & Governance. 2018. Vol. 12. No. 4. P. 505–523.

[13] Danaher J., Hogan M. J., Noone C. et al. Algorithmic Governance: Developing a Research Agenda through the Power of Collective Intelligence // Big Data & Society. 2017. Vol. 4. No. 2. P. 1–21.

[14] Busuioc M. Accountable Artificial Intelligence: Holding Algorithms to Account // Public Administration Review. 2021. Vol. 81. No. 5. P. 825–836.

[15] Grimmelikhuijsen S., Meijer A. Legitimacy of Algorithmic Decision-Making: Six Threats and the Need for a Calibrated Institutional Response // Perspectives on Public Management and Governance. 2022. Vol. 5. No. 3. P. 232–242.

[16] Арзамасов Ю. Г., Арзамасов В. Ю. Цифровое государство: понятие, основные направления деятельности // Вестник Гуманитарного университета. 2023. № 4 (43). С. 32–41.

[17] Романовская О. В. Правовые основы цифрового государства // Наука. Общество. Государство. 2024. Т. 12. № 2. С. 76–85.

[18] Понкин И. В. Концепт цифрового государства: понятие, природа, структура и онтология // Государственная служба. 2021. Т. 23. № 5 (133). С. 47–52.

[19] Порываева Н. Ф. Алгоритмизация права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2022. 23 с.

[20] Писаревский Е. Л. Тенденции развития государства и права в условиях цифровой среды // Хозяйство и право. 2023. № 12. С. 56–77.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://pravo.gov.ru> (date of access: July 17, 2026).

[2] On the development of artificial intelligence in the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019 No. 490 (as amended by Decree of the President of the Russian Federation of February 15, 2024 No. 124) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2019. No. 41. Art. 5700; Official Internet Portal of Legal Information. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402150063> (accessed: 17.07.2026).

[3] On experimental legal regimes in the field of digital and technological innovations in the Russian Federation: Federal Law of 31 July 2020 No. 258-FZ (as amended on 26 June 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 31 (Part I). Art. 5017.

[4] Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonized rules on artificial intelligence // Official Journal of the European Union. 2024. L 2024/1689. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj> (accessed: 07.17.2026).

[5] Council of Europe Framework Convention on Artificial Intelligence and Human Rights, Democracy and the Rule of Law (CETS No. 225). // Vilnius, 5 September 2024. URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list?module=treaty-detail&treaty-num=225> (accessed: 07.17.2026).

[6] Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence, adopted by the General Conference of UNESCO on 23 November 2021. // Paris: UNESCO, 2022. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000381137> (accessed: 17.07.2026).

[7] Weber M. Economy and Society: Essays on Understanding Sociology: in 4 volumes. Vol. 1: Sociology. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2016. 445 p.

[8] Wiener N. Cybernetics, or Control and Communication in the Animal and the Machine. 2nd ed. Moscow: Nauka, 1983. 344 p.

[9] Glushkov V. M. Macroeconomic Models and Principles of Constructing OGAS. M.: Statistics, 1975. 160 p.

[10] Gerovitch S. From Newspeak to Cyberspeak: A History of Soviet Cybernetics. Cambridge, MA: MIT Press, 2002. 369 p.

[11] Bovens M., Zouridis S. From Street-Level to System-Level Bureaucracies: How Information and Communication Technology Is Transforming Administrative Discretion and Constitutional Control // Public Administration Review. 2002. Vol. 62. No. 2. P. 174–184.

[12] Yeung K. Algorithmic Regulation: A Critical Interrogation // Regulation & Governance. 2018.

Vol. 12.No. 4. P. 505–523.

[13] Danaher J., Hogan M. J., Noone C. et al. Algorithmic Governance: Developing a Research Agenda through the Power of Collective Intelligence // *Big Data & Society*. 2017. Vol. 4. No. 2. P. 1–21.

[14] Busuioc M. Accountable Artificial Intelligence: Holding Algorithms to Account // *Public Administration Review*. 2021. Vol. 81. No. 5. P. 825–836.

[15] Grimmelikhuijsen S., Meijer A. Legitimacy of Algorithmic Decision-Making: Six Threats and the Need for a Calibrated Institutional Response // *Perspectives on Public Management and Governance*. 2022. Vol. 5. No. 3. P. 232–242.

[16] Arzamasov Yu. G., Arzamasov V. Yu. Digital

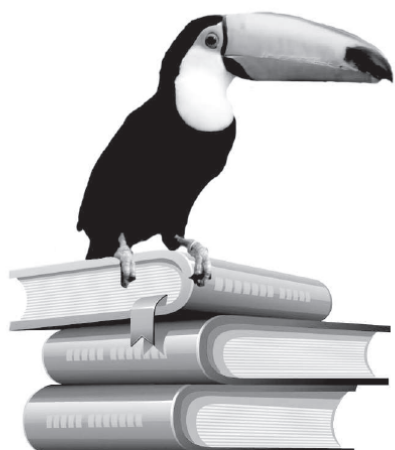
State: Concept, Main Areas of Activity // *Bulletin of the Humanitarian University*. 2023. No. 4 (43). Pp. 32–41.

[17] Romanovskaya, O. V. Legal Foundations of the Digital State // *Science. Society. State*. 2024. Vol. 12. No. 2. Pp. 76–85.

[18] Ponkin, I. V. The Concept of the Digital State: Concept, Nature, Structure, and Ontology // *Public Service*. 2021. Vol. 23. No. 5 (133). Pp. 47–52.

[19] Poryvaeva, N. F. Algorithmization of Law: Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation: 12.00.01. Moscow, 2022. 23 p.

[20] Pisarevsky, E. L. Trends in the Development of the State and Law in the Digital Environment // *Business and Law*. 2023. No. 12. P. 56–77.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

БУЛАТОВ Дим Фатихович,
аспирант кафедры Теории государства и права, Института права,
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Уфимский университет науки и технологии»,
тел: +7-937-478-53-15,
ORCID: 0009-0003-5578-3452,
e-mail: bulatovdf@yandex.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. В статье рассматриваются методологические подходы к исследованию правовой культуры как комплексной категории общей теории права. Актуальность темы обусловлена изменением правовой жизни в условиях постиндустриального общества, цифровизации публичного управления, усложнения правоприменения и трансформации юридической коммуникации. Цель статьи состоит в выявлении исследовательского потенциала культурологического, аксиологического, социологического, институционально-правового и коммуникативного подходов к пониманию правовой культуры. Научная новизна заключается в обосновании операционального понимания правовой культуры, позволяющего анализировать ее не только как систему ценностей и установок, но и как совокупность нормативных, институциональных, процедурных, правоприменительных и поведенческих характеристик правовой системы. Делается вывод, что в условиях постиндустриального общества методологически значимым становится позитивистский и институционально-правовой анализ правовой культуры, ориентированный на качество законодательства, юридической техники, правоприменительной практики, процедурных гарантий и стандартов юридической аргументации.

Ключевые слова: правовая культура, теория права, постиндустриальное общество, правовая система, правосознание, законность, правоприменение, юридический позитивизм, цифровизация права, правовая коммуникация.

BULATOV Dim Fatikhovich,
Postgraduate Student, Department of Theory of State and Law, Institute of Law,
Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Education, Ufa University of Science and Technology

METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE STUDY OF LEGAL CULTURE IN THE CONDITIONS OF POST-INDUSTRIAL SOCIETY

Annotation. The article examines methodological approaches to the study of legal culture as a complex category of general theory of law. The relevance of the topic is determined by the transformation of legal life in the conditions of post-industrial society, digitalization of public administration, increasing complexity of law enforcement and changes in legal communication. The purpose of the article is to identify the research potential of cultural, axiological, sociological, institutional-legal and communicative approaches to legal culture. The scientific novelty lies in substantiating an operational understanding of legal culture, which makes it possible to analyze it not only as a system of values and attitudes, but also as a set of normative, institutional, procedural, law enforcement and behavioral characteristics of the legal system. The author concludes that in post-industrial society a positivist and institutional-legal analysis of legal culture becomes methodologically significant, since it focuses on the quality of legislation, legal technique, law enforcement practice, procedural guarantees and standards of legal reasoning.

Key words: legal culture, theory of law, post-industrial society, legal system, legal consciousness, legality, law enforcement, legal positivism, digitalization of law, legal communication.

Введение

Категория правовой культуры занимает важное место в общей теории права, поскольку позволяет исследовать не только формальное содержание правовых норм, но и качество их создания,

применения и реализации. Через правовую культуру раскрываются состояние правовой жизни общества, уровень законности, характер правового поведения, степень доверия к юридическим институтам, качество правотворчества и правоохрани-

менения.

Вместе с тем правовая культура является междисциплинарным понятием, используемым в теории права, социологии права, философии права, политологии, культурологии и юридической психологии. Такая междисциплинарность расширяет объяснительный потенциал категории, но одновременно порождает методологический риск: правовая культура нередко трактуется чрезмерно широко — как совокупность любых ценностных, психологических и поведенческих явлений, связанных с правом. В результате ослабляется собственно юридическое содержание данной категории.

Особую актуальность проблема методологического осмысления правовой культуры приобретает в условиях постиндустриального общества. Цифровизация публичного управления, развитие электронного правосудия, появление новых форм юридической коммуникации, рост значения подзаконного и платформенного регулирования требуют более точного исследовательского инструментария. В этих условиях правовая культура не может рассматриваться исключительно как уровень правового воспитания или совокупность ценностных ориентаций. Она должна анализироваться через нормативные, институциональные, процедурные и правоприменительные характеристики правовой системы.

Цель статьи — выявить основные методологические подходы к исследованию правовой культуры и обосновать их значение для анализа правовой культуры постиндустриального общества. Научная новизна исследования состоит в предложении операционального подхода к правовой культуре как к качественной характеристике правовой системы, проявляющейся в нормах, институтах, процедурах, правоприменении и моделях правового поведения.

Правовая культура как теоретико-правовая категория

В общей теории права правовая культура традиционно рассматривается как качественная характеристика правовой жизни общества. Она отражает уровень развития права, состояние законодательства, степень законности, качество юридической практики, уровень правосознания субъектов и характер их правового поведения.

Для юридической науки принципиально важно удерживать правовую культуру в сфере юридически значимых явлений. Она должна быть связана не только с общими духовными или моральными представлениями, но и с нормотворчеством, правоприменением, реализацией права, состоянием юридических институтов и процедур. В этом смысле правовая культура представляет собой не абстрактную духовную характеристику общества, а форму выражения правовой действительности и показатель качества функционирования права.

Существенное значение имеет позиция С. С. Алексеева, который рассматривал правовую культуру как своеобразное «юридическое богатство», выраженное в уровне развития регулятивных качеств права, накопленных правовых ценностях и состоянии юридической техники. Такой подход позволяет перевести исследование правовой культуры из плоскости общих рассуждений о ценностях в плоскость анализа юридических механизмов: предсказуемости права, определенности правовых норм, качества процедур, эффективности институтов и устойчивости правоприменения.

Правовая культура тесно связана с правосознанием, законностью и правовой системой, однако не совпадает с ними. Правосознание выражает знания, оценки, эмоции и установки субъектов по отношению к праву. Правовая культура шире правосознания, поскольку включает не только внутреннее отношение к праву, но и внешние формы правовой жизни: качество законодательства, состояние правоприменения, юридические процедуры, уровень законности и типовые модели правового поведения.

Законность является важным элементом правовой культуры, но не исчерпывает ее содержания. Развитая правовая культура предполагает не только соблюдение норм, но и их качество, процедурную обеспеченность, предсказуемость решений, доверие к правовым институтам и способность права быть эффективным регулятором общественных отношений.

Правовая система выступает более широкой категорией, включающей нормы права, институты, юридическую практику, правовые отношения и идеологические компоненты. Правовая культура может рассматриваться как качественная характеристика правовой системы, показывающая, насколько она способна обеспечивать эффективное, легитимное и предсказуемое регулирование.

Методологические подходы к исследованию правовой культуры

В теоретико-правовой литературе можно выделить несколько основных подходов к пониманию правовой культуры. Каждый из них акцентирует внимание на различных сторонах правовой действительности.

Культурологический подход

Культурологический подход рассматривает правовую культуру как часть общей культуры общества. В его рамках правовая культура связывается с исторически сложившимися юридическими традициями, символами, правовыми архетипами, способами разрешения конфликтов, моделями соотношения личности и государства, а также с характерным для конкретного общества «правовым стилем».

Достоинство данного подхода состоит в том, что он позволяет выявлять длительные траектории развития правовых систем, преемственность

правовых институтов и устойчивые особенности правового мышления. Однако культурологический подход нередко оперирует широкими и трудноизмеримыми категориями: «правовая традиция», «ментальность», «дух права», «национальный правовой стиль». Эти категории важны для общего понимания правовой жизни, но не всегда позволяют анализировать конкретные регуляторные изменения, особенно в условиях быстро меняющейся цифровой среды.

Аксиологический подход

Аксиологический подход связывает правовую культуру с системой правовых ценностей и идеалов: законностью, справедливостью, свободой, достоинством личности, правами человека и равенством. Правовая культура в данном случае выступает как показатель цивилизованности права и степени воплощения правовых ценностей в законодательстве и юридической практике.

Эвристическое значение аксиологического подхода состоит в том, что он позволяет выявить нормативно-идеальную сторону правовой культуры. Вместе с тем его слабая сторона заключается в возможной подмене научного анализа морально-политической оценкой. Правовая культура начинает пониматься как степень приближения к определенному идеалу, а не как характеристика реально функционирующих правовых механизмов. Для позитивного юридического исследования этого недостаточно, поскольку необходимо изучать не только желаемое состояние права, но и реально действующие нормы, институты, процедуры и практики.

Социологический подход

Социологический подход переносит внимание с текста закона на поведение субъектов и фактическое функционирование правовых институтов. Исследовательский интерес направлен на то, как право используется, соблюдается, применяется или обходится в реальной социальной практике.

В зарубежной традиции близким понятием является *legal culture*. Оно используется для объяснения различий между «законом в книгах» и «законом в действии». Л. М. Фридман, рассматривая правовую систему как целостность, выделял в ней структурный, субстантивный и культурный компоненты. Последний включает ценности и установки, определяющие, почему люди обращаются к праву или, напротив, избегают правовых процедур. Таким образом, правовая культура приобретает объяснительное значение: она показывает, каким образом нормы и институты превращаются в реальные социальные практики.

Социологический подход особенно важен для исследования постиндустриального общества, поскольку позволяет учитывать разрыв между формальным регулированием и фактическим поведением субъектов. Это имеет значение при анализе цифровых сервисов, платформенного регулирования, электронного правосудия, компла-

енс-практик и новых форм правового взаимодействия.

Институционально-правовой подход

Институционально-правовой подход характерен для общей теории права и юридической доктрины. Он связывает правовую культуру с качеством правотворчества, правоприменения, юридических процедур, состоянием законности и правопорядка, уровнем судебной и административной практики.

В рамках данного подхода правовая культура проявляется в юридически наблюдаемых параметрах: качестве законодательства, определенности правовых норм, уровне юридической техники, последовательности правоприменения, мотивированности судебных решений, доступности правосудия, процедурной дисциплине органов публичной власти.

Именно институционально-правовой подход позволяет превратить категорию правовой культуры в рабочий инструмент юридического анализа. Он дает возможность оценивать правовую культуру через состояние конкретных правовых механизмов, а не только через общие представления о праве и справедливости.

Коммуникативный подход

В современных условиях особое значение приобретает коммуникативный подход к правовой культуре. Он рассматривает право как систему юридической коммуникации, включающую язык права, способы аргументации, процедуры мотивирования решений, стандарты доказывания и формы взаимодействия между государством, обществом и отдельными субъектами.

Для постиндустриального общества данный подход особенно актуален. Цифровизация меняет каналы правовой коммуникации: развиваются электронные государственные услуги, дистанционные судебные заседания, электронный документооборот, цифровые доказательства, автоматизированные системы принятия решений. В этих условиях правовая культура проявляется не только в отношении субъектов к праву, но и в качестве юридического языка, прозрачности процедур, понятности правовых решений и доверии к цифровым формам правового взаимодействия.

Позитивистская методология и правовая культура постиндустриального общества

Для анализа правовой культуры в условиях постиндустриального общества особое значение имеет позитивистская методология. Ее применение не означает игнорирования ценностного измерения права. Речь идет о том, что исходным предметом юридического исследования должны выступать действующие нормы, источники права, юридические процедуры, институциональные практики и формы правоприменения.

Юридический позитивизм исходит из того, что существование и содержание права определяются социальными фактами: актами пра-

вотворчества, признанными источниками права, судебными решениями, институциональными процедурами. В рамках такого подхода право исследуется как нормативный порядок, поддерживаемый публичными институтами и обеспеченный юридическими механизмами.

Применительно к правовой культуре позитивистская методология позволяет выделить несколько направлений анализа. Во-первых, исследованию подлежит качество нормативного материала: определенность норм, их системность, уровень юридической техники, стабильность и предсказуемость правового регулирования. Во-вторых, важным объектом становится правоприменительная практика, поскольку именно она обеспечивает превращение нормы в реальное регулирование. В-третьих, необходимо учитывать институциональное измерение правовой культуры: компетентность органов публичной власти, качество юридических процедур, устойчивость правовых позиций, фактическую исполнимость решений и степень доверия к правовым институтам.

Постиндустриальное общество характеризуется возрастанием роли информации, цифровых технологий, сетевых коммуникаций, экспертного знания и сложных управленческих систем. Эти процессы изменяют содержание правовой культуры. Ускоряется нормотворчество, усиливается роль правоприменения, возрастает значение процедур и меняется характер правовой коммуникации. Право вынуждено реагировать на технологические изменения, цифровые платформы, искусственный интеллект, обработку больших данных, киберугрозы и трансграничные формы взаимодействия.

В этих условиях правовая культура проявляется прежде всего как культура нормотворчества, процедур, правоприменения и юридической коммуникации. Она не сводится к уровню правового сознания граждан, хотя и включает его. Ее ядро составляют институциональные и процедурные характеристики правовой системы, обеспечивающие предсказуемость, легитимность и эффективность права.

С учетом рассмотренных подходов правовую культуру целесообразно понимать как совокупность нормативных, институциональных, правоприменительных и поведенческих характеристик правовой системы, выражающих качество производства, применения и реализации права и обеспечивающих предсказуемость и легитимность юридически значимых решений.

Такое определение имеет операциональный характер. Оно позволяет исследовать правовую культуру не только как ценностное или духовное явление, но и как систему наблюдаемых юридических параметров: качество законодательства, определенность норм, состояние юридической техники, устойчивость судебной практики, стандарты доказывания, процедурная дисциплина,

исполнимость решений, доверие к институтам и распространенные модели правового поведения.

Заключение

Правовая культура является комплексной теоретико-правовой категорией, отражающей качество правовой жизни и состояние правовой системы. Ее исследование требует сочетания различных методологических подходов. Культурологический подход позволяет учитывать исторические традиции и правовой стиль общества; аксиологический — выявлять ценностные основания права; социологический — анализировать фактическое поведение субъектов и различие между формальным и реально действующим правом; институционально-правовой — оценивать качество норм, процедур и правоприменения; коммуникативный — исследовать язык права, юридическую аргументацию и формы взаимодействия субъектов.

Вместе с тем для анализа правовой культуры в условиях постиндустриального общества особое значение приобретает позитивистская и институционально-правовая методология. Современные трансформации права проявляются прежде всего в изменении нормативных массивов, усложнении правоприменения, цифровизации процедур и изменении форм юридической коммуникации.

Правовая культура постиндустриального общества должна пониматься не только как совокупность ценностей и правовых установок, но и как качество юридических механизмов, обеспечивающих предсказуемое, легитимное и эффективное действие права. Поэтому ее исследование должно опираться на анализ норм, институтов, процедур, практик и моделей правового поведения.

Список литературы:

- [1] Аграновская Е. В. Правовая культура и обеспечение прав личности / отв. ред. Е. А. Лукашева. — М. : Наука, 1988. — 142 с.
- [2] Алексеев С. С. Общая теория права : в 2 т. — М. : Юридическая литература, 1981–1982. — 359 с.
- [3] Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права : учебник. — М. : Юрист, 2004. — 512 с.
- [4] Певцова Е. А. Правовая культура и правосознание в теории права // Журнал российского права. — 2004. — № 2. — С. 188–214.
- [5] Петручак Л. А. Правовая культура как детерминанта современного российского общества : монография. — М. : Юриспруденция, 2012. — 400 с.
- [6] Теория государства и права : учебник : в 2 ч. / под ред. М. Н. Марченко. — М. : Зерцало-М, 2011. — 720 с.
- [7] Friedman L. M. The Legal System: A Social Science Perspective. — New York : Russell Sage Foundation, 1975. — 338 p.
- [8] Nelken D. Comparative Legal Research and Legal Culture: Facts, Approaches, and Values //

Annual Review of Law and Social Science. – 2016. – Vol. 12. – P. 45–62.

References:

[1] Agranovskaya E. V. Legal Culture and Ensuring Individual Rights / ed. E. A. Lukasheva. - Moscow: Nauka, 1988. - 142 p.

[2] Alekseev S. S. General Theory of Law: in 2 volumes. - Moscow: Yuridicheskaya Literature, 1981-1982. - 359 p.

[3] Matuzov N. I., Malko A. V. Theory of State and Law: textbook. - Moscow: Yurist, 2004. - 512 p.

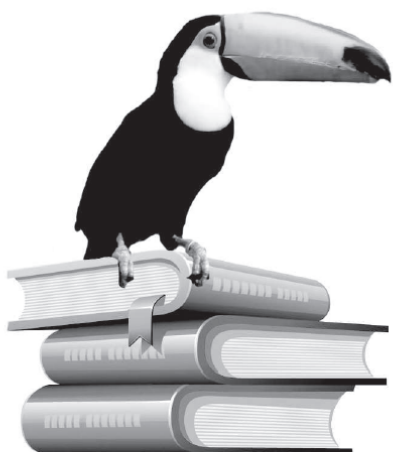
[4] Pevtsova E. A. Legal Culture and Legal Consciousness in the Theory of Law // Journal

of Russian Law. - 2004. - No. 2. - P. 188-214. [5] Petruchak L. A. Legal Culture as a Determinant of Contemporary Russian Society: a monograph. Moscow: Jurisprudence, 2012. 400 p.

[6] Theory of State and Law: a textbook: in 2 parts / edited by M. N. Marchenko. Moscow: Zertsalo-M, 2011. 720 p.

[7] Friedman L. M. The Legal System: A Social Science Perspective. New York: Russell Sage Foundation, 1975. 338 p.

[8] Nelken D. Comparative Legal Research and Legal Culture: Facts, Approaches, and Values // Annual Review of Law and Social Science. 2016, Vol. 12, pp. 45–62.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

*ГРУДЦЫНА Людмила Юрьевна,
доктор юридических наук, профессор,
декан факультета профессиональной переподготовки
Московского института профессионального образования им. К.Д. Ушинского,
председатель Московской городской коллегии адвокатов «Норма права»,
Почетный адвокат России, эксперт РАН,
ORCID 0000-0001-7731-724X
<https://ludmilagru.academia.edu/research>,
e-mail: ludmilagr@mail.ru*

ВОПРОСЫ ТОЛКОВАНИЯ КОНСТИТУЦИИ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация. Толкование конституции представляет собой интеллектуально-юридическую деятельность по установлению смысла конституционных положений, их системной связи с иными нормами основного закона, конституционными принципами, ценностями и целями конституционного регулирования. В отличие от обычного толкования закона, оно обращено не только к буквальному содержанию текста, но и к смысловой архитектуре всего конституционного строя: к идее верховенства конституции, прямого действия ее норм, народного суверенитета, разделения властей, федерализма, признания прав и свобод человека высшей ценностью.

Ключевые слова: толкование конституции, конституционная норма, толкование права, высшая юридическая сила, буквальное толкование.

*GRUDTSINA Ludmila Yurievna,
Doctor of Law, Professor,
Dean of the Faculty of Professional Retraining
at the K.D. Ushinsky Moscow Institute of Professional Education,
Chairman of the Moscow City Bar Association «Norma Prava»,
Honorary Lawyer of Russia, Russian Academy of Sciences expert*

CONSTITUTIONAL INTERPRETATION ISSUES: LEGAL AND THEORETICAL ASPECTS

Annotation. The interpretation of the constitution is an intellectual and legal activity to establish the meaning of constitutional provisions, their systemic relationship with other norms of the basic law, constitutional principles, values and goals of constitutional regulation. Unlike the usual interpretation of the law, it is addressed not only to the literal content of the text, but also to the semantic architecture of the entire constitutional order: to the idea of the rule of the constitution, the direct operation of its norms, popular sovereignty, separation of powers, federalism, recognition of human rights and freedoms as the highest value.

Key words: interpretation of the constitution, constitutional norm, interpretation of law, supreme legal force, literal interpretation.

Для российского конституционного правопорядка исходное значение имеют положения о высшей юридической силе Конституции и о ее прямом действии, а также специальное полномочие Конституционного Суда Российской Федерации давать толкование Конституции по запросам ограниченного круга публичных субъектов. [1] Конституционный текст отличается высокой степенью абстрактности. В нем часто используются понятия, которые не могут быть исчерпывающе раскрыты путем

словарного определения: «достоинство личности», «социальное государство», «правовое государство», «справедливость», «добросовестная конкуренция», «единая система публичной власти», «федеративное устройство», «местное самоуправление». Эти категории имеют нормативное содержание, но оно раскрывается через взаимосвязь текста, принципов, целей конституции и практики ее применения. Именно поэтому конституционные нормы требуют не только лингвистического, но и принципиально системного прочтения.

Особенность конституции состоит и в том, что она регулирует отношения различного уровня обобщения. Одни нормы носят непосредственно применимый характер: например, нормы о правах и свободах, о равенстве перед законом и судом, о гарантиях судебной защиты. Другие задают институциональную рамку и нуждаются в развитии через законодательство: порядок формирования органов публичной власти, разграничение предметов ведения, процедуры бюджетного и законодательного процесса. Третьи выступают как нормы-принципы, определяющие направление правового развития. Толкование конституции должно учитывать этот многоуровневый характер ее предписаний.

В отличие от большинства законов, конституция рассчитана на длительное действие. Она не может быть изменяема всякий раз, когда изменяются социальные, технологические или политические обстоятельства. Поэтому в конституционном толковании неизбежно присутствует элемент адаптации текста к новым условиям. Однако такая адаптация не должна превращаться в подмену конституционного регулирования судебным или административным усмотрением. Конституция сохраняет силу основного закона именно потому, что ее смысл развивается в рамках текста и принципов, а не вопреки им.

С этой точки зрения толкование конституции является механизмом поддержания баланса между стабильностью и развитием. Стабильность означает, что основные ценности и институциональные пределы не могут произвольно переопределяться текущей политической волей. Развитие означает, что конституция должна отвечать на новые правовые вызовы: цифровизацию публичной власти, биомедицинские технологии, трансформацию собственности, изменения форм занятости, международно-правовые конфликты, новые способы ограничения прав. Толкование становится способом сохранения конституции как живого правового инструмента без утраты ее учредительного характера.

В наиболее общем виде толкование конституции можно определить как юридически значимую деятельность по выявлению, обоснованию и выражению смысла конституционных норм с целью их правильной реализации, применения, защиты и развития в правовой системе. Это определение включает четыре элемента: объект толкования - конституционная норма или конституционный принцип; субъект толкования - лицо, орган или институт, осуществляющие уяснение и разъяснение смысла; метод толкования - совокупность приемов работы с текстом, системой и целями конституции; результат толкования - сформулированный смысл, который может быть доктринальным, правоприменительным или общеобязательным.

Толкование выполняет познавательную функцию: оно позволяет установить содержание нор-

мы, определить ее адресатов, условия применения и правовые последствия. Без этой функции конституция оставалась бы декларативным текстом, неспособным регулировать конкретные отношения. Толкование выполняет и интегративную функцию: оно связывает отдельные конституционные положения в целостную систему, не допускает их изолированного применения и устраняет видимые противоречия. Например, свобода выражения мнения не может толковаться вне достоинства личности, запрета злоупотребления правом, требований безопасности и принципа политического плюрализма.

Регулятивная функция проявляется в том, что толкование влияет на содержание текущего законодательства и правоприменения. Законодатель, принимая федеральный закон, исходит из определенного понимания конституционных рамок; суд, разрешая спор, должен применять закон в конституционно допустимом смысле; органы исполнительной власти обязаны строить административную практику так, чтобы она не противоречила Конституции. Особенно ярко это проявляется в решениях Конституционного Суда, где конституционно-правовой смысл нормы может изменить дальнейшую судебную и административную практику без формального исключения нормы из текста закона. [2]

Охранительная функция толкования состоит в защите Конституции от искажения. Норма может быть нарушена не только путем ее прямого неприменения, но и путем подмены ее смысла. Закон, формально совместимый с текстом Конституции, способен вступить в противоречие с ее принципами, если правоприменительная практика придает ему смысл, умаляющий права личности или нарушающий баланс властей. Поэтому конституционное толкование нередко выступает как средство выявления скрытого неконституционного содержания правового регулирования.

Наконец, легитимационная функция заключается в том, что толкование объясняет обществу, почему именно такое понимание конституции является юридически обоснованным. В демократическом правовом государстве конституционное решение не может быть только властным приказом; оно должно быть рационально аргументировано. Требование мотивированности особенно важно в конституционном правосудии: чем выше уровень абстрактности конституционной нормы, тем больше значение имеет качество юридической аргументации.

Классическое деление толкования на официальное и неофициальное сохраняет значение и в конституционном праве. Официальное толкование исходит от органа, которому право прямо предоставило компетенцию разъяснять смысл конституции или применять ее в юридически обязательной форме. В России официальное толкование Конституции в специальной процедуре дает Конституционный Суд Российской Федера-

ции. Такое толкование не является факультативным мнением: оно обязательно для органов публичной власти, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений. В этом проявляется нормативная сила конституционного правосудия.

Неофициальное толкование осуществляется учеными, экспертами, политическими партиями, адвокатами, общественными объединениями, образовательными организациями, средствами массовой информации. Оно не имеет общеобязательной силы, но способно существенно влиять на правовую культуру и практику. Доктринальные подходы часто становятся интеллектуальным источником последующих судебных позиций; экспертные заключения помогают выявить противоречия в законодательстве; научные дискуссии формируют язык, на котором описываются конституционные проблемы. Поэтому неофициальное толкование нельзя считать второстепенным: оно не властно по форме, но значимо по содержанию.

По объему результата различают буквальное, расширительное и ограничительное толкование. Буквальное толкование исходит из совпадения словесного выражения нормы и ее юридического смысла. Расширительное толкование выявляет более широкий смысл, чем может следовать из узкого грамматического прочтения; оно допустимо, если обосновано системой Конституции и ее целями. Ограничительное толкование, напротив, сужает сферу действия нормы по сравнению с поверхностным пониманием текста. В конституционном праве ограничительное толкование особенно важно при применении полномочий публичной власти: власть может действовать только в пределах компетенции, а сомнение в объеме полномочия не должно автоматически решаться в пользу его расширения.

По юридическому назначению можно выделить нормативное и казуальное толкование. Нормативное толкование рассчитано на неопределенный круг ситуаций и субъектов. Казуальное толкование дается в связи с конкретным делом, но в конституционном правосудии оно часто приобретает значение правовой позиции, влияющей на дальнейшую практику. Именно поэтому граница между нормативным и казуальным в конституционном судопроизводстве подвижна: решение может быть принято по индивидуальной жалобе, но сформулированный в нем конституционно-правовой смысл закона становится ориентиром для всех аналогичных ситуаций.

По субъектам можно различать судебное, парламентское, президентское, административное, муниципальное, доктринальное и гражданское толкование. Судебное толкование имеет центральное значение, поскольку именно суды применяют Конституцию при разрешении правовых конфликтов. Парламентское толкование проявляется в процессе законотворчества и пар-

ламентского контроля. Президентское толкование выражается в правовых позициях главы государства при подписании законов, использовании права законодательной инициативы, обращениях в Конституционный Суд РФ. Административное толкование воплощается в практике органов исполнительной власти; его риск состоит в том, что ведомственная целесообразность может вытеснить конституционные критерии. Гражданское толкование отражает то, как Конституция воспринимается обществом; оно не создает юридически обязательных правил, но определяет уровень конституционной культуры.

Грамматическое толкование обращается к словам, синтаксису и структуре предложения. Оно необходимо, поскольку конституция существует как текст, а правовая определенность требует уважения к словесной форме нормы. Однако грамматический способ не должен абсолютизироваться: одно и то же слово в разных статьях Конституции может иметь различный оттенок смысла, а конституционные понятия часто не совпадают с отраслевыми терминами. Например, понятие «собственность» в конституционном контексте шире конкретных гражданско-правовых конструкций, поскольку выражает не только институт владения, пользования и распоряжения, но и гарантию экономической свободы личности.

Логическое толкование использует правила формальной логики: анализ понятий, выводы от противного, сопоставление общего и специального, выявление условий и последствий. В конституционном праве логический метод важен при определении компетенции органов власти. Если Конституция прямо закрепляет круг субъектов, уполномоченных обращаться в Конституционный Суд РФ за официальным толкованием, этот перечень не может произвольно расширяться по аналогии. Иначе была бы нарушена логика конституционного распределения полномочий.

Системное толкование является центральным для конституционного права. Оно исходит из того, что каждая норма Конституции должна пониматься во взаимосвязи с другими нормами и с общими принципами. Нельзя толковать нормы о федерализме вне принципа государственной целостности; нормы о правах — вне принципа достоинства личности и равенства; нормы о судебной власти — вне независимости суда и права на судебную защиту. В постановлении о толковании части 4 статьи 66 Конституции Конституционный Суд РФ прямо показал, что вопрос о вхождении автономного округа в состав края или области не может быть решен без исторического и системного анализа федеративных отношений. [6]

Историческое толкование обращается к условиям принятия конституции, предшествующему правовому регулированию, материалам конституционного процесса, историческим компромиссам и институциональной памяти. Его значение особенно велико при анализе норм, возникших

как ответ на конкретный политико-правовой конфликт. Однако исторический метод имеет пределы: он не должен превращать конституцию в документ прошлого. История помогает понять исходный смысл нормы, но не отменяет необходимости применять ее к современным отношениям.

Телеологическое толкование выявляет цель конституционного регулирования. Оно отвечает на вопрос: ради какого конституционного результата установлена данная норма? Например, процедура рассмотрения федеральных законов палатами Федерального Собрания служит не формальному исчислению сроков, а обеспечению баланса двухпалатного парламентаризма, федеративного представительства и эффективности законодательного процесса. Именно поэтому при толковании части 4 статьи 105 и статьи 106 Конституции Конституционный Суд РФ исходил из необходимости обеспечить реальное рассмотрение Советом Федерации законов, подлежащих обязательному рассмотрению. [3]

Функциональное толкование учитывает роль соответствующего института в системе публичной власти. Так, полномочия Президента, парламента, Правительства и судов должны толковаться не изолированно, а с учетом механизма сдержек и противовесов. В деле о толковании отдельных положений статьи 107 Конституции, касающихся президентского вето, Конституционный Суд фактически разъяснил функциональный смысл сроков и процедур в законодательном процессе: они не являются технической формальностью, а обеспечивают предсказуемость и дисциплину взаимодействия главы государства и парламента. [5]

Сравнительно-правовое толкование использует опыт иных конституционных систем. Оно не означает механического переноса зарубежных решений, но помогает увидеть возможные модели аргументации: текстуализм, оригинализм, доктрину «живой конституции», принцип пропорциональности, тесты баланса прав и публичных интересов. Для российского права сравнительно-правовой метод полезен постольку, поскольку он укрепляет собственную конституционную аргументацию, а не заменяет ее внешним авторитетом. Конституционная идентичность предполагает открытость к опыту, но не отказ от собственной системы источников и ценностей.

Аксиологическое, или ценностное, толкование исходит из того, что Конституция не является нейтральной инструкцией по организации власти. Она закрепляет иерархию ценностей: человек, его права и свободы; народовластие; правовое государство; социальная солидарность; федерализм; самостоятельность местного самоуправления; идеологическое и политическое многообразие. Ценностный метод особенно важен там, где буквальный текст допускает несколько решений. Но он наиболее опасен при слабой аргументации: ссылка на ценности не должна превращаться

в произвольное утверждение о «духе Конституции». Ценность должна быть выведена из текста, принципов и структуры Конституции, а не подставлена вместо них.

В российской модели официальное толкование Конституции сосредоточено в компетенции Конституционного Суда Российской Федерации. Согласно части 5 статьи 125 Конституции он дает толкование Конституции по запросам Президента Российской Федерации, Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства Российской Федерации и органов законодательной власти субъектов Российской Федерации. Такой круг субъектов показывает, что официальное толкование предназначено не для разрешения частного спора, а для устранения неопределенности, имеющей публично-правовое значение.

Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» развивает эту модель в главе XIV. Правом на обращение с запросом о толковании обладают указанные публичные субъекты, а толкование, данное Конституционным Судом РФ, является официальным и обязательным. Отсюда следуют два принципиальных вывода. Во-первых, официальное толкование не может быть инициировано любым гражданином или организацией напрямую; частный интерес реализуется через иные процедуры конституционного судопроизводства, прежде всего через жалобу на нарушение конституционных прав законом. Во-вторых, результат толкования адресован всему правопорядку, а не только заявителю. [2]

Официальное толкование Конституции следует отличать от проверки конституционности закона. При проверке закона Суд сопоставляет нормативный акт с Конституцией и решает вопрос о допустимости его дальнейшего действия. При толковании Конституции предметом является сама конституционная норма, смысл которой вызывает неопределенность. Конечно, на практике эти формы взаимосвязаны: проверяя закон, Суд неизбежно толкует Конституцию; давая толкование Конституции, Суд может предопределить судьбу целого массива законодательства. Тем не менее, процедурное различие важно, поскольку оно определяет субъектов обращения, предмет доказывания и пределы решения.

В российской практике специальных постановлений о толковании Конституции сравнительно немного, но их значение выходит далеко за пределы конкретных вопросов. В постановлении от 23 марта 1995 г. № 1-П Суд истолковал часть 4 статьи 105 и статью 106 Конституции, определив порядок рассмотрения Советом Федерации федеральных законов, подлежащих обязательному рассмотрению. В постановлении от 31 октября 1995 г. № 12-П Суд дал толкование статьи 136 Конституции и тем самым установил правовую форму принятия поправок к главам 3–8 Конституции. [4] В постановлении от 16 июня 1998 г. № 19-П Суд

истолковал отдельные положения статей 125, 126 и 127 Конституции, разграничив конституционный контроль и полномочия высших судов в системе судебной власти. [7]

Юридическая сила решений Конституционного Суда РФ придает официальному толкованию особый статус. Решение Суда окончательно, не подлежит обжалованию, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами. Более того, если Конституционный Суд РФ выявил конституционно-правовой смысл нормы, эта норма не должна толковаться и применяться в ином смысле. Для правоприменителя это означает, что формальное сохранение текста закона не позволяет игнорировать смысл, сформулированный Конституционным Судом. [2]

Официальное толкование в российской модели обладает одновременно разъяснительным, нормативно-ориентирующим и правокорректирующим эффектом. Оно разъясняет Конституцию; задает ориентир для законодательства и судебной практики; корректирует уже сложившиеся подходы, если они противоречат конституционным принципам. Именно поэтому правовые позиции Конституционного Суда РФ не могут рассматриваться как комментарии к закону. Они являются способом действия Конституции в правовой системе.

В практике Конституционного Суда РФ значительное место занимает не только прямое толкование Конституции, но и конституционно-правовое истолкование закона. Оно возникает в тех случаях, когда оспариваемая норма сама по себе может быть сохранена в правовой системе, но только при условии ее применения в определенном, конституционно допустимом смысле. Такой прием позволяет избежать излишнего разрушения правового регулирования и одновременно блокировать неконституционную правоприменительную практику.

Конституционно-правовое истолкование закона отличается от обычного судебного толкования. Обычный суд, толкуя норму, выбирает смысл, необходимый для разрешения конкретного дела. Конституционный Суд, выявляя конституционно-правовой смысл, устанавливает пределы допустимого понимания нормы с точки зрения Конституции. Поэтому результат такого истолкования обязателен не потому, что Суд выступил как «вышестоящая инстанция» по конкретному делу, а потому, что он определил конституционные границы действия нормы. Эта конструкция особенно важна в сферах, где законодатель использует оценочные понятия: публичный порядок, безопасность, добросовестность, разумность, уважительные причины, существенное нарушение, баланс интересов. Оценочное понятие само по себе не является неконституционным; оно необходимо для гибкости регулирования. Но правоприменение может наполнить его произвольным содержанием. Тогда задача конституционного

контроля состоит не в отмене оценочного понятия как такового, а в установлении конституционных критериев его применения.

Правовое значение конституционно-правового истолкования усилилось в связи с развитием законодательства о последствиях решений Конституционного Суда. В статье 79 Федерального конституционного закона закреплено, что с момента вступления постановления в силу норма не должна толковаться каким-либо иным образом и применяться в каком-либо ином смысле. Это правило переводит правовую позицию Суда из плоскости аргументации в плоскость обязательного стандарта правоприменения. [2]

Особое значение имеет толкование конституционных принципов. Норма-правило обычно содержит относительно определенное предписание: кто, что, когда и при каких условиях должен или вправе сделать. Принцип задает направление регулирования и критерий оценки. Он не всегда сообщает готовый ответ, но требует соотнести решение с более высоким уровнем конституционного смысла. Именно поэтому принципы правового государства, разделения властей, федерализма, социального государства, светского государства, идеологического многообразия и местного самоуправления постоянно участвуют в конституционной аргументации.

Принцип не должен использоваться как универсальная формула, позволяющая обосновать любой вывод. Например, ссылка на правовое государство должна быть конкретизирована через правовую определенность, запрет произвола, доверие к закону, независимый суд, исполнимость судебных решений. Ссылка на социальное государство должна раскрывать баланс социальной поддержки, финансовой устойчивости и равенства. Ссылка на федерализм должна учитывать государственную целостность, равноправие субъектов, разграничение предметов ведения и самостоятельность регионального правотворчества. При конфликте принципов задача интерпретатора состоит не в механическом выборе одного из них, а в их практическом согласовании. Свобода предпринимательства должна согласовываться с социальной функцией государства и защитой конкуренции; автономия местного самоуправления - с единством публичной власти и гарантиями прав граждан; свобода слова - с защитой достоинства, безопасности и прав других лиц. В этом проявляется конституционная техника взвешивания, где решение должно показывать, почему в конкретной ситуации один принцип получает приоритет без полного уничтожения другого.

В современной конституционной теории именно толкование принципов является наиболее сложной зоной. Текст конституции часто говорит лаконично, а принцип требует развернутой аргументации. Поэтому качество правовой позиции зависит от того, насколько убедительно показана связь между принципом, фактической

проблемой, законодательным решением и правовыми последствиями. Принципиальное толкование не должно быть риторикой; оно должно быть юридической методологией.

Толкование конституционных прав имеет собственную специфику. Права и свободы не являются обычными дозволениями, предоставленными государством. Они признаются Конституцией и определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и правосудия. Поэтому любое толкование нормы о праве должно исходить из презумпции максимальной реализации свободы личности при одновременном уважении прав других лиц и публичных интересов.

В этой сфере особое значение имеет различие содержания права, условий его реализации и допустимых ограничений. Содержание права отвечает на вопрос, что именно защищает Конституция. Условия реализации определяют процессуальные и организационные формы осуществления права. Ограничения устанавливают границы, связанные с защитой других конституционных ценностей. Ошибка возникает тогда, когда организационные условия или ограничения начинают подменять само содержание права. Например, регистрационная, разрешительная или уведомительная процедура не должна превращаться в средство фактического запрета права.

Толкование прав требует учета их горизонтального и вертикального действия. Вертикальное действие означает защиту личности от публичной власти. Горизонтальное действие проявляется в отношениях между частными лицами, когда государство обязано создать правовые механизмы защиты достоинства, собственности, неприкосновенности частной жизни, свободы труда, интеллектуальных прав. Конституция действует не только в споре гражданина с государством, но и как стандарт, через который оценивается частноправовое регулирование. Важным методологическим инструментом является принцип пропорциональности. Его структура может быть изложена как последовательность вопросов: преследует ли ограничение конституционно значимую цель; пригодно ли оно для достижения этой цели; необходимо ли оно, то есть существуют ли менее обременительные средства; сохраняется ли справедливый баланс между публичной целью и ущербом для права. Такой тест дисциплинирует толкование, не позволяя сводить его к общим ссылкам на безопасность, мораль, порядок или интересы государства.

Толкование прав и свобод особенно чувствительно к языку конституционной аргументации. Если право описывается как исключение из власти, оно неизбежно сужается. Если власть описывается как служебная по отношению к правам, конституционная логика сохраняется. В этом смысле толкование прав - это не только техниче-

ский прием, но и показатель реального типа правопорядка.

Доктринальное толкование конституции осуществляется юридической наукой. Его непосредственная юридическая сила ограничена: научная позиция не обязательна для суда и законодателя. Однако влияние доктрины проявляется иначе. Она формирует понятия, классификации, критерии, язык аргументации, выявляет скрытые противоречия и предлагает модели решения. Без доктринального толкования конституционная практика рискует стать набором ситуативных решений, не связанных общей методологией.

Особая роль доктрины состоит в критической функции. Официальное толкование может быть обязательным, но оно не освобождается от научной оценки. Академическая дискуссия позволяет выявлять слабые места аргументации, предлагать альтернативные подходы, сравнивать практику с принципами Конституции и международным опытом. В правовом государстве доктрина не подчинена судебной власти; она взаимодействует с ней как самостоятельный интеллектуальный институт.

Конституционная культура шире профессиональной доктрины, она включает представления граждан о смысле Конституции, ожиданиях справедливости, уровень доверия к суду, готовность использовать правовые способы защиты. Если Конституция воспринимается только как символический текст, ее толкование остается делом узкого круга специалистов. Если же Конституция воспринимается как действующий правовой инструмент, граждане, адвокаты, суды и органы власти начинают говорить на одном языке конституционных прав и обязанностей.

Для российского правопорядка толкование конституции имеет не вспомогательное, а системообразующее значение. Конституция обладает высшей юридической силой, но ее верховенство реализуется через конкретные механизмы: законотворчество, судебную защиту, прокурорский надзор, деятельность органов публичной власти, правовое просвещение, конституционный контроль. Во всех этих механизмах требуется определить, что именно означает конституционная норма в данной ситуации.

Роль Конституционного Суда РФ в этой системе заключается не только в разрешении дел о соответствии актов Конституции. Суд формирует конституционный язык правоприменения. Его правовые позиции позволяют судам общей юрисдикции и арбитражным судам применять отраслевые нормы в конституционно допустимом смысле; законодателю - корректировать регулирование; органам исполнительной власти - перестраивать административную практику. Постановление от 16 июня 1998 г. № 19-П показало значение толкования для разграничения полномочий высших судебных органов и сохранения единства судебной власти. [7]

В условиях усложнения правовой системы толкование конституции становится способом предотвращения нормативной фрагментации. Чем больше специальных законов, подзаконных актов, цифровых регламентов, административных процедур и судебных подходов, тем выше риск, что конституционный смысл будет утрачен в отраслевых деталях. Толкование возвращает правовую систему к ее центру - к Конституции как акту прямого действия и критерию действительности публичной власти.

Будущее конституционного толкования связано с новыми объектами: цифровой идентичностью, алгоритмическим управлением, биометрическими данными, искусственным интеллектом в публичных услугах и судопроизводстве, трансграничным оборотом данных, новыми формами собственности и участия граждан. Эти явления не всегда прямо названы в Конституции, но они затрагивают достоинство личности, частную жизнь, судебную защиту, равенство, свободу экономической деятельности и ответственность государства. Следовательно, конституционное толкование должно уметь переводить новые технологические реалии на язык основных прав и принципов.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2020. — № 31 (ч. I). — Ст. 4398.

[2] О Конституционном Суде Российской Федерации: федеральный конституционный закон (Собрание законодательства Российской Федерации, 1994, № 13, ст. 1447).

[3] Постановление Конституционного Суда РФ от 23 марта 1995 г. № 1-П «По делу о толковании части 4 статьи 105 и статьи 106 Конституции Российской Федерации». // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6143/ (дата обращения: 08.06.2026).

[4] Постановление Конституционного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 12-П «По делу о толковании статьи 136 Конституции Российской Федерации». // СПС КонсультантПлюс. URL: (дата обращения: 08.06.2026).

[5] Постановление Конституционного Суда РФ от 22 апреля 1996 г. № 10-П «По делу о толковании отдельных положений статьи 107 Конституции Российской Федерации». // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8215/ (дата обращения: 08.06.2026).

[6] Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 1997 г. № 12-П «По делу о толковании содержащегося в части 4 статьи 66 Конституции Российской Федерации положения о вхождении автономного округа в состав края, области». // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15235/ (дата обращения: 08.06.2026).

consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15235/ (дата обращения: 08.06.2026).

[7] Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 1998 г. № 19-П «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации». // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19163/ (дата обращения: 08.06.2026).

[8] Постановление Конституционного Суда РФ от 8 ноября 2012 г. № 25-П. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_137736/ (дата обращения: 08.06.2026).

[9] Постановление Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2013 г. № 27-П. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155428/ (дата обращения: 08.06.2026).

[10] Авакьян С. А. Конституционное право России: учебный курс. М.: Норма; ИНФРА-М., 2016. 864 с.

[11] Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации: учебник. М.: Норма, 2011. 704 с.

[12] Бондарь Н. С. Судебный конституционализм в России: доктрина и практика. М.: Норма, 2009. 528 с.

[13] Витрук Н. В. Конституционное правосудие. Судебное конституционное право и процесс. М.: Закон и право, 2019. 592 с.

[14] Зорькин В. Д. Конституционно-правовое развитие России. М.: Норма, 2020. 448 с.

[15] Лучин В. О. Конституция Российской Федерации: проблемы реализации. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2021. 685 с.

[16] Нерсисянц В. С. Общая теория права и государства. М.: Норма, 2021. 560 с.

[17] Эбзеев Б. С. Конституция, власть и свобода в России: опыт синтетического исследования. М.: Проспект, 2011. 336 с.

[18] Barak A. *Purposive Interpretation in Law*. Princeton: Princeton University Press, 2005. 423 p.

[19] Dworkin R. *Law's Empire*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1986. 670p.

[20] Tribe L. H. *American Constitutional Law*. New York: Foundation Press. 2021. 1204 p.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2020. — No. 31 (Part I). — Article 4398.

[2] On the Constitutional Court of the Russian Federation: federal constitutional law (Collected Legislation of the Russian Federation, 1994, No. 13, Article 1447).

[3] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 23, 1995 No. 1-P «On

the case concerning the interpretation of Part 4 of Article 105 and Article 106 of the Constitution of the Russian Federation». // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6143/ (date accessed: 08.06.2026).

[4] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of October 31, 1995 No. 12-P «On the Case Concerning the Interpretation of Article 136 of the Constitution of the Russian Federation». // SPS ConsultantPlus. URL: (date accessed: 08.06.2026).

[5] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 22, 1996 No. 10-P «On the Case Concerning the Interpretation of Certain Provisions of Article 107 of the Constitution of the Russian Federation». // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8215/ (date accessed: 08.06.2026).

[6] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 14, 1997 No. 12-P «On the Case Concerning the Interpretation of the Provision Contained in Part 4 of Article 66 of the Constitution of the Russian Federation on the Inclusion of an Autonomous Okrug into a Territory or Region.» // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15235/ (date of access: 06/08/2026).

[7] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 16, 1998 No. 19-P «On the Case Concerning the Interpretation of Certain Provisions of Articles 125, 126, and 127 of the Constitution of the Russian Federation.» // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19163/ (date of access: 06/08/2026). [8] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 8, 2012,

No. 25-P. // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_137736/ (date of access: June 8, 2026).

[9] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 6, 2013, No. 27-P. // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155428/ (date of access: June 8, 2026).

[10] Avakyan S. A. Constitutional Law of Russia: Study Course. Moscow: Norma; INFRA-M., 2016. 864 p.

[11] Baglai, M. V. Constitutional Law of the Russian Federation: Textbook. Moscow: Norma, 2011. 704 p.

[12] Bondar, N. S. Judicial Constitutionalism in Russia: Doctrine and Practice. Moscow: Norma, 2009. 528 p.

[13] Vitruk, N. V. Constitutional Justice. Judicial Constitutional Law and Process. Moscow: Law and Right, 2019. 592 p.

[14] Zorkin, V. D. Constitutional and Legal Development of Russia. Moscow: Norma, 2020. 448 p.

[15] Luchin, V. O. Constitution of the Russian Federation: Implementation Issues. Moscow: UNITY-DANA, 2021. 685 p.

[16] Nersesyants, V. S. General Theory of Law and State. Moscow: Norma, 2021. 560 p.

[17] Ebzeev B. S. Constitution, Power, and Freedom in Russia: A Synthetic Study. Moscow: Prospect, 2011. 336 p.

[18] Barak A. Purposive Interpretation in Law. Princeton: Princeton University Press, 2005. 423 p.

[19] Dworkin R. Law's Empire. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1986. 670 p.

[20] Tribe L. H. American Constitutional Law. New York: Foundation Press. 2021. 1204 p.

ЭРИАШВИЛИ Нодари Дарчоевич,
кандидат юридических наук, кандидат исторических наук,
доктор экономических наук, профессор, почетный работник сферы образования РФ,
лауреат премии Правительства РФ в области образования,
профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;
профессор кафедры частного права Государственного университета управления,
e-mail: professor60@mail.ru

ТЕОРИЯ ФЕДЕРАЛИЗМА В УСЛОВИЯХ КОНСТИТУЦИОННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Аннотация. В статье исследуется теория федерализма как конституционно-правовая доктрина распределения публичной власти между общегосударственным и территориальным уровнями. Обосновывается, что современный федерализм не может быть сведен к формальному перечню субъектов и компетенций: его содержание раскрывается через баланс единства государства, территориального многообразия, субъектной самостоятельности, финансовой обеспеченности полномочий и участия регионов в выработке общегосударственной политики. Особое внимание уделяется классическим моделям федерализма, концепции самостоятельного и совместного правления, асимметрии, кооперативному федерализму и российской модели после закрепления категории единой системы публичной власти.

Ключевые слова: федерализм, федеративное государство, конституционное право, публичная власть, субъекты Федерации, разграничение полномочий, кооперативный федерализм, асимметрия, субсидиарность, единая система публичной власти.

ERIASHVILI Nodari Darchoevich,
Candidate of Law, Candidate of Historical Sciences,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honorary Worker in the Field of Education of the Russian Federation,
Laureate of the Russian Federation Government Prize in Education,
Professor in the Department of Civil and Labor Law and Civil Procedure
at the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;
Professor in the Department of Private Law at the State University of Management

THEORY OF FEDERALISM IN THE CONTEXT OF CONSTITUTIONAL TRANSFORMATION OF PUBLIC AUTHORITY

Annotation. The article examines federalism as a constitutional doctrine of distributing public authority between the national and territorial levels of government. It argues that contemporary federalism is not limited to the formal list of constituent entities and competences. Its substance is revealed through the balance between state unity, territorial diversity, regional self-government, fiscal adequacy and regional participation in national decision-making. The article analyzes classical and contemporary models of federalism, asymmetry, cooperative federalism and the Russian constitutional model after the consolidation of the unified system of public authority.

Key words: federalism, federal state, constitutional law, public authority, constituent entities, division of powers, cooperative federalism, asymmetry, subsidiarity, unified system of public authority.

Федерализм относится к числу категорий, которые сохраняют внешнюю терминологическую устойчивость, но существенно меняют внутреннее содержание в зависимости от исторической эпохи, структуры общества и характера публичной власти. В классической конституционно-правовой традиции

федерализм определяется через сочетание двух начал: единства федеративного государства и самостоятельности его составных частей. Однако современная практика показывает, что такого бинарного описания уже недостаточно. Федерализм все чаще выступает не только формой государственного устройства, но и способом правового

управления сложным обществом, механизмом согласования территориальных различий и системой ответственности за развитие регионов. Актуальность теоретического анализа федерализма обусловлена несколькими обстоятельствами. Во-первых, в большинстве федераций усиливается запрос на единую публичную политику в сферах безопасности, инфраструктуры, демографии, цифровизации, здравоохранения и финансового контроля. Во-вторых, территориальная дифференциация регионов обостряет вопрос о том, может ли формальное равноправие субъектов сочетаться с фактической неоднородностью их возможностей. В-третьих, конституционные реформы последнего десятилетия демонстрируют тенденцию к переосмыслению федерализма через призму единой публичной власти и национального суверенитета. В российской модели эта проблема приобрела особую значимость после конституционной реформы 2020 г. и последующего обновления законодательства о публичной власти и местном самоуправлении. [1; 2; 3; 4]

В учебной и нормативной традиции федерализм чаще всего описывается через форму государственного устройства. Такой подход полезен для первичной классификации государств, но он не раскрывает всего содержания федерализма как теории. Форма государственного устройства отвечает на вопрос о территориальной организации государства; теория федерализма — на более глубокий вопрос о том, каким образом публичная власть распределяется, ограничивается, согласуется и легитимизируется в территориально сложном обществе.

Классическая доктрина исходит из того, что в федерации власть не просто делегируется центром нижестоящим территориальным единицам, а конституционно распределяется между несколькими уровнями. Именно поэтому федерализм отличается от административной децентрализации: последняя может быть изменена односторонним решением центральной власти, тогда как федеративное распределение полномочий имеет конституционный характер и предполагает юридические гарантии субъектной самостоятельности. [18; 19] В западной теории устойчивое значение приобрела формула сочетания самостоятельного правления и совместного правления. Она позволяет избежать упрощения: субъект федерации не только управляет «своими» делами, но и участвует в формировании политики всей федерации. [15; 20] Если первый элемент выражает автономию, то второй — интеграцию; если первый предотвращает унификацию, то второй препятствует фрагментации. Федерализм поэтому нельзя сводить только к разграничению предметов ведения. Разграничение полномочий необходимо, но оно является лишь компетенционным каркасом. Реальная федеративность проявляется также в бюджетных гарантиях, судебной защите компетенции, представительстве субъек-

тов на федеральном уровне, согласительных процедурах, межбюджетном регулировании и учете региональной специфики в федеральном законодательстве.

Исторически федерализм развивался как ответ на проблему соединения политического единства с сохранением территориальной, культурной, экономической или исторической самобытности составных частей. В одних случаях федерация возникала путем объединения ранее самостоятельных политических образований; в других — путем децентрализации уже существующего государства. Эта разница породила две базовые модели: интеграционный федерализм и деволюционный федерализм.

К. Уир связывал федерализм с распределением властных функций между общим и региональными правительствами, причем каждое из них в соответствующей сфере должно быть координированным, а не подчиненным другому. [19] Эта мысль сохраняет методологическое значение: федерализм исчезает там, где один уровень власти полностью административно подчинен другому. Вместе с тем современная практика показывает, что абсолютная изолированность уровней невозможна: сложные социальные процессы требуют координации и межуровневых программ.

У. Райкер рассматривал федерализм через призму политической сделки: федеральное устройство возникает там, где центр стремится к расширению территории или ресурсов, а региональные единицы готовы к объединению при условии сохранения части автономии. [17] Такая модель объясняет происхождение ряда федераций, но ее недостаточно для анализа современных систем. Сегодня федерализм является не только продуктом первоначального договора, но и непрерывным процессом воспроизводства доверия между уровнями власти.

Д. Элазар предложил видеть в федерализме союз, основанный на взаимном обязательстве и сохранении идентичности участников. [15] Эта идея особенно важна для многонациональных и территориально больших государств. Федерация не должна уничтожать различия; она должна превращать их из фактора распада в правовой ресурс устойчивости. В этом смысле федерализм является не столько техникой деления территории, сколько культурой согласования интересов.

Первым принципом федерализма является государственное единство. Федерация предполагает единую конституцию, единое гражданство, общую территорию, федеральную систему права и единые гарантии основных прав и свобод. Без этого федерация превращается в конфедеративный или квазиконфедеративный порядок, где политическое единство становится условным.

Второй принцип — самостоятельность субъектов федерации. Она означает не политический суверенитет в международно-правовом смысле, а конституционно установленную способность

самостоятельно осуществлять публичную власть в пределах собственной компетенции. Самостоятельность включает нормативную, организационную, кадровую, финансовую и программно-стратегическую составляющие. Если субъект обладает правом принимать акты, но не имеет финансовой базы для реализации полномочий, автономия становится фиктивной.

Третий принцип — разграничение предметов ведения и полномочий. Российская Конституция закрепляет предметы ведения Российской Федерации, совместного ведения Российской Федерации и субъектов, а также остаточную компетенцию субъектов. [1] Теоретически такая конструкция создает пространство для баланса; практически же его устойчивость зависит от того, насколько федеральное законодательство не поглощает региональную компетенцию чрезмерной детализацией.

Четвертый принцип — субсидиарность: публичная задача должна решаться на том уровне, который способен обеспечить наилучшее сочетание близости к населению, эффективности и ответственности. Субсидиарность не тождественна простой децентрализации. Она допускает передачу полномочий вверх, если задача требует единого регулирования, но требует обоснования такой централизации. Для федеративной теории это критерий компетенционного дизайна.

Одним из наиболее сложных вопросов остается соотношение федеративного устройства и суверенитета. С конституционно-правовой точки зрения необходимо различать суверенитет государства, самостоятельность субъекта федерации и автономию территориального публичного управления. Федерация обладает государственным суверенитетом как целое; субъекты федерации обладают не суверенитетом, а конституционно установленной компетенцией и гарантиями ее осуществления.

Российская конституционная модель исходит из государственного суверенитета Российской Федерации, равноправия субъектов, целостности государства и единства системы государственной власти. В статье 5 Конституции Российской Федерации закреплено, что федеративное устройство основано на государственной целостности, единстве системы государственной власти, разграничении предметов ведения и полномочий, равноправии и самоопределении народов. [1] Следовательно, автономия субъектов является не исключением из государственного единства, а способом его конституционного оформления.

Ошибочно считать, что усиление единства государства автоматически означает отказ от федерализма. Для федерации единство необходимо: оно обеспечивает равные права граждан, общие гарантии законности и устойчивость экономического пространства. Но столь же ошибочно отождествлять единство с административной унификацией. Федеративное единство должно

быть правовым, а не только управленческим; оно предполагает общие рамки, но не отменяет регионального нормотворчества и программной самостоятельности.

Асимметрия является одной из наиболее дискуссионных категорий федеративной теории. На первый взгляд федерация предполагает равенство субъектов; асимметрия кажется отклонением от идеала. Однако сравнительный опыт показывает, что полная симметрия редко встречается в сложных государствах. Различия между субъектами могут касаться статуса, компетенции, языка, культурной автономии, финансовых возможностей и особых территориальных режимов.

Не всякая асимметрия разрушает федерализм. В ряде случаев она является способом его сохранения. Если территория имеет особые исторические, национально-культурные, географические или экономические условия, единая модель регулирования может оказаться менее справедливой и менее эффективной, чем дифференцированный режим. Проблема возникает не из-за асимметрии как таковой, а из-за ее произвольности, непрозрачности или политической неравновесности.

Российская Федерация конституционно сочетает равноправие субъектов с их видовым многообразием: республики, края, области, города федерального значения, автономная область и автономные округа имеют различную историко-правовую природу, но признаются равноправными субъектами федерации. [1] Поэтому равноправие следует понимать не как абсолютную одинаковость статуса, а как равную конституционную защищенность и равное участие в федеративных отношениях.

Для современной теории важно перейти от дискуссии о допустимости асимметрии к вопросу о ее правовой управляемости. Асимметрия допустима, если имеет конституционное или федерально-законодательное основание, преследует легитимную публичную цель, сопровождается механизмами контроля и пересмотра, не нарушает равенство прав граждан. Такая постановка позволяет сохранить многообразие без правовой фрагментации.

В XX–XXI вв. федерализм все чаще приобретает кооперативный характер. Многие публичные задачи невозможно строго отнести только к одному уровню власти. Экономическое развитие, здравоохранение, образование, экология, цифровая инфраструктура, транспорт и пространственное развитие требуют совместного участия федерации, субъектов и муниципального уровня. Поэтому современная федерация нуждается не только в разграничении, но и в согласовании полномочий.

Кооперативный федерализм предполагает механизмы совместного планирования, софинансирования, обмена информацией, согласования стандартов и распределения ответственности. Его преимущество состоит в способности объединять ресурсы разных уровней. Его риск — в размыва-

нии ответственности: гражданин не всегда понимает, какой уровень власти отвечает за качество услуги, провал программы или неисполнение публичного обязательства.

В российской модели кооперативный федерализм развивается в условиях сильной вертикали публичной власти. С одной стороны, вертикаль позволяет обеспечивать управляемость, единообразие базовых гарантий и оперативность в кризисных ситуациях. С другой стороны, чрезмерная вертикализация может привести к тому, что региональная политика становится преимущественно исполнительной, а не самостоятельной.

Категория единой системы публичной власти должна толковаться не как поглощение регионального и муниципального уровней федеральным центром, а как конституционно организованное взаимодействие власти в интересах населения. Законодательство о публичной власти субъектов закрепляет принципы верховенства Конституции, согласованного функционирования органов, самостоятельного осуществления полномочий и финансового обеспечения передаваемых полномочий. [3] Вопрос состоит в том, насколько эти принципы наполняются реальным институциональным содержанием. Обновление законодательства о местном самоуправлении в единой системе публичной власти усилило координационную модель. [4] Однако включение местного самоуправления в единую систему публичной власти не должно разрушать его конституционную природу как формы самоорганизации населения. В федеративной теории муниципальный уровень не является субъектом федерации, но является важным элементом территориальной публичности.

Невозможно построить полноценную теорию федерализма, игнорируя финансовую сторону территориального устройства. Компетенция без ресурсов является декларацией. Поэтому финансовый федерализм представляет собой материальное измерение конституционного федерализма: он показывает, способен ли субъект реально осуществлять полномочия, разрабатывать собственные программы развития и отвечать перед населением за результаты управления.

Финансовый федерализм включает распределение доходных источников, распределение расходных обязательств и систему межбюджетного выравнивания. Идеальная модель требует соответствия между полномочиями и доходами. Если субъекту передаются значительные расходные обязательства без устойчивых доходов, возникает вертикальный фискальный дисбаланс. Если различия между субъектами по налоговой базе чрезмерны, возникает горизонтальный дисбаланс.

Федеративная солидарность требует выравнивания, но трансферты не должны становиться заменой региональной экономической политики. Иначе формируется институциональная ловушка: регион отвечает за развитие, но не имеет

достаточных инструментов для расширения налоговой базы; центр финансирует дефициты, но усиливает контроль; население оценивает качество услуг, но не видит реального распределения ответственности.

Перспективным направлением является модель ответственного финансового федерализма. Каждый уровень публичной власти должен иметь не только полномочия, но и прозрачные источники их финансирования, измеримые показатели результата и право на разумное нормативное усмотрение. Федеральные стандарты должны задавать минимально гарантированный уровень прав и услуг; субъекты должны иметь пространство для повышения стандартов за счет собственных ресурсов.

Российская Федерация представляет собой сложную федеративную систему, в которой сочетаются территориальный масштаб, национально-культурное многообразие, экономическая дифференциация субъектов, историческая традиция сильной центральной власти и конституционное закрепление федеративного устройства. Это сочетание делает российский федерализм методологически трудным объектом: его нельзя механически оценивать по моделям малых договорных федераций, но нельзя и выводить за рамки общих критериев федеративного государства.

После конституционной реформы 2020 г. особое значение приобрела категория единой системы публичной власти. Конституционный Суд Российской Федерации указывал на наличие конституционных основ единства публичной власти и объективную необходимость взаимодействия государственных и муниципальных уровней для устойчивого развития территорий. [5] Тем самым была легитимирована не новая унитарная модель, а обновленная координационная конструкция публичной власти. Ее развитие зависит от того, будет ли она интерпретироваться как механизм согласования или как механизм подчинения.

Одним из вызовов остается соотношение федерального регулирования и регионального нормотворчества по предметам совместного ведения. Совместное ведение предполагает распределенную компетенцию: федерация устанавливает общие принципы, субъекты конкретизируют их с учетом региональных особенностей. Если федеральный законодатель регулирует предмет совместного ведения настолько подробно, что региональное нормотворчество становится техническим воспроизведением федеральных норм, совместное ведение фактически превращается в исключительное ведение федерации. Другой вызов связан с цифровизацией. Единые цифровые платформы публичной власти повышают управляемость и доступность услуг, но одновременно усиливают централизацию данных, стандартов и алгоритмов принятия решений. Теория федерализма должна учитывать феномен цифрового федерализма: распределение не только норма-

тивных полномочий и бюджетных ресурсов, но и данных, информационных систем, платформенных решений и технологической инфраструктуры.

Для оценки федерализма недостаточно установить, назвало ли государство себя федерацией и перечислило ли оно субъекты в конституции. Необходимы содержательные критерии. Первый — конституционная защищенность статуса субъектов. Второй — наличие собственных предметов ведения и полномочий. Третий — финансовая обеспеченность полномочий. Четвертый — участие субъектов в федеральном законодательном и политическом процессе. Пятый — судебная защита федеративного баланса.

Шестой критерий — возможность регионального правового разнообразия. Федерация существует не для того, чтобы все субъекты принимали одинаковые решения, а для того, чтобы в рамках единой конституции допускалось обоснованное территориальное различие. Такое разнообразие не должно нарушать права граждан и единство правового пространства, но оно необходимо для адаптации публичной политики к реальным условиям территории.

На этой основе можно сформулировать направления развития федеративной доктрины. Во-первых, принцип субсидиарности должен использоваться как юридически применимый критерий разграничения полномочий. Во-вторых, требуется усилить финансовую экспертизу решений, затрагивающих полномочия субъектов и муниципального уровня. В-третьих, целесообразно развивать процедуры учета позиции субъектов при принятии федеральных законов по предметам совместного ведения. В-четвертых, необходима доктрина цифрового федерализма. Она должна отвечать на вопросы: кому принадлежат публичные данные регионального уровня; как распределяется ответственность за цифровые платформы; вправе ли субъект создавать собственные технологические решения; где проходит граница между единым стандартом и допустимой региональной адаптацией. Без решения этих вопросов федерализм рискует стать формально-территориальным при фактической платформенной централизации.

Теория федерализма должна быть освобождена от двух упрощений: представления о федерации как союзе почти суверенных территорий и административного представления о федерации как вертикально управляемой системе региональных подразделений. Федерализм является более сложной конституционной конструкцией. Он соединяет единство и различие, самостоятельность и участие, разграничение и кооперацию, солидарность и ответственность. Классические теории федерализма сохраняют значение, поскольку задают базовые категории: конституционное распределение власти, самостоятельность уровней, договорное или союзное начало, территориаль-

ное ограничение власти, участие субъектов в общем управлении. Однако современная федерация требует дополнения этих категорий новыми измерениями: финансовой обеспеченностью полномочий, управлением асимметрией, межуровневой координацией, цифровой инфраструктурой и прозрачностью ответственности.

Российская модель федерализма находится в состоянии институциональной трансформации. Закрепление единой системы публичной власти не отменяет федеративного устройства, но меняет акценты: на первый план выходит не только разграничение компетенции, но и согласованное функционирование уровней публичной власти. Решающим становится вопрос о том, будет ли эта согласованность развиваться как кооперативный федерализм или как административная централизация.

Перспективная доктрина федерализма должна исходить из принципа: сильная федерация нуждается не в слабых субъектах, а в ответственных субъектах. Государственное единство обеспечивается не только вертикальным контролем, но и институциональным доверием, ясным распределением полномочий, достаточными финансовыми ресурсами, судебной защитой компетенции, участием регионов в общегосударственной политике и возможностью разумного правового разнообразия.

Практическое значение теории федерализма состоит в том, что она позволяет оценивать не только юридическую конструкцию государства, но и качество территориального управления. Для правотворчества это означает необходимость обязательной компетенционной экспертизы федеральных законопроектов: каждый проект, затрагивающий предметы совместного ведения, должен сопровождаться анализом влияния на полномочия субъектов, региональные бюджеты и самостоятельность регионального нормотворчества. Для правоприменения это означает развитие согласительных процедур, позволяющих устранять компетенционные конфликты до их превращения в политико-правовой спор.

Список литературы:

- [1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.07.2026).
- [2] Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Официальный интернет-портал правовой информации. 2020. 14 марта. URL: <https://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.07.2026).

[3] Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 52 (ч. I). Ст. 8973.

[4] Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Официальный интернет-портал правовой информации. 2025. 20 марта. URL: <https://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.07.2026).

[5] Заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 2020 г. № 1-3 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 12. Ст. 1855.

[6] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2012 г. № 32-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 53 (ч. II). Ст. 8062.

[7] Авакьян С.А. Конституционное право России: учебный курс: в 2 т. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. 864 с.

[8] Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: учебник. 13-е изд., изм. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. 704 с.

[9] Добрынин Н.М. Новый федерализм: концептуальная модель государственного устройства Российской Федерации. Новосибирск: Наука, 2003. 57 с.

[10] Чиркин В.Е. Современное федеративное государство. М.: Издательство МНИМП, 1997. 124 с.

[11] Глигич-Золотарева М.В., Лукьянова Н.И. Новые контуры трансформации публичной власти в Российской Федерации // Федерализм. 2022. Т. 27. № 1 (105). С. 23–50.

[12] Федерализм в современном публичном праве: собрание трудов V Международной научно-практической конференции / отв. ред. С.А. Авакьян, Э.О. Григорян, М.М. Ильчикова, В.В. Корольков. М.: Блок-Принт, 2023. 800 с.

[13] Bednar J. The Robust Federation: Principles of Design. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 257 p.

[14] Burgess M. Comparative Federalism: Theory and Practice. London; New York: Routledge, 2006. 371 p.

[15] Elazar D.J. Exploring Federalism. Tuscaloosa: University of Alabama Press, 1987. 359 p.

[16] Ostrom V. The Political Theory of a Compound Republic: Designing the American Experiment. 3rd ed. Lanham: Lexington Books, 2008. 279 p.

[17] Riker W.H. Federalism: Origin, Operation, Significance. Boston: Little, Brown and Company, 1964. 203 p.

[18] Watts R.L. Comparing Federal Systems. 3rd ed. Montreal; Kingston: McGill-Queen's University Press, 2008. 230 p.

[19] Wheare K.C. Federal Government. 4th ed. London: Oxford University Press, 1963. 275 p.

[20] Føllesdal A. Federalism // The Stanford

Encyclopedia of Philosophy. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/federalism/> (дата обращения: 05.07.2026).

References:

[1] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 (as amended by the all-Russian vote on July 1, 2020) // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <https://www.pravo.gov.ru> (accessed: July 5, 2026).

[2] Law of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of March 14, 2020, No. 1-FKZ «On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public authority» // Official Internet Portal of Legal Information. 2020. March 14. URL: <https://www.pravo.gov.ru> (accessed: July 5, 2026).

[3] Federal Law of December 21, 2021 No. 414-FZ «On the General Principles of Organization of Public Authority in the Constituent Entities of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2021. No. 52 (Part I). Art. 8973.

[4] Federal Law of March 20, 2025 No. 33-FZ «On the General Principles of Organization of Local Self-Government in a Unified System of Public Authority» // Official Internet Portal of Legal Information. 2025. March 20. URL: <https://www.pravo.gov.ru> (date accessed: 05.07.2026).

[5] Opinion of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 16, 2020 No. 1-Z // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 12. Art. 1855.

[6] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 24, 2012, No. 32-P // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2012. No. 53 (Part II). Article 8062.

[7] Avakyan S.A. Constitutional Law of Russia: A Study Course: in 2 volumes. 7th edition, revised and enlarged. Moscow: Norma: INFRA-M, 2022. 864 pages.

[8] Baglai M.V. Constitutional Law of the Russian Federation: A Textbook. 13th edition, revised and enlarged. Moscow: Norma: INFRA-M, 2021. 704 pages.

[9] Dobrynin N.M. New Federalism: A Conceptual Model of the State Structure of the Russian Federation. Novosibirsk: Nauka, 2003. 57 p.

[10] Chirkin V.E. The Modern Federal State. Moscow: MNIMP Publishing House, 1997. 124 p.

[11] Gligich-Zolotareva M.V., Lukyanova N.I. New Contours of Public Authority Transformation in the Russian Federation // Federalism. 2022. Vol. 27. No. 1 (105). Pp. 23–50.

[12] Federalism in Modern Public Law: Collected Works of the V International Scientific and Practical Conference / eds. S.A. Avakyan, E.O. Grigoryan, M.M. Ilchikova, V.V. Korolkov. Moscow: Blok-Print, 2023. 800 p.

[13] Bednar J. The Robust Federation: Principles of Design. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 257 p.

[14] Burgess M. Comparative Federalism: Theory and Practice. London; New York: Routledge, 2006. 371 p.

[15] Elazar D.J. Exploring Federalism. Tuscaloosa: University of Alabama Press, 1987. 359 p.

[16] Ostrom V. The Political Theory of a Compound Republic: Designing the American Experiment. 3rd ed. Lanham: Lexington Books, 2008. 279 p.

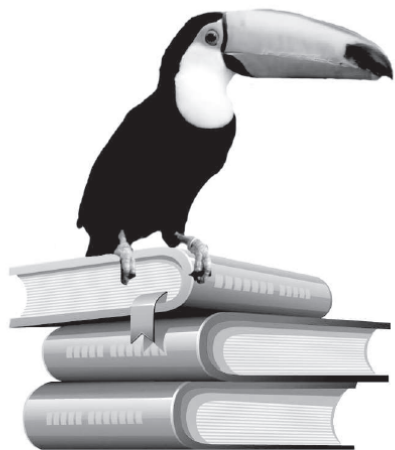
[17] Riker W.H. Federalism: Origin, Operation, Significance. Boston: Little, Brown and Company,

1964. 203 p.

[18] Watts R.L. Comparing Federal Systems. 3rd ed. Montreal; Kingston: McGill-Queen's University Press, 2008. 230 p.

[19] Wheare K.C. Federal Government. 4th ed. London: Oxford University Press, 1963. 275 p.

[20] Føllesdal A. Federalism // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/federalism/> (accessed 07/05/2026).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.07.2026 г.

DOI: 10.24412/3033-7550-2026-2-40-43

Дата принятия рукописи в печать: 29.07.2026 г.

МАКАРОВ Тимур Игоревич,
студент-магистрант
института технологий предпринимательства и права
Санкт-Петербургского государственного университета
аэрокосмического приборостроения,
г. Санкт-Петербург, Россия,
ORCID: 0009-0003-1475-2246, SPIN-код: 9323-8016,
e-mail: tim29603@gmail.com

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ (ШИРОКИЙ) И ПРАВОВОЙ (СТРОГИЙ) ПОДХОДЫ ПОНИМАНИЯ ДЕМОКРАТИИ: АКТУАЛЬНОСТЬ И ИХ СООТНОШЕНИЕ

Аннотация. В данной статье проводится анализ соотношения междисциплинарного (широкого) и правового (строного) подходов понимания демократии. Обосновывается актуальность и специфика интерпретации демократии в контексте указанных подходов, а также их значение для современных исследований. Автор акцентирует внимание на перспективности широкого подхода, который может служить методологической основой для глубоких междисциплинарных изысканий, особенно в области философии. Особое внимание уделяется историческим аспектам классического (античного) подхода к демократии, который рассматривается как фундамент для дальнейшего развития политических (демократических) прав и свобод. В результате сравнительного анализа подходов автор приходит к выводу о необходимости строгого соблюдения классического подхода в практической отраслевой юриспруденции. Статья представляет собой завершённое исследование, в котором демонстрируется важность исследования и применения междисциплинарного и правового подходов для более глубокого понимания сущности демократии и ее эволюции.

Ключевые слова: демократия, понимание демократии, политические права, междисциплинарный подход, древнегреческая демократия.

MAKAROV Timur Igorevich,
Master's student,
Institute of Entrepreneurship Technologies and Law,
Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation,
Saint Petersburg, Russia

INTERDISCIPLINARY (BROAD) AND LEGAL (STRICT) APPROACHES TO UNDERSTANDING DEMOCRACY: RELEVANCE AND THEIR CORRELATION

Annotation. This article analyses the correlation between the interdisciplinary (broad) and legal (strict) approaches to understanding democracy. The study substantiates the relevance and specific nature of interpreting democracy within the context of these approaches, as well as their significance for contemporary research. The author emphasises the potential of the broad approach, which can serve as a methodological basis for profound interdisciplinary research, particularly in the field of philosophy. Special attention is paid to the historical aspects of the classical (ancient) approach to democracy, which is viewed as the foundation for the further development of political (democratic) rights and freedoms. As a result of a comparative analysis of these approaches, the author concludes that the classical approach must be strictly observed in practical sectoral jurisprudence. The article represents a comprehensive study demonstrating the importance of researching and applying both interdisciplinary and legal approaches for a deeper understanding of the essence of democracy and its evolution.

Key words: democracy, understanding of democracy, political rights, interdisciplinary approach, ancient Greek democracy.

Эклектические и интеграционные процессы неизбежно привносят в классическое правовое понимание демократии различные элементы, вследствие чего данное понятие приобретает универсальное значение, ассоциируясь с абсолютным благом. Однако древнегреческие мыслители рассматривали демократию как фундаментальную политическую доктрину, центральными элементами которой являлись механизмы выражения воли граждан по вопросам управления государством. В данной связи возникает необходимость в разграничении и разъяснении широкого и классического подходов к интерпретации демократии.

Несмотря на то, что «термин «демократия» является политико-правовым», данное явление следует рассматривать не просто с точки зрения её различных аспектов, [1, с.112] но, прежде всего, в соответствии с концептуальной природой, которой является наделение большинства правом определения и установления тех условий, которые соответствуют воле и потребностям этого большинства. Учитывая это, можно уже говорить, что демократия – это не только понятие лишь политических и правовых наук, поскольку имеет естественно-социальную детерминированность, позволяющую нам относить данное явление к социально-философским дисциплинам, в которых демократию рассматривают в качестве явления, зависящего от потребностей общества, материального и идеального развития индивидов.

Междисциплинарное понимание демократии. Широкое толкование демократии как «всё хорошее» имеет под собой объективные основания. Оно исходит из социальной и политической философии, где в понятие демократии умышленно интегрировались политические аспекты, вследствие чего как в политической, так и в правовой науках демократия стала характеризоваться и как политический режим. Анализируя фундаментальные труды политической и социальной философии от «Капитала» К. Маркса и «Государства и революции» В. И. Ленина до «Открытого

общества и его врагов» К. Поппера и «Фактичности и значимости» Ю. Хабермаса,¹ мы можем вывести следующую дефиницию демократии, которая заложена в том или ином виде в концепциях указанных авторов: демократия есть процесс волеизъявления большинства с целью установления условий жизнедеятельности, соответствующих его актуальным потребностям.

Данное социально-философское толкование согласуется с юснатуралистской природой прав человека как высшей ценности государства. При таком подходе демократия раскрывается как динамичная [2, с. 55] воля общества, направленная на обеспечение этих прав. Для подобного понимания характерна изменчивость содержательного наполнения демократии, поскольку она супервентна развитию общества. Другими словами, эволюция потребностей человека стимулирует не только научно-технический прогресс, но и законодателя, вынужденного модернизировать правовые институты.² [3, с. 13-14] Напротив, в рамках позитивистского подхода демократия имеет более статичное, формально определенное значение, чему далее ещё будет уделено внимание. В целом, указанное широкое толкование обладает значительным теоретическим потенциалом, поскольку власть народа, выражаемая в управлении государством, невозможна без создания необходимых условий жизнедеятельности, отвечающих актуальным потребностям общества.

Для правоприменения и строгой современной юридической науки в которой доминирует позитивистский подход, представленное философское понимание демократии в большей степени неприменимо.³ [4, с. 9-10] Вообще, демократия для постмодернистской эпохи права определённо является древним институтом, но не архаичным, она по-прежнему имеет своё фундаментальное значение в процессе государственно-правового строительства, поскольку представляет собой корпус базовых прав и свобод, необходимых для этого.

Кроме того, в категориальной юриспруден-

¹ Так, в указанных концепциях авторы в той или иной степени подразумевают динамичность народовластия в историческом контексте. К. Маркс и В. И. Ленин придерживались материалистического подхода, в соответствии с которым формирующийся в процессе развития капитализма класс пролетариата совершает революцию и провозглашает диктатуру пролетариата. Тем самым в марксизме-ленинизме подчеркивается историческая изменчивость потребностей общества, удовлетворение которых требует радикальной трансформации государственных институтов и формирования нового политического режима. В то же время К. Поппер, критикуя марксизм и гегельянство, указывал на неприменимость прогностического (историцистского) подхода к исследованию общественно-государственных институтов, поскольку само человеческое развитие априори невозможно спроектировать. Тем самым Поппер – хотя и с противоположных, критико-рациональных позиций – также подтверждал принципиальную динамичность и непредсказуемость развития общества и его нужд. Далее логично обратиться к философии Ю. Хабермаса, согласно которой модернизация законодательства должна происходить в процессе непрерывной коммуникации гражданского общества и властных структур. Это вновь постулирует необходимость гибкого учета актуальных потребностей индивидов в целях создания благоприятных условий для управления государством. В целом анализ трудов и других мыслителей (например, классические концепции народного суверенитета Д. Локка или Ж.-Ж. Руссо) также указывает на динамическую природу демократии, предопределяющую неизбежное развитие формально-юридических методов регулирования общественной жизни.

² Как точно замечает Г. А. Борисов, «представления о демократии менялись вместе с изменением общества» – это важный фактор, который помогает выявить не только социальную природу демократии, но и её относительность к праву или же к политике и управлению.

³ Перед тем как совершенствовать право согласно либерально-нормативистским тенденциям, его требуется «очистить», чтобы не только синтаксис, но и герменевтика отображали конкретное общественное отношение, беря за основу его юснатуралистское толкование.

ции важно дифференцировать общественные отношения по группам и строго следовать исходному духу и смыслу нормы в процессе их изменения. [5, с. 6] Это критически важно для имплементации права. Именно данный фактор составляет актуальность классического толкования демократии, а именно правового, которое было сформулировано античными мыслителями.

Классическое (правовое) понимание демократии. Как известно, термин «демократия» зародился в античной Греции, а сама идея стала активно обсуждаться греческими, а позднее и римскими исследователями, которые заложили основы политической философии, политологии и других социально-гуманитарных наук. [6] Классические труды древнегреческих философов, такие как «История» Геродота, «История Пелопоннесской войны» Фукидида, «Государство» Платона, «Политика» Аристотеля и др. [7, с. 5],⁴ составили содержательную основу для формирования особого теоретического подхода к пониманию демократии. Рассуждая, философы стремились выточить то значение демократии, которое наиболее соответствовало бы социокультурным ценностям и традициям. Как сегодня становится понятно, несмотря на сущностную утопичность этого подхода (абсолютного гармоничного управления большинством государством), мыслители вполне смогли выявить те черты демократии, которые могут быть осуществлены и развиты.

В своих трудах они формулировали формы государственного устройства, характерные для античного периода. Наибольший вклад в исследования внес Аристотель: «он установил шесть абстрактных форм политических режимов: три правильные формы и три извращения этих правильных форм» [8, с. 172]. Демократию философ относил к неправильной форме власти народа, правильной формой являлась полития.

В наше время, несмотря на различные подходы к пониманию демократии, существует её общее ценностное ядро: это благо, способное установить баланс прав, интересов и обязанностей в обществе. Однако в Античности греческие и более поздние римские мыслители нередко считали демократию «властью черни»⁵ [9, с. 27-28]. Их позиция заключалась в том, что необразованное большинство, получая доступ к управлению, не способно принимать рациональные и полезные

для государства решения. Сегодня можно констатировать, что демократия переросла этот критический фактор. На данный момент власть народа признаётся высшим ориентиром для многих государств и является фундаментальной международной ценностью.

В Древней Греции демократия являлась, прежде всего, правом на участие в государственных делах – базовыми политическими правами (как это называется в наше время) – именно к этому аспекту зывали философы, рассуждая о гармоничном государственном устройстве. [3, с. 16] Пройдя сквозь века, идея демократии приобрела новые, но характерные для неё принципы, развившиеся из тех основных правовых идей, которые были изложены в античности.

Таким образом, в соответствии с легалистским подходом, являющимся основным способом толкования демократии в античности,⁶ [10, с. 493-494] она составляет перечень фундаментальных политических, гражданских и иных групп прав и свобод, которые предоставляют гражданам возможности участия в управлении государством: от активного и пассивного избирательных прав до права на собрания и сопротивления нелегитимным властям.

Заключение.

Доктринально оба исследуемых подхода обладают несомненной актуальностью, однако сфера их эффективного применения детерминирована методологической спецификой. Междисциплинарный (широкий) подход, выступая одновременно инструментом и предметом философских изысканий, также востребован в политологии, экономике и социологии на стыке различных гуманитарных дисциплин. Напротив, строгий классический подход применим преимущественно в рамках правовой науки. Данная дифференциация обусловлена содержательной спецификой подходов и той исследовательской призмой, через которую они определяют и выводят источник демократии. Практическая же имплементация широкого подхода определяется рамками указанных гуманитарных наук, в то время как классический подход находит непосредственное ежедневное применение в юридической практике. Именно в рамках классической парадигмы юристы-практики оперируют дефинициями политических прав и свобод, первоначально сформулированных

⁴ Хотя Фукидид и Платон критиковали демократию, а Геродот и Аристотель относились к ней более аналитически, все они находились в едином понятийном поле и подразумевали под демократией одни и те же категории: исономию (равенство перед законом), исегорию (равное право слова) и решающую роль народного собрания. Мыслители рассматривали эти категории не как субъективные «права человека» в современном юридическом смысле, а как политические свойства самого государства, полиса. Отсутствие глубокого юридического анализа в их трудах можно объяснить тем, что для античной мысли право было неотделимо от политики и морали. Таким образом, в древнегреческой философии сложился консенсус относительно её институциональной сущности, т. е. все авторы соглашались, что демократия – это строй, где ключевые политические механизмы распределяются по принципу арифметического равенства, независимо от личных заслуг граждан, и «право» существовало для них лишь в форме привилегий.

⁵ См. анализ позиции Гераклита, который был противником демократии и признавал за ней власть черни.

⁶ Так, Аристотель указывал, что неотъемлемым признаком истинной демократии является власть закона, а не силовых решений народного собрания. Данная позиция полностью согласуется с древнегреческой правовой системой классического периода, где фундаментальным номосам (законам), обладавшим высшей юридической силой, отводилась определяющая роль в действии демократических институтов.

(хоть и в примитивных формах) древнегреческими мыслителями. Такой консервативно-правовой подход наиболее применим не только в современных позитивистских условиях, но и соответствует либерально-нормативистским тенденциям. Последние требуют от законодателя непрерывного развития права, в процессе которого экспертное сообщество неизбежно обращается к классическому базису демократических прав и свобод.

Как следует из вышесказанного, вопреки тому, что широкий (социально-политический, философский и пр.) подход к пониманию права имеют высокую теоретическую актуальность, для современного права важно следовать не междисциплинарным подходам, которые смешивают и искажают базовое понятие демократии, а признанному не одним поколением исследователей классическому подходу. Конечно, междисциплинарный подход для права необходим, но в этом синтезе знаний требуется указывать конкретные элементы, представляющие собой чистое знание, чтобы с высокой точностью достигать того научного результата, который был запланирован. Помимо этого, классическое понимание демократии, помогающее совершенствовать современное законодательство и являющееся непрерывным источником возможностей народного управления, имплицитированных в фундаментальные нормы национального законодательства, есть потребность позитивизма. Следовательно, указанные факторы позволяют констатировать, что понятие демократии, данное в античности в форме конкретных право-принципов, является актуальным и необходимым для развития права.

Список литературы:

- [1] Демократия как форма реализации права населения на участие в управлении делами государства / Е. В. Королева, Н. Н. Пачина, Л. В. Набоков, Е. Р. Свирина // Человек. Общество. Наука. – 2024. – Т. 5, № 1. – С. 109-119.
- [2] Кагерманов А.С. С. Роль права в демократическом государстве / А. С. С. Кагерманов // Право и практика. – 2018. – № 4. – С. 54-57.
- [3] Борисов Г.А. Демократия как феномен государственно-правовой жизни: проблемы становления в переходном обществе / Г. А. Борисов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2008. – № 8(48). – С. 13-22.
- [4] Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд / пер. с нем. М.В. Антонова и С.В. Лёзова. – СПб.: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2015. – 542 с.
- [5] Зорькин В.Д. Суть права / В. Д. Зорькин // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2017. – № 3(332). – С. 4-27.
- [6] Ледяев В.Г. Демократия // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал – URL: [https://bigenc.ru/c/demokratiia-](https://bigenc.ru/c/demokratiia-5f7c4f/?v=5363834)

5f7c4f/?v=5363834 (дата обращения: 06.06.2026).

[7] Камышанов А.М. Демократия в произведениях античных авторов: признаки, преимущества, недостатки / А. М. Камышанов, А. Е. Ходаковская // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. – 2016. – Т. 12, № 2. – С. 5.

[8] Андрушкевич И.Н. Республика и демократия по классификации Аристотеля / И. Н. Андрушкевич // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). – 2006. – № 1. – С. 171-179.

[9] Бровкин В.В. Политические взгляды Гераклита / В. В. Бровкин // Respublica Literaria. – 2025. – Т. 6, № 4. – С. 26-40.

[10] Аристотель. Политика // Сочинения в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 375-645.

References:

- [1] Democracy as a form of realizing the population's right to participate in the management of state affairs / E. V. Koroleva, N. N. Pachina, L. V. Nabokov, E. R. Svirina // Man. Society. Science. – 2024. – Vol. 5, No. 1. – P. 109-119.
- [2] Kagermanov A. S. The role of law in a democratic state / A. S. Kagermanov // Law and Practice. – 2018. – No. 4. – P. 54-57.
- [3] Borisov G. A. Democracy as a phenomenon of state and legal life: problems of formation in a transitional society / G. A. Borisov // Scientific bulletins of Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Law. – 2008. – No. 8 (48). – P. 13-22.
- [4] Kelsen G. The Pure Doctrine of Law. 2nd ed. / translated from German by M.V. Antonov and S.V. Lozova. – St. Petersburg: ООО Izdatelskiy Dom Alef-Press, 2015. – 542 p.
- [5] Zorkin V.D. The Essence of Law / V.D. Zorkin // News of Higher Educational Institutions. Jurisprudence. – 2017. – No. 3 (332). – P. 4-27.
- [6] Ledyayev V.G. Democracy // The Great Russian Encyclopedia: Scientific and Educational Portal – URL: <https://bigenc.ru/c/demokratiia-5f7c4f/?v=5363834> (accessed: 06.06.2026).
- [7] Kamyshanov A.M. Democracy in the Works of Ancient Authors: Features, Advantages, Disadvantages / A. M. Kamyshanov, A. E. Khodakovskaya // Electronic scientific publication Almanac Space and Time. – 2016. – Vol. 12, No. 2. – P. 5.
- [8] Andrushkevich I.N. Republic and Democracy According to Aristotle's Classification / I. N. Andrushkevich // Polity: Analysis. Chronicle. Forecast (Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics). – 2006. – No. 1. – P. 171-179.
- [9] Brovkin V.V. Political Views of Heraclitus / V. V. Brovkin // Respublica Literaria. – 2025. – Vol. 6, No. 4. – P. 26-40.
- [10] Aristotle. Politics // Works in 4 volumes. Vol. 4. Moscow: Mysl, 1983. Pp. 375-645.

ГРУДЦЫНА Людмила Юрьевна,
доктор юридических наук, профессор,
декан факультета профессиональной переподготовки
Московского института профессионального образования им. К.Д. Ушинского,
председатель Московской городской коллегии адвокатов «Норма права»,
Почетный адвокат России, эксперт РАН,
ORCID 0000-0001-7731-724X
<https://ludmilagru.academia.edu/research>,
e-mail: ludmilagr@mail.ru

ДЕКАБРИСТСКИЕ ПРОЕКТЫ: «КОНСТИТУЦИЯ» Н. М. МУРАВЬЕВА И «РУССКАЯ ПРАВДА» П. И. ПЕСТЕЛЯ

Аннотация. В статье исследуются два наиболее значимых программно-конституционных проекта декабристского движения — «Конституция» Н. М. Муравьева и «Русская Правда» П. И. Пестеля — в аспекте закрепления прав, свобод и обязанностей человека и гражданина. Обосновывается, что оба документа являлись не только политическими программами тайных обществ, но и ранними моделями российской конституционной правосубъектности, в которых впервые системно были соединены идеи народного суверенитета, отмены крепостного состояния, равенства перед законом, гражданской безопасности, свободы совести, печати, передвижения и участия в публичном управлении. Выявляется различие методологических оснований проектов: у Н. М. Муравьева права и свободы выводятся из идеи ограничения власти, федеративного устройства, суда и представительства; у П. И. Пестеля — из идеи общего блага, равенства, унитарной республики и преобразующей роли Временного верховного правления. Делается вывод о двойственном значении декабристских проектов: они предвосхитили отечественную конституционную лексику прав человека, но одновременно сохранили существенные ограничения сословного, имущественного, гендерного и национально-государственного характера.

Ключевые слова: декабристы, Конституция Н. М. Муравьева, Русская Правда П. И. Пестеля, права человека, права гражданина, свободы, народный суверенитет, конституционализм, история российского права.

GRUDTSINA Ludmila Yurievna,
Doctor of Law, Professor,
Dean of the Faculty of Professional Retraining
at the K.D. Ushinsky Moscow Institute of Professional Education,
Chairman of the Moscow City Bar Association «Norma Prava»,
Honorary Lawyer of Russia, Russian Academy of Sciences expert

CONSTITUTIONAL INTERPRETATION ISSUES: LEGAL AND THEORETICAL ASPECTS

Annotation. The article examines two key constitutional projects of the Decembrist movement — N. M. Muravyov's Constitution and P. I. Pestel's Russian Truth — from the standpoint of human and civil rights and freedoms. The author argues that these texts should be treated as early models of Russian constitutional legal personality. The study compares Muravyov's liberal-constitutional concept of limited power, federalism, representation and judicial guarantees with Pestel's republican and statist concept based on equality, public welfare, a unitary state and transitional revolutionary government. The article concludes that the Decembrist projects anticipated the language of constitutional rights in Russia, while preserving significant restrictions related to property, gender, social and national policy.

Key words: Decembrists, Muravyov's Constitution, Pestel's Russian Truth, human rights, civil rights, freedoms, constitutionalism, Russian legal history.

История российского конституционализма начинается не с формального принятия конституционного акта, а значительно раньше - с появления проектов, в которых самодержавная власть впервые была постав-

лена в зависимость от права, представительства и публично признанных пределов государственного вмешательства. В этом смысле декабристские проекты Н. М. Муравьева и П. И. Пестеля имеют значение не только как памятники политической

мысли, но и как источники истории правового статуса личности. Их следует рассматривать как протоконституционные тексты, где категория «права» еще не полностью отделена от категорий «состояние», «обязанность», «народ», «гражданство», но уже приобретает собственное юридическое содержание.

Актуальность темы определяется тем, что в современной историко-правовой науке декабристские программы нередко анализируются преимущественно через призму формы правления, аграрного вопроса или тактики революционного переворота. Между тем для юриста принципиально важен иной ракурс: каким образом эти проекты конструировали человека как субъекта права, какие свободы признавали естественными или гражданскими, какие гарантии предлагали и какие пределы устанавливали. Именно в этом ракурсе спор Н.М. Муравьева и П.И. Пестеля, на наш взгляд, - это не только спор о монархии и республике, федерации и унитаризме. Это спор о том, должна ли свобода личности быть исходным пределом власти либо производным результатом государственно организованного общего блага.

Декабристские проекты рассматриваются не как предыстория государственных реформ вообще, а как ранний опыт юридического моделирования правосубъектности человека и гражданина. Такой подход позволяет увидеть двойственность этих проектов: они действительно предвосхищали будущую конституционную лексику, однако не совпадали с современным стандартом универсальности прав человека. Права в них еще зависели от имущественной самостоятельности, пола, грамотности, принадлежности к политическому сообществу, статуса народа и предполагаемой полезности для государства.

Нормативно-источниковую основу статьи составляют опубликованные тексты «Конституции» Н. М. Муравьева и «Русской Правды» П. И. Пестеля, прежде всего академические публикации документов декабристского следствия и программных материалов [1; 2; 3]. Теоретико-историографическая база включает труды М. В. Нечкиной, В. А. Федорова, О. И. Киянской, В. С. Парсамова, а также современные энциклопедические и историко-ведческие публикации, уточняющие историю создания и текстологический статус рассматриваемых проектов [5; 7; 8; 9; 15; 16].

Декабристские проекты возникли в особой интеллектуальной ситуации: российская политическая элита первой четверти XIX в. была уже знакома с европейским конституционализмом, французской революционной традицией, опытом Северной Америки, идеями естественного права и общественного договора, но действующая российская правовая система сохраняла самодержавие, сословность и крепостное состояние. Поэтому язык прав и свобод в декабристских проектах был одновременно заимствованным и отечественно адаптированным. Он не копировал ме-

ханически западные декларации, а переводил их на язык российской социальной проблемы — отмены крепостничества, ограничения произвола, создания суда, представительства и публичного закона [19].

Программные документы декабристов имели различную степень завершенности и различный статус внутри Северного и Южного обществ. «Конституция» Муравьева не была окончательно утверждена Северным обществом, однако выражала важную линию его политико-правовых представлений; «Русская Правда» Пестеля задумывалась как наказ Временному верховному правлению и одновременно как программа коренного переустройства России [5, с. 312–330; 7, с. 118–143]. Для правового анализа это различие существенно: Муравьев проектирует будущий конституционный порядок как относительно устойчивую систему ограниченной власти, тогда как Пестель описывает также переходный режим, в рамках которого права народа должны быть обеспечены через сильную преобразующую власть.

Оба проекта исходят из признания народа самостоятельным субъектом политической жизни. В «Конституции» Муравьева русскому народу приписывается качество свободы и независимости; он «не есть и не может быть принадлежностью никакого лица и никакого семейства», а источник верховной власти связывается с народом [1, с. 254]. Эта формула является принципиальным разрывом с патримониальным пониманием государства как владения монарха. В ней содержится не просто политический лозунг, а юридическая предпосылка прав человека: если народ не является принадлежностью династии, то человек не может быть только объектом управления.

Пестель также выводит государство из общества и общего блага, но делает это иначе. Во введении к «Русской Правде» он рассуждает о гражданском обществе, разделении на правительство и народ, взаимности прав и обязанностей, цели государственного устройства как «возможного благоденствия всех и каждого» [2, с. 113–116]. В этих формулах есть важное отличие от Муравьева. Для Пестеля первичной является не автономия индивида, а рационально организованное общественное целое. Народ получает право требовать от правительства действий во имя общего и частного благоденствия, но это право включено в вертикаль обязанностей, повиновения и государственного руководства.

Следовательно, декабристский конституционализм не был единой доктриной прав человека. Он включал как минимум две модели. Первая - либерально-ограничительная: права нужны для того, чтобы власть была связана законом, судом, представительством и территориальным самоуправлением. Вторая - республиканско-преобразовательная: права обеспечиваются через уничтожение сословий, равенство, национальную унификацию, общественную земельную гаран-

тию и сильное временное правление. Обе модели были направлены против самодержавно-крепостнического порядка, но по-разному отвечали на вопрос о соотношении свободы и власти.

Нельзя, однако, модернизировать эти проекты без оговорок. В них отсутствует современное универсальное понимание прав человека как принадлежащих каждому независимо от гражданства, пола, имущества и политической полезности. Терминологически и концептуально декабристы чаще говорят о «русских», «гражданах», «народе», «правах гражданских», «правах политических», «личных правах», чем о правах человека в строгом современном смысле. Тем не менее именно здесь формируется переход от сословно-дарованной привилегии к субъективному праву, связанному с законом и статусом гражданина.

Особенно важно различать право и преимущество. Пестель прямо противопоставляет право как юридически обоснованное последствие обязанности и сословное преимущество как необоснованную выгоду [2, с. 114–115, 152]. Такая логика позволяла ему критиковать дворянские привилегии не только социально, но и юридически: если преимущество не вытекает из обязанности перед обществом, оно не может быть признано правом. В истории российского права это один из ранних вариантов антипривилегированного правового мышления.

Муравьев, напротив, сильнее акцентирует формальную юридическую свободу. Он предлагает отмену крепостного состояния, равенство перед законом, свободы слова, совести, печати, занятий, передвижения, гарантии личной безопасности, судебную защиту собственности и участие в выборах при соблюдении условий гражданства [1, с. 254–257]. В его проекте права менее подчинены идее единого государственного плана и более тесно связаны с индивидуальной правовой сферой, хотя имущественные и иные цензы существенно ограничивают политическую универсальность.

Таким образом, уже на уровне исходных положений видно: декабристские проекты не просто декларировали набор свобод. Они формировали два разных способа юридического конструирования личности. У Муравьева личность защищается от государства через конституционную организацию власти; у Пестеля личность освобождается от старого порядка через государственно организованное преобразование общества. Эта разница определяет содержание всех последующих положений о правах и свободах.

«Конституция» Н. М. Муравьева является наиболее последовательно юридизированным проектом декабристского круга. Ее основная ценность для истории прав человека заключается в том, что права и свободы здесь помещены в структуру конституционного строя: народный суверенитет, федеративное устройство, представительные учреждения, разделение властей, суд и местное

управление образуют не фон, а механизм обеспечения правового статуса личности.

В центре проекта находится понятие гражданства. Муравьев определяет гражданство как право участвовать в общественном управлении — непосредственно или посредством выборов [15]. Тем самым гражданин мыслится не только как подданный, которому даруются льготы, а как участник публичного порядка. В российском контексте начала XIX в. это было принципиально новым юридическим сдвигом: политическое участие переставало быть атрибутом службы и происхождения и становилось элементом конституционного статуса. В то же время гражданство у Муравьева не является всеобщим. В ранних редакциях оно связывается с возрастом, постоянным жительством, здравием ума, независимостью от долгов, отсутствием недоимок и судимости, имущественным цензом; в дальнейшем отдельные ограничения смягчались [15]. Это показывает двойственность проекта: он разрушал сословность как принцип правового неравенства, но сохранял цензовую модель политического народа. Правами человека в широком смысле должны были пользоваться все жители, однако полнота политических прав предоставлялась только юридически и экономически самостоятельным гражданам [19].

Важным положением «Конституции» Муравьева была отмена крепостного состояния. Формула о том, что крепостное состояние и рабство отменяются, а раб, прикоснувшийся земли русской, становится свободным, имела не только социально-реформаторское, но и правочеловеческое содержание [1, с. 255]. Она утверждала личную свободу как несовместимую с вещным отношением к человеку. В этой части проект Муравьева радикально разрывал с фундаментом имперского социального порядка.

Однако аграрно-имущественный блок проекта ограничивал глубину освобождения. Муравьев сохранял помещичью собственность на землю, предусматривая для крестьян прежде всего личную свободу, дома, дворы, инвентарь, скот и в поздней редакции — ограниченный земельный надел [1, с. 255–256; 15]. Поэтому свобода бывшего крепостного оказывалась юридически признанной, но экономически неполной. Она устраняла личную зависимость, но не решала полностью вопрос материальной самостоятельности. Для современного исследователя это важный пример того, что формальная личная свобода без социальной основы может оставаться уязвимой.

Каталог свобод в «Конституции» Муравьева включает свободу слова, печати, совести, занятий, передвижения, выбора местных властей, обращения с жалобами и желаниями к органам власти. В проекте также закреплялись равенство перед законом, защита жизни, безопасности и собственности, запрет произвольного задержания, необходимость судебной процедуры, идея суда присяжных [1, с. 255–257; 15]. Для своего времени это была

весьма развитая система личных и гражданских свобод, причем многие из них корреспондируют будущим конституционным стандартам XIX–XX вв.

Особое значение имеет гарантия личной безопасности. Муравьев предусматривает, что никто не может быть задержан, обвинен или заключен иначе как на основании закона; задержанному должны быть объявлены причины лишения свободы; арест без объяснения причин допустим лишь кратковременно [15]. Здесь фактически содержится ранняя российская формула *habeas corpus*: человек не должен исчезать в административном произволе, а власть обязана предъявить юридическое основание ограничения свободы. В условиях Российской империи с ее полицейско-административной практикой эта идея имела принципиально антисамодержавный смысл.

Судебные гарантии в проекте Муравьева также выходят за пределы обычного перечисления прав. Предусматриваются гласность, состязательность, суд присяжных, отделение судебной власти от административной, выборность и несменяемость судей в отдельных редакциях [15]. Следовательно, право на свободу и собственность должно было обеспечиваться не милостью правителя, а институционально независимым правосудием. В этом отношении проект Муравьева ближе к классической либеральной модели конституционализма, где суд является ключевой гарантией субъективного права.

Право собственности в «Конституции» Муравьева объявляется священным, однако его содержание понимается прежде всего как защита материальных ценностей и существующего имущественного порядка [1, с. 256; 15]. Эта формула одновременно поддерживала гражданскую свободу и закрепляла социальный компромисс с дворянством. С одной стороны, собственность ограничивала произвольное вмешательство власти; с другой — ее неприкосновенность препятствовала более глубокому перераспределению земли в пользу крестьян.

Свобода печати и слова у Муравьева также не является абсолютной. Проект допускает судебное преследование «вредных книг» [15]. Это характерно для раннего конституционализма: свобода публичного выражения признается, но помещается под контроль закона и суда. Юридически важным является не отсутствие пределов, а перенос ограничения из административной цензуры в судебную процедуру. Такая конструкция меняла природу запрета: он должен был быть не произвольным полицейским актом, а юридически проверяемым решением.

Религиозная свобода в проекте выражена через свободу совести и вероисповедания. Для империи, где православие обладало статусом господствующей религии, это положение имело существенное модернизационное значение. Однако и здесь следует учитывать контекст: свобода со-

вести мыслится не как секулярное равенство всех мировоззрений в современном смысле, а как отказ от грубого конфессионального принуждения при сохранении общего христианского языка политико-правовой аргументации.

Политические права у Муравьева тесно связаны с представительной системой. Народное вече, палаты, местные законодательные собрания и выборные должности должны были создать режим участия граждан в управлении [1, с. 258–264]. В этом аспекте права гражданина не ограничиваются свободой от произвола; они включают активную способность формировать власть. Но участие строится на цензах, что делает проект скорее либерально-аристократическим, чем демократическим.

Федеративный элемент «Конституции» Муравьева также имеет правозащитное измерение. Деление России на державы и области, местные законодательные собрания, признание полномочий территорий — все это должно было препятствовать концентрации власти в одном центре. Для прав личности федерализм выступал косвенной гарантией: чем меньше монополия центральной администрации, тем больше возможностей для местной законности, выборности и судебной защиты. Именно поэтому спор Муравьева с Пестелем о федерации и унитаризме является одновременно спором о механизмах обеспечения свободы.

При всех достоинствах проект Муравьева содержит очевидные ограничения. Женщины фактически исключены из политического народа; имущественные и образовательные условия сужают круг граждан; кочующие народы и некоторые группы получают неполный статус; земельный вопрос решается в пользу сохранения помещичьей собственности [1, с. 256–257; 15]. Поэтому «Конституцию» нельзя идеализировать как современную декларацию прав. Ее историческая роль иная: она впервые в российской проектной мысли связала личную свободу, гражданство, закон, суд и представительство в относительно целостную конституционную конструкцию [21].

Таким образом, права и свободы в проекте Муравьева имеют три уровня. Первый — естественно-личный: свобода от рабства, безопасность, совесть, слово, передвижение. Второй уровень — гражданско-имущественный: собственность, занятия, судебная защита, равенство перед законом. Третий уровень — политический: участие в выборах и управлении при соблюдении условий гражданства. Эта трехуровневая модель стала одним из первых отечественных опытов системного описания правового положения личности в будущем конституционном государстве.

«Русская Правда» П. И. Пестеля существенно отличается от проекта Муравьева по политико-правовой логике. Если Муравьев начинает с ограничения власти и конституционной организации, то Пестель начинает с цели государства,

общего блага и необходимости решительного перехода от старого порядка к новому. Его проект более радикален в отношении сословий и крепостничества, но одновременно более жесток и централизован в вопросах власти, национальной политики и переходного режима. В теоретическом введении Пестель формулирует свое понимание права через обязанность. По его мысли, право существует лишь тогда, когда основано на предшествующей обязанности; право без обязанности превращается в насилие или злоупластие [2, с. 114–115]. Эта формула принципиальна для всей системы «Русской Правды». Она означает, что свобода личности не мыслится как самостоятельная автономия. Она оправдана постольку, поскольку включена в нравственный, природный и гражданский порядок обязанностей.

Главная цель государственного устройства у Пестеля — «возможное благоденствие всех и каждого» [2, с. 115–116]. В современном языке это можно назвать социально-утилитарной концепцией прав: права нужны не только для защиты индивида от власти, но и для построения правильного общественного порядка. Поэтому Пестель легче, чем Муравьев, допускает сильное государственное вмешательство, если оно объявляется необходимым для общего блага. Здесь заключена внутренняя амбивалентность «Русской Правды»: она освобождает от старых форм несвободы, но создает риск новой рационально организованной несвободы.

Важнейшим правовым достижением проекта Пестеля является радикальная антисословная установка. Сословия должны быть уничтожены, все население должно образовать единый народ, а прежние сословные различия — лишиться юридического значения [16]. В отличие от Муравьева, Пестель жестче критикует сам принцип привилегии. Дворянские преимущества он рассматривает как выгоды, не основанные на обязанности и потому не являющиеся правами [2, с. 152]. Это одна из наиболее сильных юридических идей проекта: равенство перед законом невозможно без демонстрации привилегии как псевдоправа [15].

Пестельская модель равенства шире сословного вопроса. Она предполагает единообразие законов на всем пространстве государства, приписку граждан к волостям, унификацию управления, уничтожение особых статусов и создание общего гражданского состояния [2, с. 136–137, 180–181; 16]. В отличие от федеративного плюрализма Муравьева, Пестель стремится к правовому единству через унитаризм. Для него равенство означает не только одинаковое достоинство лиц, но и одинаковую включенность всех в единый государственный порядок.

Система прав в «Русской Правде» строится через разграничение политических, гражданских и личных прав. Политические права определяют отношения народа с правительством и участие в политической жизни; гражданские — отношения

граждан между собой, семейный и имущественный порядок; личные — свободу существования и действия человека вне непосредственных отношений с государством или другими гражданами [16]. Такая классификация чрезвычайно важна: она показывает, что Пестель пытался создать не лозунговую, а юридически структурированную систему правового статуса. К числу личных свобод Пестель относит свободу личности, вероисповедания, книгопечатания и иные сферы индивидуального существования [16]. Вместе с тем эти свободы не отрываются от нравственных и государственных пределов. Например, свобода учения, проповеди и занятий ограничивается запретом того, что противно «чистой нравственности», причем сам Пестель признает опасность превращения такого запрета в «злоупластие» и требует осторожных правил, чтобы гражданская свобода не была стеснена [2, с. 180–181]. Это редкий для своего времени пример осознания проблемы злоупотребления ограничительными основаниями [20].

Свобода вероисповедания у Пестеля также имеет двойственный характер. В проекте говорится о сохранении свободы веры для различных групп, если особенности конфессий не входят в противоречие с христианским законом [16]. Такая формула значительно шире конфессионального принуждения старого порядка, но не равна современному принципу светской нейтральности. Религиозная свобода здесь признается в рамках морально-христианской модели государства и потому зависит от оценки допустимости конкретных практик.

Наиболее противоречивым является национально-гражданский блок «Русской Правды». Пестель предполагает создание единой русской народности, в которую должны слиться все этнические общности, населявшие империю; названия племен и народов должны утратить юридическое значение, а все граждане — стать русскими [16]. С формально-правовой точки зрения это должно было обеспечить равенство и единый закон. С точки зрения современной теории прав человека такая модель выглядит ассимиляционной и потенциально репрессивной: равенство достигается не через признание многообразия, а через растворение различий в единой государственно-национальной форме.

Особенно показателен подход Пестеля к кавказским народам и еврейскому вопросу. В проекте допускались меры переселения, разделения групп, принудительной интеграции либо даже внешнего переселения евреев при определенных условиях [16]. Эти положения резко контрастируют с декларациями равенства и свободы. Они демонстрируют, что пестелевская универсальность ограничена интересами государственного строительства, как их понимал автор проекта. Там, где национальная или религиозная общность казалась препятствием для единого политического тела, свобода уступала место государственно-ра-

циональной унификации.

Аграрный проект Пестеля имеет ярко выраженное социально-правовое содержание. Земля должна была разделяться на общественную и частную; общественная земля предназначалась для обеспечения каждого гражданина возможностью существования, предотвращения крайней бедности и зависимости от «аристократии богатств» [2, с. 152; 16]. Здесь Пестель выходит за пределы классического либерального понимания прав: для него личная свобода невозможна без материальной основы. В этом смысле «Русская Правда» содержит ранний вариант социальной гарантии свободы.

Сопоставление с Муравьевым особенно важно. Муравьев защищает собственность как предел власти и сохраняет помещичьи земли; Пестель пытается социально перераспределить земельную основу свободы, хотя допускает поэтапность и компромиссы [1, с. 256; 2, с. 171–174]. Поэтому Пестель радикальнее в социальном смысле, но менее либерален в институциональном. Муравьев сильнее защищает свободу через суд и представительство; Пестель сильнее связывает свободу с равенством и материальной независимостью.

Политические права в «Русской Правде» связаны с республиканской моделью. Верховная законодательная власть должна была принадлежать Народному вечу; исполнительная - Государственной думе; бюстительная - Верховному собору [16]. Пестель стремится избежать концентрации власти в одном органе, но его «бюстительная» конструкция и переходное Временное верховное правление показывают недоверие к немедленной демократической самоорганизации общества. Народ признается источником будущего порядка, но переход к нему должен осуществляться через сильную революционную власть.

Именно здесь находится главный правовой риск проекта Пестеля. Временное верховное правление должно было провести преобразования, уничтожить старые институты и подготовить новое законодательство [2, с. 118; 16]. Но если права зависят от успешности преобразующей диктатуры, то они могут быть отложены во имя будущего благоденствия. Эта логика будет многократно воспроизводиться в последующей истории: свобода обещается как результат сильной власти, но сама сильная власть становится угрозой для свободы [19]. Вместе с тем, несправедливо сводить «Русскую Правду» к авторитарному проекту. В ней содержатся мощные правовые идеи: уничтожение крепостничества, равенство перед законом, ликвидация сословных преимуществ, классификация прав, публичная цель правительства, обязанность власти действовать для блага народа, социальная функция земли, критика богатства как источника зависимости [2; 16]. Пестель мыслит право не как частную привилегию, а как элемент общего устройства, в котором человек должен быть освобожден от феодальной зависимости и включен в

единое гражданское состояние.

Следовательно, «Русская Правда» представляет собой не либеральную декларацию прав, а проект государственно организованной свободы. Его историческая значимость состоит в соединении правового равенства и социального вопроса; его историческая опасность - в подчинении индивидуальной свободы рационально сконструированному общему благу и национально-государственной унификации. Именно эта двойственность делает проект Пестеля особенно важным для современной юридической оценки.

Сравнение «Конституции» Муравьева и «Русской Правды» Пестеля позволяет выделить несколько принципиальных линий расхождения. Первая линия - источник и назначение прав. У Муравьева права выступают пределом власти и элементом конституционного статуса гражданина. У Пестеля права выводятся из обязанностей, общего блага и цели правильного государственного устройства. Поэтому Муравьев ближе к либеральной модели негативной свободы, а Пестель - к республиканско-социальной модели свободы как участия в общем порядке [22].

Вторая линия - соотношение личности и государства. Муравьев стремится распределить власть между центром, территориями, представительными органами и судами; Пестель стремится собрать власть в едином государственном механизме, способном преодолеть разнородность империи. Отсюда различие гарантий. У Муравьева права защищаются институциональным разделением власти; у Пестеля - правильной организацией государства и надзором за законностью. В первом случае свобода обеспечивается недоверием к власти; во втором - надеждой на рациональную власть.

Третья линия - равенство. Оба проекта отвергают крепостничество и сословные различия, но делают это по-разному. Муравьев провозглашает равенство перед законом и отмену крепостного состояния, сохраняя значительные имущественные основания социальной структуры. Пестель атакует сословность глубже, противопоставляя право и преимущество, предлагая единую гражданскую массу и социально-земельные гарантии [1, с. 255–257; 2, с. 152; 16]. Поэтому в сфере формального социального равенства Пестель радикальнее.

Четвертая линия - собственность. У Муравьева собственность прежде всего защищает индивидуальную независимость и правовую устойчивость; у Пестеля собственность должна быть перестроена так, чтобы не допустить зависимости большинства от богатого меньшинства. В современной терминологии можно сказать, что Муравьев мыслит собственность как классическое гражданское право, а Пестель - как институт социальной организации свободы. Обе позиции имеют сильные и слабые стороны: первая лучше защищает от государственного произвола, вторая лучше видит

материальные предпосылки равенства.

Пятая линия - политическое участие. Муравьев допускает конституционную монархию, но создает развитую систему представительства и местного участия; Пестель ориентируется на республиканскую форму, однако вводит сильный переходный режим. Это парадоксально: монархический проект Муравьева в ряде гарантий оказывается более правовым и процедурным, чем республиканский проект Пестеля. Данная особенность подтверждает, что форма правления сама по себе не исчерпывает вопрос о свободе. Для прав человека важны не только названия институтов, но и способы ограничения власти.

Шестая линия - отношение к многообразию. Муравьев через федеративную модель допускает территориальную сложность и определенную множественность правовых порядков. Пестель стремится к единству закона, управления и народности. С точки зрения равного гражданства пестелевская модель обладает привлекательностью: единый закон разрушает локальные и сословные исключения. Но с точки зрения культурных и национальных прав она несет значительные риски, поскольку многообразие рассматривается как препятствие государственному единству [21].

Седьмая линия - юридические гарантии личной свободы. Муравьев более отчетливо формулирует процессуальные гарантии: запрет произвольного ареста, необходимость закона, суд присяжных, гласность и судебная защита [15]. Пестель говорит о личных правах и свободе личности, но его основной акцент лежит на организационно-политическом переустройстве и общих принципах. Поэтому в узком смысле правовой техники защиты личности проект Муравьева представляется более современным [19].

Наконец, восьмая линия - пределы универсализма. Оба проекта не достигают современного стандарта прав человека. Женщины не рассматриваются как полноправные участники политического процесса; имущественные и образовательные цензы ограничивают политическое гражданство; национальные и религиозные группы получают статус через призму интересов государства; свобода слова и вероисповедания имеет моральные и публично-порядковые пределы. Поэтому декабристские проекты являются не декларациями универсальных прав в современном смысле, а переходными моделями от сословно-подданнического строя к гражданско-конституционному.

При этом было бы ошибкой оценивать их только по несоответствию современным критериям. Историко-правовой смысл этих документов состоит в том, что они впервые системно поставили вопрос: может ли российское государство существовать не как власть над подданными, а как правовой порядок граждан? Ответ Муравьева: да, если власть ограничена конституцией, судом, представительством и федеративным устрой-

ством. Ответ Пестеля: да, если уничтожены сословия, создано равное гражданское состояние и государство организовано для общего блага [20].

Для современной науки конституционного права эти проекты важны еще и потому, что они демонстрируют две устойчивые российские дилеммы. Первая - дилемма свободы и социальной справедливости: достаточно ли провозгласить личную свободу без материальной основы или необходимо соединять ее с социальными гарантиями? Вторая - дилемма прав и сильного государства: может ли сильная преобразующая власть быть инструментом освобождения, не становясь угрозой для личности? Муравьев и Пестель дали разные ответы, но оба ответа продолжают иметь значение для правовой мысли.

Декабристские проекты также позволяют уточнить понятие «протоконституционного акта». Они не были законами, не вступили в силу и не породили юридических последствий непосредственно. Однако они обладали нормативной направленностью, системностью, проектной юридической техникой и претензией на учреждение нового правового порядка. Поэтому их можно рассматривать как протоконституционные источники не в формально-догматическом, а в историко-правовом смысле: они формировали язык, через который позже стали обсуждаться права, свободы, гражданство и пределы власти.

В этом отношении «Конституция» Муравьева и «Русская Правда» Пестеля стоят у истоков отечественной дискуссии о правах человека и гражданина. Они еще не знают современной терминологии достоинства личности, конституционной жалобы, международных стандартов и недискриминации. Но они уже знают проблему произвольной власти, личной несвободы, сословной привилегии, отсутствия суда, бесправия крестьянина, неучастия общества в управлении и неравенства перед законом. Именно эти проблемы делают их правовыми текстами, а не только политическими манифестами.

Проведенный анализ позволяет сформулировать несколько выводов. Во-первых, «Конституция» Н. М. Муравьева и «Русская Правда» П. И. Пестеля являются ключевыми памятниками раннего российского конституционализма, поскольку в них впервые последовательно поставлен вопрос о правовом статусе личности в будущем российском государстве. Они переводят человека из положения объекта самодержавно-сословного управления в положение участника публичного правового порядка, хотя и с существенными историческими ограничениями.

Во-вторых, проект Муравьева представляет либерально-конституционную модель прав и свобод. Его сильная сторона — связь прав с юридическими гарантиями: законом, судом, представительством, запретом произвольного ареста, свободой слова, совести, печати, занятий и передвижения. Его слабая сторона — имуществен-

но-цензовый характер политического гражданства и неполное решение аграрного вопроса. Формально-правовая свобода в этом проекте опережает социально-экономическую основу свободы.

В-третьих, проект Пестеля представляет республиканско-этикетскую и социально ориентированную модель прав. Его сильная сторона — последовательная критика сословных преимуществ, идея равенства перед законом, социальное понимание земельного вопроса, классификация политических, гражданских и личных прав, признание обязанности власти действовать во имя блага народа. Его слабая сторона — подчинение свободы общему благу, переходной диктатуре, унитарной унификации и жестким национально-государственным решениям.

В-четвертых, оба проекта показывают, что права человека в российской правовой мысли возникали не как готовая универсальная доктрина, а как сложный синтез естественно-правовых идей, европейского конституционализма, антисословной критики, аграрного вопроса и поиска новой модели государства. Поэтому историческая оценка декабристских проектов должна быть двойственной: они были прорывом по отношению к крепостническому самодержавию, но не достигали современных стандартов универсальности, равенства и

недискриминации.

В-пятых, значение декабристских проектов для современного конституционного правопонимания состоит не только в их исторической «первизне». Они позволяют увидеть устойчивую проблему российского права: свобода личности нуждается одновременно в институциональных гарантиях против произвола и в социальной основе, делающей эту свободу реальной. Муравьев убедительно показывает необходимость ограниченной власти и суда; Пестель — необходимость равенства и материальных предпосылок гражданской независимости. В этом их взаимное напряжение остается продуктивным для современной правовой науки.

Таким образом, «Конституция» Н. М. Муравьева и «Русская Правда» П. И. Пестеля должны рассматриваться как два разных, но взаимодополняющих источника отечественной идеи прав и свобод человека и гражданина. Первый проект сильнее в правовых гарантиях свободы, второй — в социальной и антипривилегированной логике равенства. Вместе они образуют ранний конституционный горизонт российской правовой мысли, в котором впервые была поставлена задача преобразовать империю подданных в государство граждан.

Таблица 1. Сравнительная характеристика подходов к правам и свободам

Критерий	Н. М. Муравьев	П. И. Пестель
Методологическая основа	Ограничение власти, конституционная монархия, федерализм, суд	Общее благо, республика, унитаризм, преобразующая власть
Понимание гражданина	Участник управления при соблюдении цензов и условий гражданства	Член единого народа и единого гражданского состояния
Ключевая свобода	Личная безопасность, свобода слова, совести, печати, передвижения	Равенство, уничтожение сословий, свобода личности и социальная основа независимости
Основной риск	Цензовость и неполная социально-экономическая свобода крестьян	Подчинение свободы общему благу и переходной диктатуре

Список литературы:

- [1] Восстание декабристов: документы. Т. VII. П. И. Пестель. «Русская Правда»; подготовительные материалы. М.: Госполитиздат, 1958. 691 с.
- [2] Восстание декабристов: документы. Т. X. Материалы следствия. М.: Госполитиздат, 1953. 333 с.
- [3] Пестель П. И. Русская правда: наказ Временному Верховному правлению / предисл. П. Е. Щеголева. СПб.: Культура, 1906. XIV, [2], 245 с.
- [4] Муравьев Н. М. Конституция // Восстание декабристов: материалы. Т. I. М.; Л.: Госиздат, 1925.

- [5] Нечкина М. В. Движение декабристов: в 2 т. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 484 с.
- [6] Нечкина М. В. Движение декабристов: в 2 т. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 506 с.
- [7] Федоров В. А. Декабристы и их время. М.: Изд-во МГУ, 1992. 269, [2] с.
- [8] Киянская О. И. Павел Пестель: офицер, разведчик, заговорщик. М.: Параллели, 2002. 512 с.
- [9] Парсамов В. С. Декабристы и русское общество 1814–1825 гг. М.: Алгоритм, 2016. 550 с.
- [10] Мироненко С. В. Самодержавие и реформы: политическая борьба в России в начале XIX в. М.: Наука, 1989. 258 с.
- [11] Дружинин Н. М. Декабрист Никита Му-

равьев. М.: Изд-во АН СССР, 1933. 402 с.

[12] Сыроечковский Б. Е. К вопросу о редакциях «Русской Правды» П. И. Пестеля // Исторические записки. 1954. Т. 47.

[13] Декабристы: избранные социально-политические и философские произведения: в 3 т. М.: Госполитиздат, 1951. 732 с.

[14] Декабристы и их время: сборник трудов Государственного исторического музея / сост. В. М. Бокова. М., 1995. 283 с.

[15] «Конституция» Н. М. Муравьева // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. URL: <https://bigenc.ru/c/konstitutsiia-n-m-murav-iova-b60975> (дата обращения: 07.06.2026).

[16] «Русская Правда» (проект П. И. Пестеля) // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. URL: <https://bigenc.ru/c/russkaia-pravda-proekt-p-i-pestelia-cbf0bc> (дата обращения: 07.06.2026).

[17] Конституция Н. М. Муравьева // Конституция России: электронная библиотека. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5400/> (дата обращения: 07.06.2026).

[18] Русская Правда, или Заповедная Государственная Грамота Великого Народа Российского // Конституция России: электронная библиотека. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/32000/> (дата обращения: 07.06.2026).

[19] Грудцына Л. Ю. Конституционные основы взаимодействия государства, институтов гражданского общества и среднего класса // Конституционное право. 2025. № 4. С. 14-17.

[20] Грудцына Л. Ю. Конституционные основы судебного права как комплексной отрасли публичного права // Конституционное право. 2025. № 4. С. 30-38.

[21] Каллагов Т. Э. Конституционно-правовая природа статуса президента Российской Федерации // Конституционное право. 2025. № 4. С. 18-23.

[22] Сангаджиев Б. В. Конституционные основы защитительной речи адвоката в суде: вопросы и проблемы судопроизводства // Конституционное право. 2025. № 4. С. 24-29.

References:

[1] The Decembrist Uprising: Documents. Vol. VII. P. I. Pestel. «Russian Truth»; Preparatory Materials. Moscow: Gospolitizdat, 1958. 691 p.

[2] The Decembrist Uprising: Documents. Vol. X. Investigative Materials. Moscow: Gospolitizdat, 1953. 333 p.

[3] Pestel P. I. Russian Truth: Instruction to the Provisional Supreme Government / Preface by P. E. Shchegolev. St. Petersburg: Kultura, 1906. XIV, [2], 245 p.

[4] Muravyov N. M. Constitution // The Decembrist Uprising: Materials. Vol. I. Moscow; L.: Gosizdat, 1925.

[5] Nechkina M. V. The Decembrist Movement: in

2 volumes. Vol. 1. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1955. 484 p.

[6] Nechkina M. V. The Decembrist Movement: in 2 volumes. Vol. 2. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1955. 506 p.

[7] Fedorov V. A. The Decembrists and Their Time. Moscow: Moscow State University Publishing House, 1992. 269, [2] p.

[8] Kiyanskaya O. I. Pavel Pestel: Officer, Intelligence Officer, Conspirator. Moscow: Paralleli, 2002. 512 p.

[9] Parsamov V. S. The Decembrists and Russian Society 1814–1825. Moscow: Algorithm, 2016. 550 p.

[10] Mironenko S. V. Autocracy and Reforms: Political Struggle in Russia at the Beginning of the 19th Century. Moscow: Nauka, 1989. 258 p.

[11] Druzhinin N. M. The Decembrist Nikita Muravyov. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1933. 402 p.

[12] Syroechkovsky B. E. On the Issue of the Editorial Boards of P. I. Pestel's «Russkaya Pravda» // Istoricheskie zapiski. 1954. Vol. 47.

[13] The Decembrists: Selected Socio-Political and Philosophical Works: in 3 volumes. Moscow: Gospolitizdat, 1951. 732 p.

[14] The Decembrists and Their Time: Collection of Works of the State Historical Museum / compiled by V. M. Bokova. Moscow, 1995. 283 p.

[15] «Constitution» by N. M. Muravyov // The Great Russian Encyclopedia: Scientific and Educational Portal. URL: <https://bigenc.ru/c/konstitutsiia-n-m-murav-iova-b60975> (date of access: 07.06.2026).

[16] «Russian Truth» (project by P. I. Pestel) // The Great Russian Encyclopedia: Scientific and Educational Portal. URL: <https://bigenc.ru/c/russkaia-pravda-proekt-p-i-pestelia-cbf0bc> (date of access: 07.06.2026).

[17] Constitution by N. M. Muravyov // Constitution of Russia: Electronic Library. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5400/> (date accessed: 07.06.2026).

[18] Russian Truth, or the Reserved State Charter of the Great Russian People // Constitution of Russia: Electronic Library. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/32000/> (date accessed: 07.06.2026).

[19] Grudtsyna L. Yu. Constitutional Foundations of Interaction between the State, Civil Society Institutions and the Middle Class // Constitutional Law. 2025. No. 4. pp. 14-17.

[20] Grudtsyna L. Yu. Constitutional Foundations of Judicial Law as a Complex Branch of Public Law // Constitutional Law. 2025. No. 4. Pp. 30-38.

[21] Kallagov T. E. Constitutional and legal nature of the status of the President of the Russian Federation // Constitutional Law. 2025. No. 4. Pp. 18-23.

[22] Sangadzhiev B. V. Constitutional foundations of a lawyer's defense speech in court: issues and problems of legal proceedings // Constitutional Law. 2025. No. 4. Pp. 24-29.

МОХОВ Артем Юрьевич,
старший преподаватель
кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин
Волгоградского института управления-филиала РАНХиГС,
e-mail: aumohov@mail.ru

ПРОВОТОРОВА Анастасия Александровна,
студентка 4го курса бакалавриата юридического факультета
Волгоградского института управления-филиала РАНХиГС,
e-mail: provotorova.nastya07@mail.ru

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ И УСЛОВИЯ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ АДВОКАТА

Аннотация. В статье проанализировано содержание факторов и условий, обуславливающих формирование профессионального правосознания адвоката. Установлено различие между факторами и условиями в механизме формирования правосознания – в частности, условия представляют собой конкретные обстоятельства, которые складываются непосредственно при осуществлении адвокатских функций и взаимодействии с клиентами, адвокатским сообществом, государственными органами и должностными лицами. Определяется необходимость сохранения и укрепления этического элемента при формировании правосознания – особенно при организации профессионального юридического образования, которое должно учитывать специфику социального общения, психологические особенности участия адвоката в процессе, при осуществлении иных действий, направленных на оказание квалифицированной юридической помощи.

Ключевые слова: правосознание, адвокатура, формирование правосознания, профессионализм, профессиональное юридическое образование.

MOKHOV Artem Yuryevich,
Senior Lecturer, Department of Theory of Law and Public Law Disciplines
Volgograd Institute of Management, Branch of the RANEPA

PROVOTOROVA Anastasia Aleksandrovna,
4th-year undergraduate student, Faculty of Law,
Volgograd Institute of Management, Branch of RANEPA

THE MAIN FACTORS AND CONDITIONS INFLUENCING THE FORMATION OF A LAWYER'S PROFESSIONAL LEGAL AWARENESS

Annotation. The article analyzes the content of the factors and conditions that determine the formation of a lawyer's professional legal awareness. The difference between factors and conditions in the mechanism of legal awareness formation has been established. In particular, conditions are specific circumstances that develop directly during the exercise of legal functions and interaction with clients, the legal community, government agencies and officials. The necessity of preserving and strengthening the ethical element in the formation of legal awareness is determined, especially in the organization of professional legal education, which should take into account the specifics of social communication, the psychological characteristics of the lawyer's participation in the process, and other actions aimed at providing qualified legal assistance.

Key words: legal awareness, advocacy, legal awareness formation, professionalism, professional legal education.

При характеристике профессионального правосознания адвоката большую важность приобретает вопрос об исследовании особенностей его формирования – поскольку это одновременно отражает и содержание правосознание юриста в целом, и специ-

фику адвокатуры как особого вида деятельности, связанной с правом. В этой связи важно подробно определить важнейшие факторы и условия, совокупность которых влияет на формирование и развитие адвокатского правосознания. Это представляется очень важным, поскольку юрист не может

выполнять свои обязанности «в отрыве» от своих личностных качеств, особенностей правовой психологии и идеологических установок, накопленного влияния профессиональной корпорации.

Обоснованным в этой связи является мнение В.Ю. Малаховой, которая отмечает, что правосознание – это регулятор поведения правоприменителя, который влияет на содержание осуществляемой профессиональной деятельности и её юридически значимые последствия [7, с. 8]. В полной мере данный тезис можно распространить и на адвокатскую деятельность, при которой непосредственно осуществляется взаимодействие адвоката с клиентом в целях обеспечения защиты прав и законных интересов, законного представительства в юридическом процессе, содействия при осуществлении иных юридически значимых действий, взаимодействия с сотрудниками правоохранительных органов.

Прежде всего, отразим научные позиции по поводу содержания категории «формирование профессионального правосознания». Наиболее комплексно данное понятие рассматривается в работах Д.А. Артищевой. Так, согласно её позиции, формирование правосознания юриста – это процесс получения юристами необходимых для выполнения своей профессиональной функций знаний об отраслях права, а также общеправовых сведений (представлений о содержании и социальном назначении права, структуре правоотношений, отраслевом делении и взаимодействии). Формирование профессионального правосознания всегда обусловлено внешними и внутренними факторами. Кроме знаний и способов их применения практической деятельности, формирование правосознания имеет компетентностный характер (в части навыков составления юридических документов, отношений с должностными лицами государственных органов и органов местного самоуправления, функционирования внутри профессионального сообщества) [2, с. 63].

Стоит также согласиться и с А.В. Сапожниковой, указывающей, что в процессе формирования профессионального правосознания юрист «приобретает» представление о правомерном и противоправном поведении – что будет необходимо для пресечения правонарушений им со стороны других лиц, а также образования и у него мотивации на правопослушное поведение. С точки зрения «внутреннего» процесса формирования у юриста появляется своеобразное представление о необходимости соотносить свои действия с правовыми требованиями – конституционными положениями (например, в части закреплённого Основным законом права на получение квалифицированной юридической помощи, что будет требовать от адвоката сосредоточения своих действий и компетенций с требованиями профессионализма), нормами материального законодательства (гражданского, административного,

уголовного) [9, с. 1164].

Как представляется, важным условием здесь становится надлежащий уровень знания адвокатом процессуального законодательства, так как основным содержанием правозащитной деятельности адвокатуры является именно осуществление представительства в судах, а также защита прав клиента в досудебном производстве (например, в ходе предварительного расследования). Кроме того, представление о правомерном поведении возникает у адвоката в процессе изучения и применения специальных актов, регулирующих правовой статус адвоката, его права, обязанности и ответственность (ФЗ «Об адвокатуре и адвокатской деятельности», специальных актов Федеральной палаты адвокатов и соответствующего адвокатского объединения) [5, с. 75]. Исходя из этих особенностей формирования профессионального правосознания, можно обосновать основное содержание факторов и условий, которые влияют именно на адвокатов.

Установление содержания факторов формирования правосознания позволяет выявить ту «внешнюю» среду, в пределах которой адвокат будет реализовывать свои функции. Действительно, правосознание отдельно юриста не может быть отделено от тех психологических и идеологических установок, которые сложились в пределах конкретного профессионального сообщества.

Исходя из этого, факторы формирования профессионального правосознания адвоката могут быть классифицированы по различным основаниям. Так, можно выделить две большие группы основных факторов, влияющих на итоговый уровень и содержание правосознания:

- внешние факторы, действие и содержание которых находится «вне личностных установок юриста». Такие факторы устанавливаются на основе сложившегося порядка применения правовых норм (законодательства об адвокатуре, материального и процессуального законодательства, которое применяется адвокатом в своей профессиональной деятельности). Особое значение здесь имеют руководящие положения Пленума Верховного Суда РФ, которыми закрепляются единые для всех судов правила применения законодательства, связанного с участием адвоката в различных видах судопроизводства [1];

- внутренние факторы, обусловленные психологическими особенностями юриста, его познавательными способностями, а также сформировавшимся отношением к закону, практике его применения, а также дисциплинарным требованиям в системе адвокатуры. Н.М. Юрашевич указывает по данному поводу, что при характеристике правосознания именно внутренние факторы преобладают над внешними, поскольку правосознание юриста – это характеристика личности, и «исходными установками» практического поведения будут именно те свойства личности, которые, в основном, не зависят от условий внешней

среды (например, трудолюбие и ответственность, влияющие на профессионализм, который уже является одним из свойств юридического правосознания) [12, с. 174].

Также интересно привести мнение авторов, которые определяют влияние «общих» факторов (определяющих правосознание личности в целом) формирования правосознания на представителей конкретного юридического сообщества. Например, О.Г. Щедрин выделяет в своём диссертационном исследовании «универсальные факторы формирования правосознания, которые определённым образом трансформируются в содержание личной сферы юриста-профессионала» [11, с. 90–95]. К таким факторам исследователь относит:

- существующую в государстве на время профессионального становления правосознания адвоката систему государственного устройства. С точки зрения адвокатского правосознания она отражается в особом положении адвокатуры в нашей стране как профессиональной юридической корпорации, которая не входит ни в одну из ветвей или подсистем публичной власти, осуществляя при этом ряд полномочий, которые закреплены исключительно за адвокатами (например, выполнение функций защитника в уголовном судопроизводстве). При этом такая самостоятельность адвокатуры ограничивается общими требованиями к статусу адвоката и адвокатского сообщества, которые устанавливаются соответствующим Федеральным законом, а также осуществлением государственного контроля со стороны органов юстиции [8, с. 79];

- сложившиеся в государстве подходы и методы к формированию правовой идеологии и правового воспитания. Права и свободы человека прямо провозглашаются в качестве традиционных ценностей - что предопределяет необходимость не только сохранения имеющейся системы правозащитных органов и структур (к которым относится адвокатура), но и развития новых механизмов защиты прав и свободных интересов граждан и организаций, в которых могут участвовать адвокаты. Важным условием развития адвокатуры как правозащитного сообщества выступает заявленная на государственном уровне перспектива перехода к т.н. «адвокатской монополии» (закрепления права представительства по большинству судебных дел именно за гражданами, имеющими статус адвоката) [3, с. 50];

- современное состояние общественных отношений, обусловленное общим уровнем законности и правопорядка. С точки зрения формирования адвокатского профессионального правосознания данный фактор может проявляться в развитии «спецификации» адвокатов по наиболее распространённым на конкретный момент видам юридических споров, которые опосредованно будут влиять на подготовку адвоката, определять его «приобретённые» личностные

особенности при взаимодействии с отдельными группами лиц. Например, большое распространение дел, связанных с банкротством физических и юридических лиц будет влиять как на специализацию адвокатов, так и на более активное применение отдельных личностных качеств (например, аккуратность и сосредоточенность при работе с экономическими документами, необходимыми для поддержания позиции по делу).

Такие общие факторы воздействуют на любую личность, так или иначе соприкасающуюся с правовой сферой, влияя и на профессиональное правосознание. При этом именно уровню законности в государстве авторами придаётся особое значение, так как состояние соблюдения закона, строгость контроля за его соблюдением может выступать условием для деформаций правосознания (вплоть до прямой трансформации девиантного поведения адвоката в противоправное).

Кроме того, большое значение в этой связи принимает организация системы профессионального образования и переподготовки адвокатов. ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» предъявляются требования к наличию высшего юридического образования, что предопределяет необходимость выделения образовательного процесса, как важного фактора, влияющего на само формирование профессионального правосознания, а также на качество отдельных профессиональных качеств будущего адвоката. На сегодняшний день все образовательные программы высшего юридического образования предполагают наличие специальных дисциплин, посвящённых организации адвокатуры и адвокатского сообщества (например, «Проблемы правозащитной деятельности», «Адвокатура и адвокатская деятельность»), а также изучения правового положения адвокатуры в рамках конституционного права и курса «Правоохранительные органы». Правовое положение адвоката, его права и обязанности при судебном представительстве изучаются в рамках дисциплин процессуально-правового цикла [4, с. 57]. Профильные структурные подразделения по подготовке адвокатов имеются в структуре многих российских высших учебных заведений, а также наличия специализированных вузов. В качестве примеров можно привести Санкт-Петербургский институт адвокатуры в составе РГПУ им. Герцена (который в основном занимается профессиональной переподготовкой действующих адвокатов); будущих адвокатов обучает кафедра адвокатуры МГЮА, возглавляемая действующим Президентом Федеральной палаты адвокатов С.И. Володиной; также следует отметить наличие в Москве профильного высшего учебного заведения – Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева. Положительно оценивая современное состояние профессионального образования адвокатов, представляется, что подобное положение дел будет сохранено и при укрупнении направле-

ний профессиональной подготовки в рамках высшего образования, в связи с переходом на новые образовательные стандарты. Кроме того, именно в целях проработки вопросов формирования и содержания профессионального правосознания адвокатов, а также предупреждения деформаций адвокатского правосознания считаем необходимым изучение вопросов личностной сферы адвоката в рамках курсов профессиональной этики, делового этикета, общей и юридической психологии при обучении юристов.

В свою очередь, условия формирования правосознания адвоката можно определять в качестве конкретных обстоятельств, которые проявляются при осуществлении лицом, имеющим статус адвоката, своих функций. Стоит согласиться с В.В. Грамматиковым, который указывает, что условия формирования правосознания – это «активная» сторона адвокатской деятельности. Проявляясь в практической работе, условия не столько формируют «исходное» правосознание, сколько трансформируют уже имеющиеся личностные и профессиональные установки адвоката [6, с. 46]. К таким обстоятельствам можно отнести:

- изменяющиеся под влиянием специфики профессиональной деятельности особенности личности адвоката, которые заключаются в способности воспринимать и обрабатывать юридически значимую информацию. Такой информацией будут являться сведения, которые адвокат получил в результате взаимодействия с клиентами, а также содержание процессуальных и иных документов, которые обрабатываются адвокатом либо составляются им самостоятельно. Кроме того, в эту познавательную составляющую можно включать и представления практикующего адвоката об изменениях законодательства, а также практике его применения. Стоит согласиться с авторами, отмечающими, что большое влияние на формирование и трансформацию адвокатского правосознания имеет и «неофициальная» информация (которая получается им, например, при внепроцессуальном взаимодействии со следователями, сотрудниками иных государственных органов, а также внутри адвокатского сообщества) [10, с. 95].

Психологические условия можно разделить на те, которые связаны с индивидуальным состоянием адвоката, его когнитивными свойствами (способность систематизировать информацию, находить причинно-следственные связи, выявлять ошибки и противоречия в исследуемых документах), а также на условия, определяемые его поведенческими свойствами (коммуникабельность, тактичность, степень внушаемости – что представляется особенно важным для адвоката, поскольку значительную долю от общего количества рабочего времени составляет общение с клиентами, иными заинтересованными лицами, должностными лицами);

- внешние условия, которые обусловлены

культурно-этическими факторами. Как уже отмечалось ранее, на состояние и формирование правосознания адвоката будут оказывать влияние правосознание и уровень правовой культуры взаимодействующих с ним лиц. Кроме того, следует выделить и организационные условия, сложившиеся в адвокатском сообществе (степень управленческой дисциплины и уровень субординации, особенности неформального общения между адвокатами и т.д.).

Таким образом, формирование профессионального правосознания адвоката представляет собой сложный и многоаспектный процесс, в ходе которого внутренняя сфера личности адвоката как представителя юридического сообщества подвергается внешнему воздействию по самым различным направлениям.

Факторы формирования правосознания – это причины, которые влияют на личность лица, получающего профессиональное юридическое образование, проходящего профессиональную подготовку в целях получения статуса адвоката. Факторы можно подразделить на объективные (которые связаны с текущим состоянием общественных отношений и законодательства, правовым закреплением статуса адвоката и положения адвокатуры в правозащитной системе государства) и субъективные (психофизиологические особенности адвоката, степень восприятия им юридически значимой информации). Особое положение в системе факторов формирования правосознания играет организация профессионального юридического образования. В этой связи предлагается при реформировании профессионального юридического образования закрепить в качестве самостоятельного блока знаний (отдельной дисциплины или соответствующих тем) изучение вопросов личностной сферы адвоката (через специальные курсы профессиональной этики, делового этикета, психологических знаний, необходимых для адвокатской деятельности).

Условия формирования правосознания являются конкретными обстоятельствами, которые влияют на уровень и содержание профессионального правосознания при непосредственном осуществлении адвокатом своих функций (способность воспринимать и обрабатывать конкретную информацию при взаимодействии с клиентом, сложившуюся организационную среду в органах адвокатского сообщества, уровень правосознания и правовой культуры лиц, с которыми взаимодействует адвокат).

При этом обязательным, вне зависимости от факторов и условий, остаётся сохранение высокого уровня профессионализма адвоката, безусловное соблюдение им требований профессиональной этики при внешнем взаимодействии с гражданами, а также недопущение значительных деформаций правосознания, которые могут повлечь совершение адвокатом правонарушений.

Список литературы:

- [1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 (в ред. от 9 декабря 2025 г.) «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 9.
- [2] Артищева Д.А. Формирование правосознания как фактор формирования профессиональной идентичности личности в студенческом возрасте // Психология и педагогика служебной деятельности. 2020. № 2. С. 61–63.
- [3] Безместина А.С. К вопросу о введении «адвокатской монополии» на судебное представительство // Законность и правопорядок. 2025. № 1. С. 49–52.
- [4] Бочаров Т., Дмитриева А.В. Юридическое образование в России и за рубежом: между университетом, профессией, государством и рынком: монография. М.: Норма, 2021. 192 с.
- [5] Валеева Г.А. К вопросу о дисбалансе прав, обязанностей и ответственности адвоката // Правовая культура. 2025. № 1. С. 74–78.
- [6] Грамматилов В.В. Профессиональное правосознание адвоката // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2015. № 3. С. 43–52.
- [7] Малахова В. Ю. О понятиях «правосознание» и «личность»: теоретические основы // Современное право. 2025. № 5. С. 5–11.
- [8] Попкова Ж.Г. Некоторые аспекты различных видов публичного контроля за адвокатской деятельностью на примере сферы налогообложения // Законность и правопорядок. 2024. № 2. С. 78–82.
- [9] Сапожникова А.В. Правосознание как системообразующий фактор формирования профессиональной готовности будущих юристов // В сборнике: Державинские чтения. сборник статей XVIII Международной научно-практической конференции. М.: РПА Минюста России, 2025. С. 1164–1167.
- [10] Филь Е.О. Общая характеристика адвокатской деятельности // Правовая позиция. 2023. № 6. С. 94–98.
- [11] Щедрин О.Г. Этнические особенности русского правосознания: дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.01. Ростов-на-Дону, 2004. 204 с.
- [12] Юрашевич Н.М. Правосознание и право: общность и различия // Государство и право.

2005. № 7. С. 170–177.

References:

- [1] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 30, 2015, No. 29 (as amended on December 9, 2025) «On the Practice of Applying Legislation by Courts Ensuring the Right to Defense in Criminal Proceedings» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2015. No. 9.
- [2] Artishcheva, D.A. Formation of Legal Awareness as a Factor in the Formation of Professional Identity of an Individual in Student Age // Psychology and Pedagogy of Service Activity. 2020. No. 2. pp. 61–63.
- [3] Bezmetina, A.S. On the Introduction of a «Lawyer Monopoly» on Court Representation // Legality and Law and Order. 2025. No. 1. pp. 49–52.
- [4] Bocharov, T., Dmitrieva, A.V. Legal Education in Russia and Abroad: Between University, Profession, State, and Market: Monograph. Moscow: Norma, 2021. 192 p.
- [5] Valeeva G.A. On the Imbalance of Rights, Duties, and Responsibilities of a Lawyer // Legal Culture. 2025. No. 1. pp. 74–78.
- [6] Grammatikov V.V. Professional Legal Awareness of a Lawyer // Bulletin of Volgograd State University. Series 5: Jurisprudence. 2015. No. 3. pp. 43–52.
- [7] Malakhova V.Yu. On the Concepts of “Legal Awareness” and “Personality”: Theoretical Foundations // Modern Law. 2025. No. 5. pp. 5–11.
- [8] Popkova Zh.G. Some Aspects of Various Types of Public Control over Advocacy Activities Using the Example of the Tax Sphere // Legality and Law and Order. 2024. No. 2. pp. 78–82.
- [9] Sapozhnikova AV Legal Awareness as a System-Forming Factor in the Formation of Professional Readiness of Future Lawyers // In the collection: Derzhavin Readings. A Collection of Articles from the XVIII International Scientific and Practical Conference. Moscow: RPA Ministry of Justice of Russia, 2025. pp. 1164–1167.
- [10] Fil EO General Characteristics of Advocacy Activities // Legal Position. 2023. No. 6. pp. 94–98.
- [11] Shchedrin OG Ethnic Features of Russian Legal Awareness: Candidate of Law Dissertation: 12.00.01. Rostov-on-Don, 2004. 204 pp.
- [12] Yurashevich N.M. Legal consciousness and law: commonalities and differences // State and Law. 2005. No. 7. P. 170–177.

*ЭРИАШВИЛИ Нодари Дарчоевич,
кандидат юридических наук, кандидат исторических наук,
доктор экономических наук, профессор, почетный работник сферы образования РФ,
лауреат премии Правительства РФ в области образования,
профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;
профессор кафедры частного права Государственного университета управления,
e-mail: professor60@mail.ru*

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГЕНЕРАТИВНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ: АКАДЕМИЧЕСКАЯ ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ, ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Аннотация. В статье исследуется формирующийся правовой режим применения генеративно-искусственного интеллекта в высшем образовании. Выявлено противоречие между технологически нейтральным дозволением использовать электронное обучение и отсутствием специальных гарантий при генерации учебного контента, оценивании результатов и обработке данных обучающихся. Обосновано, что запретительная модель не соответствует академическим правам и задачам развития искусственного интеллекта, тогда как нерегулируемое применение создает риски подмены самостоятельной деятельности, дискриминации и утраты контроля над персональными данными. Предложена четырехуровневая модель допустимости: вспомогательное, условно допустимое, недопустимое замещающее и институциональное высокорисковое применение. Сформулированы критерии существенности участия ИИ, распределена ответственность между обучающимся, педагогическим работником, образовательной организацией и поставщиком системы. Предложено дополнить Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» нормами о праве на информирование и человеческий пересмотр автоматизированной оценки, об обязанности раскрывать существенное использование ИИ и о риск-ориентированном локальном регулировании.

Ключевые слова: образовательное право, высшее образование, генеративный искусственный интеллект, академическая добросовестность, персональные данные, оценивание, ответственность, локальный нормативный акт.

*ERIASHVILI Nodari Darchoevich,
Candidate of Law, Candidate of Historical Sciences,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honorary Worker in the Field of Education of the Russian Federation,
Laureate of the Russian Federation Government Prize in Education,
Professor in the Department of Civil and Labor Law and Civil Procedure
at the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;
Professor in the Department of Private Law at the State University of Management*

LEGAL REGIME FOR THE USE OF GENERATIVE ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN HIGHER EDUCATION: ACADEMIC INTEGRITY, PERSONAL DATA AND LIABILITY

Annotation. The article examines the emerging legal regime for generative artificial intelligence in higher education. It identifies a contradiction between technology-neutral permission to use e-learning and the lack of special safeguards for content generation, assessment and student-data processing. A four-tier admissibility model is proposed: auxiliary use, conditionally permissible co-creative use, prohibited substitutive use and high-risk institutional use. The article develops a materiality test for AI involvement, allocates responsibility among students, teachers, educational institutions and system providers, and proposes amendments to Russian education legislation concerning transparency, human review, disclosure and risk-based local regulation.

Key words: education law, higher education, generative artificial intelligence, academic integrity, personal data, assessment, liability, local regulation.

Введение

Генеративный искусственный интеллект (далее — генеративный ИИ, ГенИИ) перестал быть внешним цифровым сервисом и фактически встроился в подготовку учебных текстов, программного кода, исследовательских обзоров и обратной связи. Российское исследование 2025 г., охватившее 4207 студентов ведущих вузов, показало не только распространение новых практик, но и их неодинаковый эффект: для успевающих студентов ИИ чаще становится средством усиления, тогда как для других способен закреплять отставание [8, с. 9–35]. Обзор 270 публикаций из журналов Перечня ВАК за 2020–2024 гг. подтверждает, что педагогическая практика опережает формирование общих правил безопасного использования технологии [9, с. 36–57].

Правовая проблема состоит не в самом факте обращения к алгоритму, а в неопределенности юридически значимой границы между помощью и подменой самостоятельной образовательной деятельности. Конституционное право на образование предполагает доступность и качество образования [1], однако не дает обучающемуся права требовать зачета результата, не отражающего освоение им компетенций. Одновременно академическая свобода и автономия образовательной организации не оправдывают непрозрачное автоматизированное оценивание или передачу учебных работ во внешние сервисы без надлежащего режима данных. Следовательно, необходимо согласовать четыре ценности: свободу использования образовательных технологий, достоверность оценки, информационную автономию личности и ответственность человека за итоговое решение.

Цель исследования — сформировать отраслевую модель правового регулирования ГенИИ в высшем образовании и предложить способы ее закрепления. Используются формально-юридический, системный, сравнительно-правовой и функциональный методы. Научная новизна заключается в разграничении пользовательского и институционального применения ИИ, введении критерия существенности алгоритмического участия и построении четырехуровневого режима допустимости. Центральный тезис состоит в том, что образовательное право должно регулировать не «наличие ИИ» в работе, которое нередко технически недоказуемо, а характер переданной алгоритму функции, влияние этой функции на проверяемую компетенцию и соблюдение процедурных гарантий.

1. Нормативный разрыв: технология разрешена, специальный режим не установлен

Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ допускает применение различных образовательных технологий, включая электронное обучение и дистанционные образовательные технологии, а статья 16 связывает их с электронной

информационно-образовательной средой [2]. Эти нормы технологически нейтральны и потому охватывают цифровые инструменты в широком смысле. Однако генеративная система качественно отличается от электронного учебника или платформы связи: она формирует вероятностный ответ, может воспроизводить ошибки и предубеждения, перерабатывает введенные данные и создает впечатление авторитетности без гарантии истинности.

Образовательная организация автономна и вправе принимать локальные нормативные акты в пределах своей компетенции (статьи 28 и 30 Закона об образовании) [2]. Обучающийся, в свою очередь, обязан добросовестно осваивать программу, самостоятельно готовиться и выполнять задания педагогического работника (статья 43) [2]. Из совокупности этих положений можно вывести обязанность не подменять собственную деятельность чужим либо машинно сгенерированным результатом. Но понятия академической добросовестности, существенного использования ИИ и порядка доказывания нарушения федерального закона не раскрывает. Поэтому одинаковое действие — например, получение от чат-бота структуры эссе — в одном вузе признается разрешенным, в другом требует декларации, а в третьем может оцениваться как нарушение без заранее опубликованного критерия.

Такое положение ослабляет правовую определенность дисциплинарной ответственности. Процент «вероятности ИИ», сформированный детектором, сам является алгоритмическим выводом и не доказывает ни автора текста, ни умысел обучающегося. В литературе справедливо отмечается необходимость переосмысления оценивания, а не механического переноса традиционной модели плагиата на генеративные системы [13, с. 228–239; 14]. Дискуссия, начавшаяся с вопроса о том, является ли ChatGPT угрозой или ресурсом, должна быть переведена из моральной плоскости в процедурную: что было разрешено, какая компетенция проверялась, что раскрыл обучающийся и какими доказательствами подтверждается нарушение [11, с. 9–22].

Национальная стратегия развития искусственного интеллекта ориентирует государство на безопасное и ответственное внедрение технологии, развитие компетенций и доверия к ИИ [4]. Поэтому общий запрет в образовательной сфере противоречил бы стратегическому курсу и формировал бы скрытые практики. Не менее опасна противоположная крайность — признание любого обращения к ИИ частным выбором обучающегося. Образовательный результат имеет публичное значение: диплом удостоверяет освоение компетенций, а значит, правила использования ГенИИ должны обеспечивать достоверность этой юридически значимой аттестации.

2. Четырехуровневая модель допустимого использования

Предлагается оценивать использование ГенИИ по трем связанным критериям. Первый — функциональный: какую операцию передали системе — поиск идей, редактирование, создание аргумента, решение задачи либо выставление оценки. Второй — компетентностный: совпадает ли переданная функция с тем умением, которое проверяет задание. Третий — процедурный: было ли использование разрешено, раскрыто, проверено человеком и осуществлено без неправомерной передачи данных. Существенным следует считать такое участие ИИ, без которого структура, аргументация, вывод или иной оцениваемый элемент результата были бы иными. Техническая доля сгенерированных слов сама по себе юридического значения не имеет.

Первый уровень — вспомогательное применение. К нему относятся орфографическая проверка, техническое форматирование, перевод отдельных терминов, генерация тренировочных примеров и поиск направлений дальнейшего изучения, если эти операции не составляют предмет оценки. Такое использование презюмируется допустимым; локальный акт может требовать краткого указания инструмента лишь для работ исследовательского характера. Второй уровень — условно допустимое со-творческое применение: составление плана, критика черновика, генерация кода или вариантов аргументации. Оно возможно при прямом разрешении задания, раскрытии промптов или описании способа использования и личной проверке фактов, ссылок и выводов. Обучающийся остается автором представленного решения и отвечает за его достоверность.

Третий уровень — недопустимое замещающее применение. Запрет оправдан, когда система выполняет именно ту интеллектуальную операцию, которую призвано проверить задание: пишет итоговое эссе вместо обучающегося, решает контролируемую задачу, создает отчет о несуществующем эксперименте, формирует ответы во время экзамена либо используется для сокрытия заимствований. Нарушением является не «машинное происхождение» текста как таковое, а ложное представление результата в качестве доказательства собственной компетенции. Такой подход сближает академическую недобросовестность с введением оценщика в заблуждение и позволяет отличить ее от добросовестной технологической помощи.

Четвертый уровень — институциональное высокорисковое применение. Речь идет о системах, которыми вуз ранжирует поступающих, прогнозирует отчисление, осуществляет дистанционный прокторинг, оценивает письменные работы либо рекомендует итоговую отметку. Здесь адресатом обязанностей выступает прежде всего образовательная организация. Европейский AI Act

относит к высокорисковым, в частности, системы, используемые при доступе к образованию и оценивании результатов обучения, поскольку они способны определять образовательную и профессиональную траекторию человека [7]. Российскому праву целесообразно воспринять не всю европейскую конструкцию, а ее функциональный принцип: чем сильнее алгоритм влияет на статус обучающегося, тем строже требования к данным, документации, человеческому контролю и обжалованию.

Предложенная модель согласуется с человекоцентричным подходом ЮНЕСКО, включающим соразмерность, недопущение вреда, безопасность, справедливость, прозрачность и человеческий надзор [5]. Руководство ЮНЕСКО по генеративному ИИ отдельно подчеркивает, что скорость развития общедоступных систем опережает институциональные правила, оставляя данные пользователей и образовательные организации без достаточной защиты [6]. Следовательно, локальное регулирование должно быть не перечнем названий сервисов, быстро утрачивающим актуальность, а матрицей функций и рисков.

3. Персональные данные и право на человеческое решение

Взаимодействие с внешним генеративным сервисом часто предполагает ввод имени, фрагмента учебной работы, голоса, изображения, сведений об успеваемости или особенностях здоровья. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ требует законной и справедливой обработки, заранее определенной цели, соответствия объема данных этой цели и недопустимости избыточности [3]. Если преподаватель обязывает студентов загрузить работы в выбранную им систему, образовательная организация не может считать передачу данных исключительно личным действием обучающегося: она определяет цель и способ обработки либо, по меньшей мере, организует такую обработку.

Из этого следует практический вывод: до внедрения системы вуз должен установить категории данных, место и сроки хранения, возможность использования запросов для дообучения модели, круг получателей, порядок удаления и альтернативный способ выполнения задания для лица, не желающего пользоваться внешним сервисом. Согласие обучающегося не должно превращаться в фикцию, когда отказ ведет к ухудшению оценки или невозможности освоить обязательный компонент программы. При наличии иного законного основания обработки именно оно должно быть четко определено; при отсутствии — использование внешнего инструмента нельзя навязывать.

Особого регулирования требует автоматизированная оценка. Генеративная модель может быть полезна для формирующей обратной связи, однако итоговая отметка выражает властно-организационное решение образовательной органи-

зации и влияет на стипендию, перевод, допуск к аттестации и получение диплома. Поэтому алгоритм допустим как средство поддержки, но не как неоспоримый субъект оценивания. Обучающийся должен знать о применении ИИ, понимать основные критерии, иметь доступ к содержательному объяснению и требовать пересмотра педагогическим работником. В докладе ЮНЕСКО о защите прав обучающихся акцентируется необходимость связывать цифровую трансформацию образования с правами человека, агентностью обучающегося и подотчетностью институтов [15].

Принцип человеческого пересмотра имеет двойное назначение. Во-первых, он защищает обучающегося от ошибочного или дискриминационного вывода. Во-вторых, сохраняет профессиональную ответственность педагога: технология не должна становиться способом уклонения от мотивированной оценки. Результат пересмотра должен фиксироваться, а при существенном расхождении между алгоритмической рекомендацией и решением преподавателя система подлежит дополнительной проверке. Данные о таких расхождениях могут служить индикатором риска, но использовать их для дальнейшего обучения модели допустимо лишь при соблюдении режима персональных данных.

4. Распределение ответственности

Ответственность обучающегося возникает не за сам факт использования технологии, а за нарушение заранее доведенного правила, существенность нераскрытого участия и наличие вины. До применения дисциплинарного взыскания вузу необходимо установить содержание задания, действовавшую редакцию локального акта, способ ознакомления с ним, характер переданной ИИ функции и объяснения обучающегося. Заключение детектора может быть только одним из косвенных материалов. Санкция должна быть соразмерна: исправление работы или снижение оценки предпочтительнее дисциплинарного взыскания при первом несущественном нарушении; фабрикация данных, использование ИИ на экзамене и повторное сокрытие могут влечь более строгие последствия в пределах статьи 43 Закона об образовании [2].

Педагогический работник отвечает за ясность условий задания, соответствие способа контроля заявленным результатам обучения и личное принятие итоговой оценки. Если использование ИИ запрещено, задание должно быть спроектировано так, чтобы проверять процесс рассуждения: включать устную защиту, промежуточные версии, индивидуализированные факты или рефлексивный отчет. Научная литература показывает, что большие языковые модели способны персонализировать обучение и расширять обратную связь, но требуют новых компетенций преподавателя и студента, включая понимание ограничений и проверку результатов [12]. Следовательно, обя-

занность педагога не сводится к обнаружению нарушений; она включает формирование ИИ-грамотности.

Образовательная организация несет организационно-публичную ответственность за качество и законность процесса. Она обязана принять понятный локальный акт с участием советов обучающихся, классифицировать сценарии применения, провести оценку рисков, обучить работников, предусмотреть канал обжалования и контролировать договор с поставщиком. Договорное возложение на поставщика требований безопасности не освобождает вуз от обязанностей перед обучающимися. Поставщик, в свою очередь, отвечает в пределах информационного, договорного и деликтного законодательства за заявленные свойства, безопасность и соблюдение согласованного режима данных. Международные обзоры подтверждают переход от единичных запретов к системам маркировки, ИИ-грамотности и поэтапного внедрения [10, с. 192–212].

Разграничение ответственности можно выразить формулой: обучающийся отвечает за подлинность представления собственной компетенции; педагог — за методику и человеческое решение; вуз — за правила, данные и процедуру; поставщик — за свойства и безопасность продукта. При этом окончательная ответственность за образовательное решение не может быть перенесена на систему ИИ. Такая позиция соответствует рекомендации ЮНЕСКО о сохранении ответственности и подотчетности за человеком [5].

5. Предложения de lege ferenda

Представляется необходимым дополнить Закон об образовании специальной статьей 16.1 «Применение систем искусственного интеллекта при реализации образовательных программ». В ней следует закрепить: 1) технологическую нейтральность и приоритет прав участников образовательных отношений; 2) обязанность информировать о применении ИИ при формировании индивидуально значимых рекомендаций и оценок; 3) запрет принимать исключительно автоматизированное итоговое решение о приеме, переводе, отчислении или результатах аттестации; 4) право на понятное объяснение и пересмотр человеком; 5) оценку рисков до внедрения и периодический контроль; 6) минимизацию данных и возможность безопасной альтернативы внешнему сервису.

Статью 34 целесообразно дополнить академическим правом обучающегося знать правила допустимого использования ИИ и факт его применения при оценивании. В статье 43 следует закрепить обязанность раскрывать существенное использование систем ИИ в случаях и порядке, установленных локальным актом или заданием. Эта формула важна: обязанность не должна требовать перечисления незаметных встроенных функций, но должна охватывать передачу систе-

ме оцениваемой интеллектуальной операции. Статью 28 необходимо дополнить обязанностью образовательной организации принять риск-ориентированный локальный акт и обеспечить подготовку работников.

Типовой локальный акт должен содержать не только запреты, но и позитивные правила: уровни допустимости; примеры по дисциплинам; форму декларации об использовании ИИ; порядок хранения промптов; правила работы с персональными и конфиденциальными данными; требования к проверке фактов и ссылок; процедуру рассмотрения предполагаемого нарушения; запрет признавать показание детектора достаточным доказательством; порядок человеческого пересмотра автоматизированной оценки; периодичность аудита. Для обеспечения равенства базовые требования должен утвердить федеральный орган, а вузам следует оставить право конкретизировать их с учетом программы и проверяемых компетенций.

Заключение

Генеративный ИИ обнажил методологический предел действующего образовательного права: нормы об электронном обучении регулируют инфраструктуру, но почти не затрагивают распределение интеллектуальной функции между человеком и алгоритмом. Решение не может состоять ни в тотальном запрете, ни в безусловной легализации. Юридически значимыми должны стать функция системы, связь этой функции с оцениваемой компетенцией, существенность алгоритмического участия и соблюдение процедуры.

Предложенная четырехуровневая модель позволяет одновременно сохранить инновационный потенциал, академическую добросовестность и права обучающегося. Вспомогательное применение презюмируется допустимым; со-творческое допускается при раскрытии и проверке; замещающее запрещается, когда искажает доказательство компетенции; институциональное высокорисковое применение требует оценки риска, прозрачности, защиты данных и человеческого пересмотра. Перспективное регулирование должно быть функциональным и риск-ориентированным, поскольку перечни конкретных сервисов устаревают быстрее, чем локальные акты.

Таким образом, образовательное право должно перейти от вопроса «использовался ли ИИ?» к вопросу «какое решение было передано ИИ и какие гарантии сопровождали эту передачу?». Именно такой переход создает устойчивую основу для доверия к результатам высшего образования в условиях алгоритмизации.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок) // Официальный сайт

Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution> (дата обращения: 17.07.2026).

[2] Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 25.04.2026) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

[3] О персональных данных: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (ред., действующая на 17.07.2026) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.

[4] О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» и в Национальную стратегию, утвержденную этим Указом: Указ Президента РФ от 15 февраля 2024 г. № 124 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402150063> (дата обращения: 17.07.2026).

[5] Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence: adopted on 23 November 2021. // Paris: UNESCO, 2021. URL: <https://www.unesco.org/en/legal-affairs/recommendation-ethics-artificial-intelligence> (accessed: 17.07.2026).

[6] Miao F., Holmes W. Guidance for Generative AI in Education and Research. // Paris: UNESCO, 2023. 44 p. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000386693> (accessed: 17.07.2026).

[7] Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence // Official Journal of the European Union. 2024. L 2024/1689. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng> (accessed: 17.07.2026).

[8] Кузьминов Я. И., Кручинская Е. В., Груздев И. А., Наумов А. А. Отстающие и опережающие: как студенты используют генеративный искусственный интеллект в образовательных целях // Высшее образование в России. 2025. Т. 34. № 6. С. 9–35.

[9] Кошкина Е. А., Бордовская Н. В., Гнедых Д. С., Хромова М. А., Демьянчук Р. В., Исхакова М. П., Балышев П. А. Генеративный искусственный интеллект в высшем образовании: обзор теоретических подходов и практик применения // Высшее образование в России. 2025. Т. 34. № 6. С. 36–57.

[10] Бирюков Д. Н., Супрун А. Ф., Бирюкова А. Д. Международный опыт регулирования и внедрения генеративного искусственного интеллекта в сфере высшего образования // Проблемы информационной безопасности. Компьютерные системы. 2025. № 3. С. 192–212.

[11] Ивахненко Е. Н., Никольский В. С. ChatGPT в высшем образовании и науке: угроза или ценный ресурс? // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 4. С. 9–22.

[12] Kasneci E. et al. ChatGPT for Good? On Opportunities and Challenges of Large Language Models for Education // Learning and Individual

Differences. 2023. Vol. 103. Art. 102274.

[13] Cotton D. R. E., Cotton P. A., Shipway J. R. Chatting and Cheating: Ensuring Academic Integrity in the Era of ChatGPT // *Innovations in Education and Teaching International*. 2024. Vol. 61. No. 2. P. 228–239.

[14] Perkins M. Academic Integrity Considerations of AI Large Language Models in the Post-Pandemic Era: ChatGPT and Beyond // *Journal of University Teaching & Learning Practice*. 2023. Vol. 20. No. 2. Art. 07.

[15] AI and Education: Protecting the Rights of Learners. // Paris: UNESCO, 2025. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000395373> (accessed: 17.07.2026).

References:

[1] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 (as amended) // Official website of the President of Russia. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution> (date of access: July 17, 2026).

[2] On education in the Russian Federation: Federal Law of December 29, 2012 No. 273-FZ (as amended on April 25, 2026) // *Collected Legislation of the Russian Federation*. 2012. No. 53 (Part 1). Art. 7598.

[3] On personal data: Federal Law of July 27, 2006 No. 152-FZ (as amended on July 17, 2026) // *Collected Legislation of the Russian Federation*. 2006. No. 31 (Part 1). Article 3451.

[4] On Amendments to Decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019 No. 490 «On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation» and the National Strategy approved by this Decree: Decree of the President of the Russian Federation of February 15, 2024 No. 124 // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402150063> (date of access: July 17, 2026).

[5] Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence: adopted on November 23, 2021. // Paris: UNESCO, 2021. URL: <https://www.unesco.org/en/legal-affairs/recommendation-ethics-artificial-intelligence> (accessed: 07.17.2026).

[6] Miao F., Holmes W. Guidance for Generative

AI in Education and Research. // Paris: UNESCO, 2023. 44 p. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000386693> (accessed: 07/17/2026).

[7] Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonized rules on artificial intelligence // *Official Journal of the European Union*. 2024. L 2024/1689. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng> (accessed: 17.07.2026).

[8] Kuzminov Ya. I., Kruchinskaya E. V., Gruzdev I. A., Naumov A. A. Lagging and Ahead: How Students Use Generative Artificial Intelligence for Educational Purposes // *Higher Education in Russia*. 2025. Vol. 34. No. 6. Pp. 9–35.

[9] Koshkina E. A., Bordovskaya N. V., Gnedykh D. S., Khromova M. A., Demyanchuk R. V., Iskhakova M. P., Balyshv P. A. Generative Artificial Intelligence in Higher Education: A Review of Theoretical Approaches and Application Practices // *Higher Education in Russia*. 2025. Vol. 34. No. 6. Pp. 36–57.

[10] Biryukov D. N., Suprun A. F., Biryukova A. D. International experience in regulating and implementing generative artificial intelligence in higher education // *Problems of information security. Computer systems*. 2025. No. 3. Pp. 192–212.

[11] Ivakhnenko E. N., Nikolsky V. S. ChatGPT in higher education and science: a threat or a valuable resource? // *Higher education in Russia*. 2023. Vol. 32. No. 4. Pp. 9–22.

[12] Kasneci E. et al. ChatGPT for Good? On Opportunities and Challenges of Large Language Models for Education // *Learning and Individual Differences*. 2023. Vol. 103. Art. 102274.

[13] Cotton D. R. E., Cotton P. A., Shipway J. R. Chatting and Cheating: Ensuring Academic Integrity in the Era of ChatGPT // *Innovations in Education and Teaching International*. 2024. Vol. 61.No. 2. P. 228–239.

[14] Perkins M. Academic Integrity Considerations of AI Large Language Models in the Post-Pandemic Era: ChatGPT and Beyond // *Journal of University Teaching & Learning Practice*. 2023. Vol. 20.No. 2. Art. 07.

[15] AI and Education: Protecting the Rights of Learners. // Paris: UNESCO, 2025. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000395373> (accessed: 07.17.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.07.2026 г.

DOI: 10.24412/3033-7550-2026-2-64-70

Дата принятия рукописи в печать: 29.07.2026 г.

ЧЕРНЯКОВ Валентин Евгеньевич,

приглашённый исследователь,

*Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
123001, Российская Федерация, гор. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9,
e-mail: ch.valentin.2003@mail.ru*

ОСАВЕЛЮК Алексей Михайлович,

доктор юридических наук,

*профессор кафедры конституционного и муниципального права,
Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
123001, Российская Федерация, гор. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9,
e-mail: AMOSAVELYUK@msal.ru*

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ СОВЕТА ФЕДЕРАЦИИ ФС РФ И БУНДЕСРАТА ФРГ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В статье проводится сравнительно-правовой анализ вспомогательных органов при Совете Федерации Российской Федерации и Бундесрате Федеративной Республики Германия. Исследование направлено на выявление особенностей организационного построения, функциональной роли и места вспомогательных структур в механизме парламентской деятельности с учётом различий в конституционно-правовом статусе сопоставляемых органов. Отдельное внимание уделяется специфике Бундесрата как органа представительства федеральных земель, а также влиянию данной специфики на систему его комитетов и иных вспомогательных образований. На основе проведённого анализа формулируются конкретные предложения по использованию отдельных элементов германского опыта в практике деятельности Совета Федерации Российской Федерации с учётом положений Федерального закона от 22 декабря 2020 г. № 439-ФЗ и национальных конституционных особенностей.

Ключевые слова: вспомогательные органы парламента, Совет Федерации, Бундесрат, сравнительный анализ, государственное управление, парламентские процедуры, законодательный процесс, цифровизация, комитетская система, парламентское право.

CHERNYAKOV Valentin Evgenievich,

Invited Researcher,

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

OSAVELYUK Alexey Mikhailovich,

Doctor of Law, Professor, Chair of Constitutional and Municipal Law,

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

AUXILIARY BODIES IN THE FEDERATION COUNCIL OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE BUNDESRAT OF THE FEDERAL REPUBLIC OF GERMANY: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

Annotation. This article provides a comparative legal analysis of the subsidiary bodies of the Federation Council of the Russian Federation and the Bundesrat of the Federal Republic of Germany. The study examines the organizational structure, functional roles, and place of these subsidiary bodies within the parliamentary system, taking into account the constitutional and legal status of the compared bodies. Particular attention is paid to the specific characteristics of the Bundesrat as a representative body of the federal states, as well as the impact of these specifications on its committees and other subsidiary bodies. Based on the proposed analytical framework, specific proposals are formulated for integrating elements of German experience in the activities of the Federation Council of the Russian Federation, taking into account the provisions of Federal Law No. 439-FZ of December 22, 2020, and national constitutional laws.

Key words: parliamentary auxiliary bodies, Federation Council, Bundesrat, comparative analysis, public administration, parliamentary procedures, legislative process, digitalization, committee system, parliamentary law.

Введение

Современная система государственной власти в условиях динамично развивающегося мира и усложнения государственных функций не может эффективно функционировать без чётко отлаженной работы вспомогательных структур, которые играют важную роль в обеспечении перманентной деятельности ключевых институтов власти. Данное исследование посвящено сравнительному анализу организационно-правовых моделей вспомогательных органов Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации и Бундесрата Федеративной Республики Германия (Bundesrat der Bundesrepublik Deutschland).

Актуальность сравнительно-правового исследования вспомогательных органов при Совете Федерации Российской Федерации и Бундесрате Федеративной Республики Германия обусловлена не только общей тенденцией усложнения парламентской деятельности в рамках одной романо-германской правовой семьи, но и конкретными институциональными изменениями, произошедшими в российской конституционно-правовой системе в последние годы.

Принятие Федерального закона от 22 декабря 2020 г. № 439-ФЗ «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» завершило формирование нормативной основы статуса Совета Федерации как палаты парламента. В настоящее время можно говорить о накоплении первичного массива правоприменительной практики, что делает актуальным анализ не только формальных полномочий палаты, но и механизмов их практической реализации, включая деятельность вспомогательных органов — комитетов, комиссий, аппарата и консультативных структур.

В этой связи особый интерес представляет обращение к опыту Федеративной Республики Германия, где Бундесрат занимает принципиально иное место в системе органов публичной власти. В отличие от Совета Федерации, Бундесрат не является верхней палатой парламента, а выступает в качестве органа представительства федеральных земель, непосредственно вовлечённого в процесс федерального нормотворчества и административного управления. Данное различие в конституционно-правовом статусе предопределяет и специфику вспомогательных органов Бундесрата, прежде всего его комитетной системы, ориентированной на координацию позиций земель и взаимодействие с федеральным правительством.

Таким образом, целью настоящего исследования является выявление особенностей организации и функционирования вспомогательных органов при Совете Федерации и Бундесрате, а также формулирование конкретных предложений по использованию отдельных элементов гер-

манского опыта в российской практике без механического заимствования и с учётом различий в федеративных моделях. Для достижения указанной цели решаются следующие задачи: раскрыть теоретические подходы к пониманию вспомогательных государственных органов в российской и немецкой доктрине; охарактеризовать систему вспомогательных органов Бундесрата и Совета Федерации; провести их сравнительно-правовое сопоставление; сформулировать предложения по адаптации германского опыта к российским условиям.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составили общенаучные и специально-юридические методы познания. Сравнительно-правовой метод позволил сопоставить организационно-правовые модели вспомогательных органов Совета Федерации и Бундесрата с учётом различий в их конституционно-правовом статусе. Формально-юридический метод применялся при анализе положений Федерального закона от 22 декабря 2020 г. № 439-ФЗ, Основного закона ФРГ и иных нормативных источников. Системно-структурный метод использовался для характеристики внутренней организации комитетской системы обеих палат, а метод обобщения — при формулировании итоговых предложений. Эмпирическую базу исследования составили доктринальные источники российских и немецких правоведов, а также материалы официальной практики деятельности Совета Федерации и Бундесрата.

Результаты исследования

В российской юридической литературе, как демонстрирует в своих трудах профессор С.А. Авакьян, вспомогательные органы трактуются как специализированные подразделения, создаваемые для обеспечения эффективной работы государственно-властных институтов [1]. Их деятельность носит вспомогательный, но при этом крайне значимый характер, поскольку без их участия невозможно полноценное функционирование законодательной и исполнительной власти.

Особенное развитие эта концепция получила в работах А.М. Осавелюка [10], который, анализируя функции вспомогательных государственных органов, приходит к выводу о производном характере их компетенции. По мнению учёного, вспомогательные органы не обладают самостоятельной властной природой, а осуществляют делегированные полномочия в пределах, установленных нормативными правовыми актами. Вместе с тем именно через данные структуры обеспечивается экспертно-аналитическая и организационная поддержка деятельности основных органов государственной власти.

Статус вспомогательного государственно-го аппарата редко регулируется конституционно-правовыми или нормативными актами высокого уровня. Обычно это регулирование

осуществляется подзаконными актами. Даже во внутренних актах палат парламента соответствующее регулирование почти не встречается [4].

В отличие от российской концепции, немецкая правовая мысль, представленная в фундаментальном комментарии Р. Херцога [15], рассматривает вспомогательные структуры Бундесрата как уникальный элемент системы сдержек и противовесов, сочетающий в себе черты как законодательной, так и исполнительной власти. Особый интерес в этом контексте представляет анализ Х.Х. Кляйна [16], в котором детально раскрываются административно-правовые аспекты функционирования вспомогательных органов в германской конституционной системе.

Система вспомогательных органов Бундесрата Федеративной Республики Германия отличается высокой степенью институциональной завершенности и функциональной взаимосвязи с федеральным правительством. Центральное место в данной системе занимают постоянные комитеты Бундесрата (*ständige Ausschüsse*), которые образуются по отраслевому принципу и в целом корреспондируют структуре федеральных министерств [3; 8] (Рис. 1).

В настоящее время в Бундесрате функционирует 16 постоянных комитетов, включая, в частности, Комитет по внутренним делам, Комитет по правовым вопросам, Комитет по финансам, Комитет по вопросам Европейского союза и ряд других. Каждая федеральная земля направляет

своих представителей в каждый комитет, обладая при этом одним голосом, что обеспечивает равенство земель и реализацию принципа федеративного баланса [13; 14].

Существенной особенностью является то, что основная работа по рассмотрению законодательных инициатив осуществляется именно на комитетском уровне. Как отмечается в немецкой доктрине, значительная часть решений Бундесрата фактически формируется до вынесения вопроса на пленарное заседание, что позволяет говорить о феномене комитетного федерализма (*Ausschussföderalismus*) как устойчивой характеристики германской модели [12].

Помимо комитетов, в структуре Бундесрата действует Европейская палата (*Europakammer*), уполномоченная принимать решения от имени Бундесрата по вопросам, требующим оперативного реагирования в сфере права Европейского союза (Рис. 1). Данный орган играет важную роль в обеспечении участия земель в европейской интеграции.

Организационное руководство деятельностью Бундесрата осуществляет Президиум, включающий Президента Бундесрата и двух вице-президентов. При Президиуме функционирует Постоянный консультативный совет (*Der Ständige Beirat*), состоящий из представителей земель при федеральном правительстве, который консультирует по вопросам организации работы и координации позиций земель [5; 11].

Структура вспомогательных органов Бундесрата ФРГ

Рисунок 1. Структура вспомогательных органов Бундесрата Федеративной Республики Германия.

Рисунок 1. Система постоянных комитетов
и вспомогательных органов Бундесрата ФРГ.

Система вспомогательных органов Совета Федерации, закреплённая в Регламенте палаты [17], как показано в исследованиях Е.А. Кравцовой [7], отличается сложной трёхуровневой структурой. Первый уровень представлен Аппаратом Совета Федерации, который обеспечивает организационно-техническое сопровождение деятельности палаты, включая документооборот, координацию работы сотрудников и материально-хозяйственное обеспечение. Второй уровень включает в себя профильные комитеты и комиссии, вы-

полняющие экспертно-аналитические функции. Именно на этом уровне сосредоточена основная законотворческая работа, поскольку комитеты занимаются детальной проработкой законопроектов перед их рассмотрением на пленарных заседаниях [4]. Третий уровень составляют консультативные структуры — научно-экспертные советы и рабочие группы, играющие ключевую роль в подготовке решений, предоставляя законодателям актуальные аналитические данные и рекомендации (Рис. 2).

Рисунок 2. Структура органов Совета Федерации ФС РФ.

В отличие от российской модели, вспомогательные органы Бундесрата, согласно анализу Р. Херцога, характеризуются большей степенью автономии и децентрализации [15]. Секретариат Бундесрата выполняет преимущественно административные функции, в то время как 16 постоянных комитетов обладают значительными полномочиями по самостоятельному принятию решений. Как отмечает Х.Х. Кляйн [16], около 75% решений в Бундесрате принимается именно на комитетском уровне, что отражает принцип «комитетного федерализма», глубоко укоренённый в германской конституционной традиции.

Совет Федерации Российской Федерации, являясь палатой парламента, выполняет преимущественно законодательные и представительские функции, что предопределяет вспомогательный характер его комитетов, комиссий, аппарата и консультативных структур. Эти элементы организационной системы ориентированы главным образом на экспертно-аналитическое и организационно-техническое обеспечение деятельности палаты и не обладают самостоятельной ролью в формировании содержания законодательных решений. В условиях действия Федерального зако-

на от 22 декабря 2020 г. № 439-ФЗ данная модель демонстрирует институциональную завершенность, однако одновременно выявляет признаки избыточной централизации и ограниченного вовлечения вспомогательных структур в процесс предварительной проработки законодательных инициатив.

В свою очередь, Бундесрат Федеративной Республики Германия занимает особое место в системе органов публичной власти, выступая органом представительства федеральных земель и важным элементом механизма федеративного согласования. Это обстоятельство определяет качественно иную роль его вспомогательных органов, прежде всего постоянных комитетов, которые фактически являются ключевым уровнем выработки согласованных позиций земель и предварительного принятия решений. Комитетская система Бундесрата, Европейская палата, Президиум и Постоянный консультативный совет образуют устойчивый институциональный комплекс, обеспечивающий участие субъектов федерации в федеральном управлении и законодательстве (Таблица 1).

Таблица 1. Сравнительная таблица вспомогательных органов
Бундесрата ФРГ и Совета Федерации РФ

Критерий сравнения	Бундесрат (Федеративная Республика Германия)	Совет Федерации (Российская Федерация)
Общая цель вспомогательных органов	Обеспечение согласования позиций федеральных земель, их представительства на федеральном уровне и интеграция в процесс федерального нормотворчества и управления.	Организационно-техническое, экспертно-аналитическое и консультативное обеспечение деятельности палаты парламента.
Ключевые элементы системы	1. Постоянные комитеты (16 комитетов по отраслевому принципу). 2. Европейская палата (Europakammer). 3. Президиум (Präsidium). 4. Постоянный консультативный совет (Ständiger Beirat). 5. Секретариат (административные функции).	1. Аппарат Совета Федерации (организационно-техническое обеспечение). 2. Профильные комитеты и комиссии (законотворческая работа). 3. Консультативные структуры (научно-экспертные советы, рабочие группы).
Специализированный орган для евро-вопросов	Европейская палата (Europakammer) — уполномочена оперативно принимать решения от имени Бундесрата по вопросам права ЕС, обеспечивая участие земель в европейской интеграции.	Отсутствует отдельный постоянно действующий орган, аналогичный Европейской палате. Вопросы международного и межпарламентского сотрудничества курируют профильные комитеты и аппарат.
Выявленные проблемы	Модель оценивается как эффективная и институционально завершённая.	Низкая эффективность: бюрократизация, недостаточная экспертная база комитетов, невысокий процент учёта их рекомендаций (по данным Счётной палаты РФ).
Основной системный принцип	«Комитетный федерализм» (Ausschussföderalismus) — интеграция представителей земель в федеральное управление через работу в комитетах.	Обеспечение деятельности палаты парламента через трёхуровневую систему (аппарат — комитеты — консультативные советы).

Сравнительный анализ показывает, что эффективность германской модели обусловлена не столько формальным объёмом полномочий вспомогательных органов, сколько их функциональной интеграцией в процесс принятия решений и устойчивыми горизонтальными связями между представителями земель. В этом контексте феномен «комитетного федерализма» выступает не просто организационной особенностью, а системообразующим принципом деятельности Бундесрата.

Заключение

Проведённое сравнительно-правовое исследование вспомогательных органов при Совете Федерации Российской Федерации и Бундесрате Федеративной Республики Германия позволяет сделать вывод о том, что особенности их организационного построения и функционального

назначения напрямую обусловлены различиями в конституционно-правовом статусе сопоставляемых органов и моделях федеративного устройства соответствующих государств [10].

Использование германского опыта в российской практике возможно лишь в ограниченном и адаптированном виде. Представляется целесообразным заимствование отдельных институциональных решений, направленных на усиление роли комитетов Совета Федерации в аналитической и согласительной работе, развитие устойчивого взаимодействия с органами государственной власти субъектов Российской Федерации, а также повышение прозрачности и содержательной насыщенности предварительных стадий законотворческого процесса. При этом механическое копирование моделей Бундесрата представляется недопустимым ввиду различий в конституционном строе, политической культуре и механиз-

мах федеративных отношений.

Данный анализ вспомогательных органов при Совете Федерации и Бундесрате позволяет не только выявить специфику функционирования данных институтов, но и сформулировать практико-ориентированные выводы, направленные на совершенствование парламентской деятельности в Российской Федерации. Дальнейшие исследования в данной области могут быть связаны с более детальным анализом правоприменительной практики, а также с оценкой эффективности конкретных организационных механизмов, используемых в деятельности вспомогательных органов парламентов федеративных государств.

Список литературы:

[1] Авакьян С. А. Структура публичной власти в России: проблемы формирования и развития / С. А. Авакьян // Вестник Сибирского юридического института МВД России. — 2018. — № 4 (33). — С. 7-13.

[2] Векшин А. А. Роль научно-экспертных советов комитетов и комиссий Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации в законотворческом процессе: современное состояние и перспективы развития / А. А. Векшин, Е. Ю. Матвеева // Юрислингвистика. — 2007. — № 8. — С. 31-36.

[3] Геймбук Н. Г. К вопросу о полномочиях бундесрата ФРГ / Н. Г. Геймбук // Правовые проблемы укрепления российской государственности / под ред. М. М. Журавлева, А. М. Барнашова, С. С. Кузнецова; Национальный исследовательский Томский государственный университет. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. — Ч. 61. — С. 116-118.

[4] Гоберкорн Д. А. Определение, правовой статус и принципы деятельности вспомогательных (обеспечивающих) органов законодательной власти / Д. А. Гоберкорн // Социально-экономические явления и процессы. — 2016. — № 11. — С. 15-20.

[5] Деханов С. А. Бундестаг и бундесрат ФРГ (историко-правовой анализ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Деханов Сергей Александрович. — М., 1995. — 20 с.

[6] Козлова Е. И. Конституционное право России: учебник для вузов / Е. И. Козлова, О. Е. Кутафин. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Проспект, 2007. — 608 с.

[7] Кравцова Е. А. Вспомогательные и консультативные органы, создаваемые при органах государственной власти субъектов Российской Федерации: сравнительно-правовой анализ / Е. А. Кравцова // Вестник Уфимского юридического института МВД России. — 2019. — № 1. — С. 24-29.

[8] Маркварт Э. Роль немецкого Бундесрата как институционального механизма учёта интересов территорий / Э. Маркварт // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. — 2014. — Т. 7, № 5. — С. 70-77.

[9] Новикова В. И. Деятельность Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: особенности и ключевые проблемы / В. И. Новикова // Огарёв-Online. — 2016. — № 8 (73). — С. 1-10.

[10] Осавелюк А. М. Понятие и правовой статус вспомогательных государственных органов: монография / А. М. Осавелюк. — 2-е изд. — Москва: Лань, 2019. — 212 с.

[11] Паргачева И. П. Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации и Бундесрат Федеративной Республики Германия: сравнительный анализ генезиса, порядка формирования, функций: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Паргачева Инга Петровна. — М., 2006. — 198 с.

[12] Риссе Х. Роль Бундесрата Федеративной Республики Германии в законодательной деятельности / Х. Риссе // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. — 2003. — № 3 (44). — С. 65-67.

[13] Саленко А. В. Федерализм в России и Германии (Сравнительный анализ): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Саленко Александр Владимирович. — СПб., 2002. — 211 с.

[14] Цуциев Г. У. Конституционно-правовой статус немецкого Бундесрата как органа представительства федеральных земель / Г. У. Цуциев // Евразийский юридический журнал. — 2020. — № 8 (147). — С. 44-46.

[15] Herzog R. Grundgesetz-Kommentar / R. Herzog. — München: C.H. Beck, 2018. — 1024 S.

[16] Klein H. H. Parlamentsrecht des Bundestages / H. H. Klein. — Baden-Baden: Nomos, 2017. — 480 S.

[17] О Регламенте Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: Постановление Совета Федерации ФС РФ от 29.01.2020 № 33-СФ (ред. от 27.12.2023) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 6. Ст. 572.

References:

[1] Avakyan S. A. The structure of public authority in Russia: problems of formation and development / S. A. Avakyan // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2018. - No. 4 (33). - P. 7-13.

[2] Vekshin A. A. The role of scientific expert councils of committees and commissions of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation in the legislative process: current state and development prospects / A. A. Vekshin, E. Yu. Matveeva // Jurislinguistics. - 2007. - No. 8. - P. 31-36.

[3] Heimbukh N. G. On the issue of the powers of the Bundesrat of the Federal Republic of Germany / N. G. Heimbukh // Legal problems of strengthening Russian statehood / edited by M. M. Zhuravlev, A. M. Barnashov, S. S. Kuznetsov; National Research Tomsk State University. — Tomsk: Tomsk University Publishing House, 2014. — Part 61. — Pp. 116-118.

[4] Goberkorn, D. A. Definition, Legal Status, and Principles of Operation of Auxiliary (Supporting) Legislative Bodies / D. A. Goberkorn // Socio-Economic Phenomena and Processes. – 2016. – No. 11. – Pp. 15–20.

[5] Dekhanov, S. A. Bundestag and Bundesrat of the FRG (Historical and Legal Analysis): Abstract of Cand. Sci. (Law): 12.00.02 / Dekhanov, Sergey Aleksandrovich. – Moscow, 1995. – 20 p.

[6] Kozlova E. I. Constitutional Law of Russia: a textbook for universities / E. I. Kozlova, O. E. Kutafin. – 4th ed., revised and enlarged. – Moscow: Prospect, 2007. – 608 p.

[7] Kravtsova E. A. Auxiliary and Advisory Bodies Created under Government Bodies of the Subjects of the Russian Federation: a Comparative Legal Analysis / E. A. Kravtsova // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2019. – No. 1. – P. 24–29.

[8] Markwart E. The Role of the German Bundesrat as an Institutional Mechanism for Taking into Account the Interests of Territories / E. Markwart // Problem Analysis and Public Administration Design. – 2014. – Vol. 7, No. 5. – P. 70–77.

[9] Novikova V. I. Activities of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation: Features and Key Issues / V. I. Novikova // Ogarev-Online. - 2016. - No. 8 (73). - Pp. 1-10.

[10] Osavelyuk A. M. Concept and Legal Status of Auxiliary Government Bodies: Monograph / A. M. Osavelyuk. - 2nd ed. - Moscow: Lan, 2019. - 212 p.

[11] Pargacheva I. P. The Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation and the Bundesrat of the Federal Republic of Germany: A Comparative Analysis of Genesis, Formation Procedure, and Functions: Dis. ... Cand. of Political Sciences: 23.00.02 / Pargacheva Inga Petrovna. - Moscow, 2006. - 198 p.

[12] Risse H. The Role of the Bundesrat of the Federal Republic of Germany in Legislative Activity / H. Risse // Constitutional Law: East European Review. - 2003. - No. 3 (44). - P. 65-67.

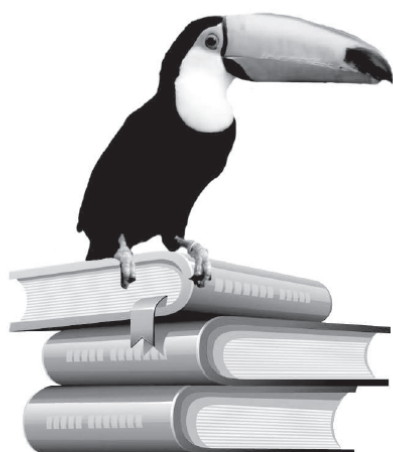
[13] Salenko A. V. Federalism in Russia and Germany (Comparative Analysis): dis. ... Cand. of Law: 12.00.02 / Salenko Aleksandr Vladimirovich. - St. Petersburg, 2002. - 211 p.

[14] Tsutsiev G. U. Constitutional and Legal Status of the German Bundesrat as a Representative Body of the Federal Lands / G. U. Tsutsiev // Eurasian Law Journal. - 2020. - No. 8 (147). - P. 44-46.

[15] Herzog R. Grundgesetz-Kommentar / R. Herzog. – Munich : C.H. Beck, 2018. – 1024 S.

[16] Klein H. H. Parliaments of the Federal Assembly / H. H. Klein. – Baden-Baden : Nomos, 2017. – 480 S.

[17] On the Rules of Procedure of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation: Resolution of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation of 29.01.2020 No. 33-SF (as amended on 27.12.2023) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 6. Art. 572.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.07.2026 г.

DOI: 10.24412/3033-7550-2026-2-71-81

Дата принятия рукописи в печать: 29.07.2026 г.

САНГУЛИЯ Аслан Даурович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры государства и права юридического факультета
Абхазского государственного университета,
Сухум, Республика Абхазия,
e-mail: mail@law-books.ru

КОНЦЕПЦИЯ СИСТЕМЫ ПРАВА ГАБРИЭЛЯ ФЕЛИКСОВИЧА ШЕРШЕНЕВИЧА

Аннотация. Цель статьи – проанализировать, как Г. Ф. Шершеневич интерпретирует систему права сквозь призму правоотношений. Автор показывает, что во второй половине XIX в. стала формироваться социологическая модель системы права: её внутреннее деление (роды, виды, отрасли, институты) опиралось на структуру общественных отношений, подлежащих правовому регулированию. Несмотря на то, что очертания многих отраслей уже просматривались, их доктринальное закрепление ещё не стало обычной практикой. В связи с этим наиболее распространенным структурированием было разделение права на частное и публичное. По мнению Г.Ф. Шершеневича, классификация, основанная на разделении на частное и публичное право, мало дает юридической практике, в том смысле, что, во-первых, она не охватывает всё разнообразие социальных связей и тем самым обедняет юридическую практику и, во-вторых, она не вскрывает специфику юридических механизмов воздействия. Поэтому учёный предложил расширить классификационные основания, поместив рядом со «сферой регулирования» ещё один параметр – «предмет правового регулирования», то есть конкретный тип общественных отношений. Различие предметов предопределяет использование различных методов регулирования, что образует второй самостоятельный критерий систематизации. Взаимосвязь предмета и метода образует каркас правовой системы; их устойчивые сочетания формируют отдельные отрасли, выступающие ключевыми компонентами систематики права.

Ключевые слова: права, правоведение и его теория, правовая методология, система права, частное и публичное право, правосознание, эволюция российской юридической мысли.

SANGULIYA Aslan Daurovich,
Candidate of Law,
Associate Professor of the Department of State and Law,
Faculty of Law Abkhazian State University,
Sukhum, Republic of Abkhazia

THE CONCEPT OF THE LEGAL SYSTEM GABRIEL FELIKSOVICH SHERSHENEVICH

Annotation. The purpose of the article is to analyze how G. F. Shershenevich interprets the legal system through the prism of legal relations. The author shows that in the second half of the 19th century, a sociological model of the legal system began to form: its internal division (genera, types, branches, institutions) was based on the structure of social relations subject to legal regulation. Despite the fact that the outlines of many industries have already been viewed, their doctrinal consolidation has not yet become common practice. In this regard, the most common structuring was the division of law into private and public. According to G.F. Shershenevich, the classification based on the division into private and public law provides little benefit to legal practice, in the sense that, firstly, it does not cover all the diversity of social connections and thus impoverishes legal practice, and, secondly, it does not reveal the specifics of legal mechanisms of influence. Therefore, the scientist proposed to expand the classification bases by placing next to the «sphere of regulation» another parameter – the «subject of legal regulation», that is, a specific type of public relations. The difference in subjects determines the use of different methods of regulation, which forms the second independent criterion of systematization. The interrelation of the subject and method forms the framework of the legal system; their stable combinations form separate branches that act as key components of the legal systematics.

Key words: law, jurisprudence and its theory, legal methodology, legal system, private and public law, legal awareness, evolution of Russian legal thought.

В юридической догматике категории «система права» и «правоотношения» традиционно рассматриваются как ключевые. Первая позволяет выявить объективно сложившуюся иерархию внутренних элементов права, раскрывая его институциональное строение и нормативно-логическую организацию, в которой закрепляются исторически возникшие на её основе юридические связи между субъектами. Отсюда следует, что как сама система права, так и производные от неё правоотношения неизбежно носят исторический характер: их конфигурация определяется совокупностью объективных социально-экономических, культурных и политических факторов, прежде всего конкретным уровнем развития общественных отношений, требующих правового регулирования. Поэтому теоретическое, догматическое осмысление системы права и правоотношений всегда содержит компонент историчности: оно репрезентирует реально функционирующее в конкретном социуме право со всей многослойностью его структуры и механизмов действия. Тем не менее, временная обусловленность права не исключает возможности обнаружения универсальных характеристик. Догматический анализ выявляет повторяющиеся, типичные признаки – формально-юридические, институциональные и процедурные, – которые проявляются в порядке нормативного регулирования и образуют устойчивые закономерности правовой материи. Следовательно, главная задача теории заключается в фиксации именно этих закономерностей, обретающих уникальные, исторически конкретные формы выражения в каждой национальной правовой системе. Как пишут современные теоретики: «Право есть совокупность создаваемых и охраняемых государством норм. Но это не случайное и не хаотичное их нагромождение, не механическая масса, а строго согласованная и взаимозависимая целостная система, в которой нормы выстраиваются, группируются в определенном порядке. Перед нами – сложное системное иерархическое образование, пронизываемое процессами интеграции и дифференциации. В любом типе права между конкретными его нормами всегда присутствуют элементы общего и единичного, сходства и отличия, самостоятельности и зависимости» [8, с.150]. Это означает, что нормы права формируются в группы, составляя виды, отрасли права, правовые институты, в соответствии с предметом регулирования, методами регулирования общественных отношений.

Теоретическая аргументация системности права обладает существенным практическим весом: она позволяет раскрыть присущую ему внутреннюю целостность, дает юристу возможность не просто проникнуть в глубинную природу нормы, но и постичь механизм правового регулирования, выявить корреляцию между нормативной материей и социальными процессами, грамотно решить коллизионные вопросы применения пра-

вовых предписаний, выстроить действенные гарантии их реализации и т. д. Подобный комплекс задач не под силу сугубо отраслевому исследованию, поскольку для его успешного выполнения необходим целостный, интегративный взгляд на право как на единую, хотя и внутренне дифференцированную, систему. Эта проблематика традиционно рассматривается в русле общей теории права, а результат во многом детерминирован исходными общетеоретическими установками, избранным правопониманием автора и той методологической оптикой, которой он пользуется. Прежде чем анализировать трактовку системы права и правоотношений у Г. Ф. Шершеневича, целесообразно очертить ключевые парадигмы, сложившиеся в отечественной юриспруденции конца XIX – начала XX столетия, в атмосфере которых формировались его концептуальные ориентиры.

Уже в первой половине XIX века в отечественной юриспруденции оформилось представление о системе права как о социально структурированном явлении: право делится на роды, виды, отрасли и институты в зависимости от тех общественных отношений, которые подлежат юридическому регулированию. Согласно Н.К. Ранненкампу, «совокупность права в его формах и осуществлении представляет многообразные роды и виды, находящиеся во взаимной связи и составляющие одну общую систему. Наиболее верным и прочным основанием разделения права на части и отрасли служат отношения человеческой общественной жизни, из которых образуется само право. Все многообразные и разнообразные отношения, подлежащие юридическим определениям, представляют три главные рода: отношения частные, государственные и межгосударственные; сообразно с этим и нормы права, определяющие эти отношения, разделяются на три главные области: на право частное, право государственное в обширном смысле или право публичное и право межгосударственное» [12, с.212].

Такая дифференциация права Ранненкампом исключает разделение его на отрасли. Такой подход во многом объяснялся исторической обстановкой: социальные связи еще не достигли той глубины и многообразия, которые характерны для современного российского общества, поэтому потребность в детальной отраслевой классификации не ощущалась. Хотя законодательный массив уже включал нормы уголовного, гражданского, торгового и семейного права, а международно-правовые отношения развивались весьма энергично, регулирование этих сфер не вызывало методологических затруднений. Во многом это связано с аграрной, патриархальной структурой русской деревни начала XIX столетия, где помещик совмещал функции законодателя, администратора и судьи, а потому специализированные отрасли казались излишними. В тех условиях наиболее очевидным оставалось фундаментальное

деление на публичное и частное право, поскольку оно отражало кардинальные различия в предметах регулирования и методах правового воздействия. Лишь последующее усложнение производственных отношений, рост международной торговли и эволюция государственного управления создали предпосылки для более дробной, отраслевой системы, знакомой нам сегодня.

Не стоит думать, будто подобная картина наблюдалась лишь в пределах Российской империи, которую нередко представляют в историографии как «отставшую» от Западной Европы. В западноевропейской доктрине над той же проблемой классификации права раздумывали многие учёные, среди которых особенно выделяются А. Тибо (1772–1840), Г. Пухта (1797–1846) и Г. Аренс (1808–1884). Тибо предлагал строить систему на основании предмета правового регулирования. Он разграничивал нормы на государственные, управленческие и частные, дополняя их отдельной категорией межгосударственных законов, то есть норм международного общения [13]. Пухта, напротив, исходил из «качества союза»: правовые институты, по его мнению, должны отражать статус личности внутри семейного, народного и церковного коллективов, формируя соответствующие отрасли [11]. Аренс же выводил деление из «цели человеческой жизни» [2]. Отсюда возникала фундаментальная дихотомия частного и публичного права, причём последнее дробилось им на государственное и международное, что подчёркивало различие интересов внутренней власти и внешних отношений.

Следовательно, можно констатировать, что разработанная Н.К. Ранненкампом доктринальная схема системы права воспринималась правоведческим сообществом как во многом общепризнанная и адекватно отражающая научные представления той эпохи. Специфический акцент учёного на социальной обусловленности нормативного материала выступал характерной чертой его версии, хотя идея общественного базиса права так или иначе присутствовала и в трудах его современников-теоретиков. Указанная социально-правовая перспектива получила заметное распространение в дореволюционной российской юриспруденции. Однако уже во второй половине XIX в. на передний план выходит юридический позитивизм: признавая социокультурную природу права, он переносит исследовательский фокус на собственно юридическую форму и нормативную конструкцию как на самостоятельную и достаточную предметную сферу правоведения. Одним из первых представителей данного направления в России считается М.Н. Капустин, усматривавший в сочетании догматического анализа с принципом историзма подлинно научный метод, обеспечивающий получение объективного, интересубъективно значимого знания о правовой реальности. При анализе внутреннего строения права наука опирается на два базовых

методологических критерия. Первый выводит дифференциацию из качественного своеобразия общественных отношений, опосредованных правовыми нормами. Второй исходит из предмета регулирования совокупностей норм, т.е. из наличия обособленных нормативных массивов. Перечисленные критерии легли в основу альтернативных концепций системы права; их выбор детерминирован господствующим у теоретика типом правопонимания. Соответственно, позитивистская школа склоняется к предметно-регулятивному способу классификации, фиксирующему наличие устойчивых групп норм, разграниченных по объекту регулирования.

Именно такой концептуальный ракурс был сформулирован М. Н. Капустиным. Согласно его позиции, «отношения, вытекающие из прав и однородных с ними обязанностей, суть юридические отношения» [16, с. 126]. Юридическая практика иллюстрирует, что их возникновение обусловлено наличием конкретных юридических фактов; они формируются по поводу определённого объекта, составляющего их предмет; характер части из них определяется соотношением возможности и обязанности совершения действия; иные строятся на базе отчуждаемых либо неотчуждаемых, делимых либо неделимых прав. В итоге одни правоотношения коренятся в сфере частного, другие — в публичного (государственного) права.

Мысль М.Н. Капустина состоит в том, чтобы показать внутреннюю дифференцированность права, его структурность в соответствии с указанными критериями. По его концепции право подразделяется на абсолютное и относительное, имущественное и личное, безусловное и условное, отчуждаемое и неотчуждаемое, делимое и неделимое, а также на частноправовые и публично-властные конструкции. Однако наибольшую эвристическую ценность в рамках разработанной им догматической школы приобретает предложенная учёным институциональная модель права. Исходя из того, что институт следует понимать как совокупность норм, однородных по предмету регулирования, исследователь распределяет правовую материю на институты частного, публичного, международного и канонического (церковного) права. Примечательно то, что теоретик выводит понятие института не из норм права, а из отношений, которые возникают в результате действия норм. Он пишет: «Юридические отношения, возникающие и существующие между лицами, при всем их многообразии, могут быть подведены под определенные типические формы. В каждой из них объективная норма в связи с определенными субъективными правами служит основанием для вывода юридического понятия. Такие типические виды отношений, понимаемые исключительно в их юридической стороне, называются юридическими институтами» [6, с.214].

Нельзя обойти вниманием гражданско-правовую доктрину С. А. Муромцева, с именем которо-

го традиционно связывают зарождение на отечественной почве социологического направления в юриспруденции и формирование новой парадигмы правопонимания. Наибольшим же достижением учёного, несомненно, стало обоснование методологических и концептуальных предпосылок систематизации законодательства. Его программный труд «Понятие и основное разделение права», опубликованный в 1879 году, оказал серьёзное воздействие как на дальнейшее развитие теории гражданского права, так и на выработку исследовательского инструментария и практическое решение кодификационных проблем. При этом Муромцев не вышел за пределы господствующих в тот исторический период представлений о правовой системе, основанной на дихотомии частноправовых и публично-правовых институтов, и потому кардинально новую модель систематизации он всё-таки не предложил.

В этом контексте следует вновь подчеркнуть, что указанная классификация была предопределена конкретным состоянием юридической науки и практики той эпохи. Одновременно в постреформенной России, где судебная власть стала весомым фактором правопорядка, правовые институты заметно ускорили своё развитие и достаточно быстро оформились в самостоятельные отрасли права. Сам термин «отрасль права» уже функционировал в научной речи, однако ещё оставался методологически расплывчатым, применяясь к разнородным явлениям правовой реальности. Особое значение при этом имело теоретическое осмысление соотношения частного и публичного начала, а также поиск объективного критерия их расчленения как взаимодополняющих компонентов единой правовой системы.

Так, согласно С.А. Муромцеву, «Дошедшее к нам от римлян, в качестве основного разделения, разделение права на гражданское и публичное обладает достоинством естественной классификации. Это разделение связано непосредственно с тем разделением (власть и частные лица), которое вызывается в обществе фактом организованной (юридической) защиты отношений. Инициатива защиты в гражданско-правовом порядке принадлежит частному лицу, субъекту защищенных отношений... Напротив, в публично-правовом порядке защита ведется самостоятельностью органов власти... Гражданское правосудие построено на принципе разрешения тяжбы органом, посторонним для тяжущихся; этот принцип не применим к правосудию публичному» [9, с.200-201]. Параллельно существует точка зрения, согласно которой в структуру системы права следует различать уголовное, административное, семейное и ряд иных отраслей. Муромцев квалифицирует эти массивы правовых норм как дискуссионные: он доказывает, что уголовное и семейное право по своим юридико-структурным характеристикам отвечают признакам либо частного, либо публичного права. Дополнительно учёный выделяет по-

граничные нормативные комплексы смешанного характера, сочетающие элементы обеих сфер, что осложняет их однозначную классификацию и придаёт им статус переходных образований.

Следовательно, С. А. Муромцев, оставаясь приверженцем классической доктрины, утверждает, что фундаментальной основой системы права остаётся дихотомия частного и публичного права. При этом, подчёркивает он, указанные сферы не обособлены герметично: между ними существует постоянное взаимодействие и взаимопроникновение. Так, семейное право, первоначально рассматривавшееся как исключительно частное, со временем обретает ярко выраженные публично-правовые черты; аналогично, за нарушение ряда диспозитивных норм гражданского права законодатель может устанавливать уголовно-правовые санкции. Стало быть, появление новых блоков правового регулирования лишь отражает поступательное развитие правопорядка, но никоим образом не подменяет базовых категорий «частное право» и «публичное право».

Подобная дихотомия признаётся и современной юриспруденцией, но ныне она дополняется указанием на конкретные отрасли права. Рассматривая систему права, мы исходим из того, что совокупность юридических норм, регулирующих общественные отношения, группируется прежде всего по сфере правового воздействия. Классический пример – разграничение публичного и частного права, каждое из которых обслуживает качественно различные сегменты социальной жизни. Однако практика показывает, что такое деление демонстрирует ограниченную полезность: во-первых, оно не охватывает всю палитру общественных отношений, не раскрывает их нюансировки и многообразия; во-вторых, оно не передаёт особенностей самого механизма правового регулирования. Поэтому впоследствии в набор классификационных критериев ввели не только сферу регулирования, но и её более узкий элемент – предмет правового регулирования. А предмет закономерно влечёт за собой различные способы (методы) правового воздействия, образующие самостоятельный критерий типологизации. В совокупности предмет и метод, лежащие в основе правовой систематики, отражают внутреннюю архитектуру системы права, из которой логично проистекают её структурные элементы – отрасли права, формирующие ядро всей правовой материи.

Тем не менее, подобное формулирование вопроса стало актуальным лишь значительно позднее. В конце XIX – начале XX столетия, даже при наличии уже оформившихся и местами кодифицированных отраслей права, о чём свидетельствовал теоретический дискурс того времени, эти отрасли обычно не рассматривались составной частью правовой системы: в неё включали лишь более обширные нормативные массивы – частное и публичное, а порой и международное право.

Н. М. Коркунов, чья социологическая концепция права выступает как своеобразная реформа архаичных моделей правопонимания и эпистемологических методик исследования юриспруденции, в целом сохраняет верность традиционной парадигме постановки вопроса о системности права. При этом в пределах рассмотрения данной проблемы он акцентирует внимание на методах юридической классификации, разграничении частноправовых и публичноправовых институтов, а также на корректной атрибуции соответствующих массивов норм. Особого интереса заслуживает предпринятый им разбор содержательных и формальных критериев классификации. Теоретик пишет: «Юридические отношения весьма разнообразны. Подробное изучение отдельных групп их составляет задачу специальных юридических наук. Но и общее учение о праве не может обойтись без объяснения, по крайней мере, самых характерных, самых основных особенностей отдельных прав. Для этого необходимо, конечно, установить общую классификацию правовых отношений. Основным делением права почти всеми признается деление права на частное и публичное. Но относительно того, в чем основание этого различия, до сих пор нет согласия между юристами» [7, с.165].

Уже римские юристы выделяли дуализм права, исходя из содержания регулируемых связей: Ульпиан пояснял, что частноправовые отношения проистекают из преобладания частного интереса участников, тогда как публично-правовые основаны на общем, коллективном интересе. В рамках такого материального критерия весомым остаётся взгляд Ф.-К. Пухты: назначение первой группы норм — обслуживание потребностей индивида, тогда как вторая группа служит благу социума. Однако Н. М. Коркунов счёл данную схему неполной, подчёркивая, что социальные связи становятся юридическими не по своему содержанию, а благодаря юридической форме. Отсюда формальный критерий, также популярный в дореволюционном правоведении: субъект может выступать либо как частное лицо, либо как член публичного сообщества; защита же нарушенного права осуществляется либо по его собственной инициативе, либо по импульсу государства, действующего от имени коллектива.

Предложенный Н.М. Коркуновым критерий дифференциации частного и публично-го права основан на концепции разграничения интересов; при этом в сферах частноправовых и публично-правовых отношений способы их защиты принципиально различаются. Поясняя свою позицию, он пишет: «Свобода распоряжения предоставленной данному лицу частью поделенного объекта приводит к тому, что и защита права на этот объект становится в большинстве случаев в зависимость от заинтересованного лица. Напротив, нарушение установленного правом приспособления объекта к совместному пользо-

ванию затрагивает интересы всех участвующих в пользовании и потому требует мер охраны права, независимых от чьего-либо индивидуального усмотрения» [7, с.182].

Несомненно, специфика решения обозначенной проблемы во многом предопределяется тем, какое правопонимание мы избираем в качестве методологической отправной точки. Так, психологический подход к праву формирует принципиально отличную модель правовой системы, в которой исчезает привычная её дифференциация на частноправовую и публичноправовую сектора. По мысли Л. И. Петражицкого, более корректно разграничивать право по критерию способа его генезиса, выделяя интуитивные и публичные правовые образования. Кроме того, трактовка права как императивно-атрибутивной эмоции автоматически расширяет его предметные границы: сюда включаются не столько законодательные нормы, сколько регулятивы поведения — правила игры, этикета и иные социокультурные предписания, вызывающие аналогичные эмоциональные реакции. Ученый пишет: «Деление права на интуитивное и позитивное и соответственные видовые понятия теснейшим образом связаны с установленным выше широким родовым понятием права, обнимающим собою несоизмеримо больше, чем право в смысле юридического словопотребления, в частности включающими в себя императивно-атрибутивные переживания, которые чужды представлений каких бы то ни было авторитетно-нормативных фактов: законов, обычаев и т. д. и независимы от них» [10, с.468].

Следовательно, суммируя доктринальные взгляды на правовую систему рубежа XIX–XX столетий, можно выделить интегральный комплекс характерных для неё структурных и функциональных признаков.

Прежде всего, типология правовой системы традиционно опиралась на осознание неоднородности социальных отношений, регулирование которых формирует внутреннюю архитектуру права, выраженную в относительно автономных нормативных блоках, разграничиваемых на публично-правовую и частноправовую секторы.

Во-вторых, отправной точкой классификации и структурирования права как целостной системы выступает установление круга правового регулирования, адресованного либо конкретному индивиду, либо коллективному обществу.

В-третьих, дифференциация правовой системы на частноправовую и публично-правовую сегменты базируется одновременно на содержательном и формальном критериях: формальный связывает правовую норму с субъектом — конкретным индивидом либо государством как организацией общества, тогда как содержательный соотносит норму с преобладающим интересом или конечной целью — частной, персональной или, напротив, общественной, публичной.

В-четвёртых, хотя на начальном этапе соци-

ологическая юриспруденция лишь внешне следовала традиционной дихотомии частного и публичного права, её включение в анализ источников права многообразных социальных детерминант и нормативных коррелятов заложило прочную основу для дальнейшего углубления и расширения господствующей тогда концепции системы права.

Следует отметить и иной факт: в рассматриваемый временной отрезок в отечественной общей теории права, представленной, прежде всего энциклопедией права, утвердилась концептуальная парадигма трактовки дифференциации права, его классификационных и типологических схем, которая вступала в очевидное противоречие с подлинной юридической практикой и актуальной российской нормативной системой. Последняя уже тогда включала детально регламентированные отрасли законодательства, далеко не всегда адекватно репрезентированные в доктрине. При этом накопился значительный корпус узкоотраслевых работ, прежде всего по гражданскому праву, обусловленных эволюцией имущественных и обязательственных отношений, однако их материалы так и не были интегрированы в надотраслевые обобщения общей теории права.

Рассматривая подход Г. Ф. Шершеневича к решению обозначенной проблемы, прежде всего, важно подчеркнуть, что именно он одним из первых в отечественной юриспруденции вывел категорию «система права» в разряд ключевых понятий общей теории права. При этом учёный значительно обогатил и отраслевые изыскания: его основополагающие труды по гражданскому праву придали особую глубину и стройность его общетеоретическим воззрениям на правовую систему в целом. Важен и его весомый вклад в сферу кодификации частноправовых отношений: Шершеневич не только разрабатывал конкретные проекты кодификационных актов, но и сформулировал целостную методологию их подготовки, структурирования и практического внедрения.

В своей работе «Общая теория права» Г.Ф. Шершеневич отнюдь не случайно выводит проблему системы права в самостоятельную плоскость анализа, посвятив ей специальную главу. Прежде всего, целесообразно отметить два обстоятельства, без которых последующее осмысление его догматики было бы неполным. Во-первых, теоретические построения учёного опираются на синтез наиболее авторитетных методологических позиций конца XIX – начала XX столетия. Это не только подчёркивает фундаментальный характер предпринятого исследования, но и фиксирует чёткие историко-правовые координаты, в которых формулируется и решается поставленный вопрос. Во-вторых, предметом рефлексии становится не отвлечённая догматика, а правоприменительная практика: осмысляя её, Шершеневич выявляет границы традиционных доктрин и предлагает собственную модель систематизации

норм. Нельзя обойти вниманием и ранее сформировавшиеся взгляды юриста на методiku классификации гражданско-правовых институтов. Эти идеи берут начало в период подготовки его докторской диссертации и последующих работ по гражданскому праву. Именно здесь он обкатывает инструментарий, который позднее будет перенесён в общетеоретическую плоскость. В исследованиях современников акцентируется вклад Шершеневича в конструирование внутренней архитектоники гражданского права: достаточно вспомнить его разработку вопросов авторского права – тематики, сохраняющей доктринальную и практическую актуальность в цифровую эпоху. Наконец, существенным остаётся участие учёного в проработке проблем кодификации. Изучая законодательство стран Западной Европы, Шершеневич систематизировал сравнительно-правовой материал, что позволило ему выработать критерии рациональной кодификационной политики и продемонстрировать связь между упорядочением законодательства и эффективностью правового регулирования. Таким образом, обращение Шершеневича к проблеме системы права выступает логическим продолжением его многолетних изысканий в области систематизации и кодификации, а также свидетельством стремления придать правоведению строгие научно-теоретические основания. Нельзя не согласиться с положением, имеющим значение для понимания теоретиком системы права, с тем, что «Правоведом сформулирован один из принципов проведения кодификации – своевременность, от которого зависит эффективность ее проведения; установлены факторы, влияющие на развитие кодификационных работ; обозначена специфика юридических явлений, подлежащих исследованию; даны определения; изложены концептуальные обоснования при решении отдельных проблем кодификации» [4, с.19].

То есть при рассмотрении способа решения Г.Ф. Шершеневичем проблемы определения системы права, внутренних закономерностей структурирования права, формирования сфер правового регулирования, отраслей права, следует учитывать весь комплекс представлений теоретика, которые нашли концентрированное выражение в его «Общей теории права». Ключевое значение имеют сформулированные им принципы разделения частного и публичного права, концепции системности, особенно в гражданском праве, подходы к разграничению и характеристике отраслей, например уголовного и гражданского, к их кодификационной упорядоченности и функциональной взаимосвязи нормативных блоков.

К методологическим и теоретическим первоисточникам, на которые опирался Г. Ф. Шершеневич, относились разработки тогдашних признанных в отечественной юриспруденции немецких и французских учёных – Г. Еллинека [3], Э. Шеппа [22], М. Хауриу [20] – а также труды видных рос-

сийских правоведов Л. И. Петражицкого и Н. М. Коркунова, отражающие их взгляды на структуру права и содержащие компаративистский анализ ключевых правовых институтов, а также идеи одного из пионеров русской гражданско-правовой науки К. Д. Кавелина [5].

Решая вопрос о построении системы права, Г. Ф. Шершеневич исходит из объективной необходимости расчленить право, чьи нормы образуют единый нормативный строй. Эта необходимость проявляется в теоретической, педагогической и практической плоскостях. С позиций теории деление обусловлено неоднородностью самих предписаний, коренящейся в разнородности регулируемых социально-правовых отношений. В дидактическом плане невозможно обучать правоведов через призму нерасчленённого массива правил: из-за объёма и сложности материала его следует классифицировать, выстраивая методически выверенный курс. Наконец, прикладная сторона проблемы сводится к точному определению подведомственности и компетенции юрисдикционных органов, без чего правоприменительная деятельность была бы хаотичной.

Ключевой же проблемой остаётся вопрос о том, каким именно способом надлежит осуществлять указанное разграничение отраслей. Исходя из того методологического фона, который задают рассмотренные ранее концепции структуры права, Г. Ф. Шершеневич подчёркивает их произвольность: выбор исходного критерия почти всегда детерминирует особенности конкретной научной позиции. По его мнению, необходим объективный критерий, которым является совокупность норм, составляющих право, в них следует искать границу, отделяющую один вид права от другого. Теоретик пишет: «Прежде всего, для удачной классификации необходима правильная постановка задачи. Чего мы хотим достичь делением права на публичное и частное? Это деление есть факт и научная задача состоит в том, чтобы описать этот факт и объяснить его. Требуется указание, где в современном праве проходит граница между публичным и частным правом, предполагая бесспорным само существование этого разделения. Между тем в литературе вопрос ставится совершенно иначе. Речь идет не о том, где проходит граница, а где ее нужно провести» [18, с.516]. В данном контексте теоретик обращается к критике двух основных подходов, утвердившихся в правоведении, абсолютизовавших в разделении права, с одной стороны, материальный момент, с другой – формальный. Учёный подчёркивает, что при попытке разграничить частное и публичное право по материальному критерию – то есть исходя из содержания охраняемого интереса – возникает серьёзная проблема: один и тот же объект защиты нередко обладает одновременно частноправовой и публично-правовой природой, что превращает требуемую линию демаркации в расплывчатую. Именно эта обстоятельство

вынуждает обращаться к формальному признаку, концентрирующему внимание не на том, что защищается, а на том, каким процессуальным механизмом обеспечивается охрана. Оценивая формальный подход, Шершеневич приписывает ему большую методологическую убедительность, поскольку он, по замыслу, базируется на юридической догматике. Однако реализовать данный замысел полностью не удаётся: ряд правонарушений оказывается одновременно «под юрисдикцией» обеих сфер, так как применяется идентичный способ правовой защиты. Классические примеры – клевета, супружеская кража, хищение детьми имущества родителей, оскорбление личности, процедуры несостоятельности и т. п.

Категории публичного и частного права восходят к древнеримской юриспруденции: именно префект Ульпиан первым провёл фундаментальное деление нормативного массива на *ius publicum* и *ius privatum*, тем самым очертив границы императивного государственного воздействия и сферы автономии частных лиц. В рамки *ius privatum* он включил три ключевых блока: естественное право (*jus naturae*), право народов (*jus gentium*) и собственно гражданское право (*jus civile*). Разграничение Ульпиан сформулировал предельно ясно: одна часть норм служит интересам государства и *res publica*, а другая предназначена «для пользы отдельных лиц». Однако лаконичная и функциональная схема античного мыслителя со временем перестала удовлетворять потребности усложняющегося общества. Эволюция социальных связей, усложнение юридической техники и новая методология правопонимания вынудили уточнять исходные критерии. Особенно остро данное противоречие проявилось в период буржуазных революций и национальных кодификаций XIX в., когда требовалось обосновать пределы вмешательства суверенной власти в рынок и частную автономию. Современная теория стремится соотнести онтологию права с природой правоотношений и субъективных прав, выдвигая на первый план вопрос о правосубъектности индивида: является ли человек носителем права в силу самой человеческой природы или же этот статус конструируется лишь позитивным законом? На этот ключевой вопрос школа естественного права и нормативный позитивизм традиционно дают диаметрально противоположные ответы, что обуславливает их различное видение соотношения публичного и частного начал в правовой системе.

Помимо уже обозначенных аспектов, исследование сущности частноправовых и публично-правовых институтов имеет ещё один ракурс: оно связано с толкованием регулирующей функции государства в отношении гражданского общества. Если рассматривать публичное право как область, где безусловно преобладает долг над субъективным правом, то перед нами консервативная доктрина. Напротив, понимание публичного права как сферы паритетной ответственности государ-

ства и социума отражает либеральный дискурс.

Неудивительно, что в юридической мысли России начала XX столетия указанная проблема не просто энергично обсуждалась, но и занимала центральное место среди ключевых вопросов теории права. Во-первых, повышенный интерес был обусловлен необходимостью разработки концепции политики права, основанной на нормативно-идеальных ценностях и чётком целеполагании. Во-вторых, значительную роль играла стремительно модернизирующаяся сфера гражданского законодательства. В-третьих, ситуацию определяла конкуренция разнообразных моделей правопонимания, насыщавших зарождавшуюся метадисциплину – общую теорию права.

В рамках всестороннего критического анализа, проводимого Г. Ф. Шершеневичем относительно классификации права на частное и публичное, особое внимание заслуживает его полемика с последователями школы естественного права, которые, исходя из собственных догматических постулатов, допускали существование субъективного публичного права. Ученый пишет: «Рассматривая сущность субъективного права, мы все время имели в виду частноправовые отношения, так как предполагали, что в публично-правовом отношении этого элемента не существует. Школа естественного права возвела требование свободы для индивида в утверждение существования неотъемлемых индивидуальных прав. После долгого отрицательного отношения к естественным правам человека в сфере публично-правовой... вновь создалось убеждение...» [18, с.615, 161] в том, что существует и субъективное право в публично-правовой сфере. Так, особое влияние на российское правоведение того времени оказывала позиция немецкого теоретика Г. Еллинека, полагавшего что обладание государством властью делает его и обладателем субъективных прав, имеющих не частноправовой, а публично-правовой характер [3]. Некоторые российские последователи школы естественного права отождествляли субъективные права государства с его возможностью выступать в качестве субъекта частноправовых отношений, в которых оно наделяется правами такого рода. При этом объем таких прав может исторически изменяться, в зависимости от политического режима и той роли, которую играют в праве субъективные права. Так, согласно Е. Трубецкому, «из самого существа публичного права вытекает, что субъектами всякого публичного правомочия являются непременно два лица – тот или другой индивидуальный носитель правомочия и то социальное целое, в права коего облекается индивид. В каждом публичном правомочии субъектом непременно является, во-первых, та или иная общественная группа, а, во-вторых, индивид...» [14, с.207], обладающий соответствующими правами публично-правового характера. Такая особенность и является свойством публичного права.

Подход школы естественного права сводился к постулированию субъективных публично-правовых притязаний индивида. Эти притязания рассматривались как неотчуждаемые, приращённые права, коренящиеся в самом «естественном праве». Либеральная ориентация доктрины подчёркивала верховенство субъективного права, ограничивая вмешательство государства в частную сферу жизнедеятельности граждан.

Концепция Г. Ф. Шершеневича принципиально иная. Учёный категорически отвергает идею, будто государство способно обладать субъективным правом. По его мнению, «субъективное право есть власть, обеспеченная и ограниченная объективным правом, и этим оно отличается от власти, которую приобретает человек вне права, благодаря своим физическим и нравственным силам. Между тем субъективное право государства было бы властью, не обеспеченной и не ограниченной объективным правом, так как государство не может себе обеспечить большей силы, чем какую оно имеет фактически, а также не может юридически себя ограничить в осуществлении своих интересов» [16, с.617]. Поэтому он обращается к анализу правомочий частных лиц, адресованных государству, и демонстрирует, что и здесь нельзя механически переносить традиционные гражданско-правовые схемы. Подчёркивая ошибочность подобного подхода, Шершеневич критикует попытки некоторых авторов вывести избирательное право в разряд субъективных прав гражданина. С его точки зрения, участие в выборах представляет собой преимущественно публичную обязанность перед политическим организмом, а не индивидуальное притязание. Возможность голосовать учреждена не ради удовлетворения личных интересов избирателя, а для обеспечения блага политического коллектива в целом; следовательно, реализуя данное «право», субъект руководствуется общественным, а не эгоистическим мотивом.

Хотя аргументация Г. Ф. Шершеневича ныне воспринимается не во всём убедительной, его учение о корреляции частного и публичного права остаётся значимым. Эта конструкция образует ядро выработанной им теории субъективного права. Главная же историческая ценность подхода юриста заключается в том, что он сумел строго и последовательно применить формально-догматический метод при решении указанной проблемы, тем самым заложив методологическую основу для последующей российской юриспруденции, ориентированной на нормативистское понимание права.

Несмотря на то, что аргументы Г. Ф. Шершеневича не всегда убедительны в контексте современных представлений, следует отметить значение его концепции соотношения частного и публичного права, которая является частью его учения о праве в субъективном смысле. По мнению автора, историческое значение представлений этого теоретика о частном и публичном праве состоит в

удавшейся попытке последовательного проведения формально-догматического подхода к проблеме, в известной степени явившегося предшественником современной российской правовой доктрины, с ее акцентом на нормативизм.

Общеизвестно, что сразу после Октябрьского переворота при формировании нормативной базы для молодой РСФСР официальная доктрина категорически отрицала существование частного права, квалифицируя его как сугубо буржуазную конструкцию. В.И. Ленин особенно резко отзывался о попытках включить в первый советский Гражданский кодекс классово-чуждые институты частноправового характера. Тем не менее даже тогда нашлись юристы, настаивавшие на деполитизации вопроса. К ним принадлежал М.М. Агарков, трактовавший публичное право как сферу власти и субординации, а частное — как пространство автономии личности и частной инициативы [1]. Подобная аргументация вступала в заметный диссонанс с господствующим идеологическим канонам, поэтому статья ученого была переиздана лишь в 1992 г., уже после крушения советской системы. Показательно, что взгляды Агаркова практически дословно совпадали с концепцией Г.Ф. Шершеневича; последний, хотя и заявлял строгий юридический позитивизм, в этом вопросе не смог полностью абстрагироваться от собственных политических убеждений, что нередко связывают с его работой депутатом I Государственной думы от кадетской фракции.

Тем не менее, обличительная позиция Г. Ф. Шершеневича в отношении господствовавших в его эпоху концепций построения системы права затрагивает указанный вопрос лишь постольку, поскольку служит демонстрацией решающего значения правопонимания для устранения названной коллизии. Опираясь формально-догматическим инструментарием, автор, однако, не считает невозможным включение в исследовательскую оптику и альтернативных эвристических установок. Так, он обращается к феномену общественного сознания, где преломляется фактически сложившаяся конфигурация права, нормы которого разложены по полюсам частного и публичного регулирования. Подобный ход свидетельствует о введении в концептуальный аппарат социологического принципа, выраженного ссылкой на социальный, а не нормативный источник структурирования. Правовая норма представляется производным образованием, воспроизводящим объективно сформированную и ментально зафиксированную архитектуру совокупности общественных отношений, подпадающих под правовое регламентирование. Специфика же частных и публичных связей предопределяет различные способы их юридического воздействия; именно единство предмета и метода выступает критерием дихотомии частного и публичного права. Тем самым Шершеневич демонстрирует интегративный, междисциплинарный подход,

соединяющий догматический анализ с эмпирическим изучением правовых явлений.

Эта позиция во многом корреспондирует с доктринальными установками современной юридической науки по рассматриваемому вопросу, подробно изложенными выше. У Г. Ф. Шершеневича она ещё не оформилась в целостную системно-теоретическую конструкцию, однако органически вытекает из его критического анализа доминирующих парадигм, право-философских аргументов и методики постановки проблемы. Так, подытоживая свои воззрения по этому вопросу, он пишет: «...Противоположение частного и общественного не может быть игнорируемо правом, нормирующему жизнь и этому чрезвычайно важному бытовому явлению соответствует основное разделение объективного права на гражданское и публичное. Оно основано на наблюдении выдающегося явления и потому само полно теоретического и практического значения. С точки зрения указанного противоположения, частное или гражданское право может быть определено по материальному моменту как совокупность норм права, регулирующих частные отношения в государстве, а публичное право — как совокупность норм права, регулирующих общественные отношения в государстве» [18, с.535].

Воссоздавая доктрину Г. Ф. Шершеневича, можно сформулировать ряд критериев разграничения частноправовой и публичноправовой сфер, вытекающих из различий механизмов нормативного регулирования и специфики соответствующих общественных отношений.

Прежде всего, в частноправовой сфере инициатива защиты принадлежит самому заинтересованному субъекту, тогда как в публичном праве преследование начинается уполномоченный должностной орган.

Во-вторых, если защита частноправовых интересов преимущественно осуществляется в гражданском процессе, то публично-правовые отношения, как правило, рассматриваются административным или уголовным судом.

В-третьих, если защита субъективных гражданских прав строится на состязательном принципе, то охрана публично-правовых интересов базируется на следственно-инквизиционном принципе.

В-четвёртых, если частноправовые нормы, как правило, предоставляют участнику широкую свободу усмотрения при распоряжении принадлежащими ему правомочиями, включая их уступку другому лицу, то публично-правовые нормы, напротив, ориентированы на возложение императивных обязанностей и, следовательно, не допускают свободной передачи таких полномочий.

В-пятых, частноправовая сфера обычно базируется на принципе автономии воли сторон, что позволяет им самостоятельно урегулировать споры и формировать взаимные обязательства, тогда как публичное право, напротив, опирается преи-

мущественно на императивные, принудительные предписания.

Концепция Г.Ф. Шершеневича предстает как компромиссно-синтетическая конструкция, соединяющая в себе содержательный и формально-догматический векторы анализа, стремящаяся тем самым преодолеть жесткую дихотомию, характерную для классических школ права. Исходя из социального генезиса права, выраженно-го в системе общественных отношений, ученый утверждает, что расщепление правовой материи на частную и публичную сферы допустимо исключительно по материальному критерию, то есть по характеру регулируемых отношений. Одновременно применение им формально-догматического инструментария, основанного на обобщении норм позитивного законодательства, подводит к выводу, что специфику норм частного и публичного права определяет не содержание, а формальный признак — особый способ правового регулирования.

Приверженность Г. Ф. Шершеневича формально-догматической методологии никоим образом не мешает ему рассматривать гражданское право сквозь призму историчности; напротив, учёный подчёркивает, что дихотомия частного и публичного права укоренена в эволюции социальных отношений, социокультурных реалий и коллективного правосознания. Так, он пишет: «Существующее в современном юридическом порядке различие гражданского и публичного права не вытекает из самого существа права, а представляет лишь историческое явление. Как историческая категория такой юридический порядок, построенный на противоположении частных и общественных интересов, предполагает наличие известных психических, этических, политических и экономических условий, отсутствие или слабое развитие которых устраняет саму возможность подобного раздвоения права... При наличии некоторых условий все отношения носят исключительно публичный характер, не открывая простора индивидуализму; при наличии иных условий, исключающих или сильно ограничивающих понятие об общественных интересах, все отношения принимают частный характер» [17].

Несмотря на обстоятельный разбор правовой материи, предпринятый Г. Ф. Шершеневичем как в «Общей теории права», так и в «Общем учении о праве и государстве», термин «система права» и его авторское толкование там фактически не фигурируют. Чёткое определение исследователь даёт лишь позднее — в труде «Русское гражданское право». Здесь он поясняет, что под системой права следует понимать научную классификацию правовых институтов. Юридический институт, по Шершеневичу, представляет собой целостный комплекс норм, объединённых общностью содержания и тесно связанных единством предмета регулирования. Системность права, таким

образом, выводится из последовательной систематизации институтов на единой методологической основе. Итогом этой работы выступает стройная структура гражданского права, включающая, по мысли автора, группы норм, образующие вещное, исключительное, обязательственное, семейное и наследственное право [19].

Несложно заметить, что методология и логика постановки вопроса о правовой системе, разработанные Г. Ф. Шершеневичем, максимально приближаются к сегодняшним представлениям о её классификации. Тем не менее, обсуждая структуру права, учёный фиксируется преимущественно на дихотомии «частное – публичное». Даже сопоставляя гражданское и уголовное, материальное и процессуальное право, он не спешит придать этим блокам статус самостоятельных отраслей, то есть ключевых компонентов системы. При этом из его трактовки гражданского права следует: отрасль мыслится им как совокупность институтов, объединённых единым предметом регулирования и единым набором юридических методов.

Подводя итоги, подчеркнём, что разработанная Г. Ф. Шершеневичем концепция системы права существенно углубила доктрину кодификации, которой посвящен целый ряд работ [15; 16; 17; 18; 19]. Учёный воспринимает кодификацию как закономерную и объективно обусловленную стадию систематизации нормативного материала, акцентируя внимание на комплексе социально-экономических и правовых детерминант, запускающих этот процесс. Сопоставительный анализ французской, германской, итальянской и российской кодификационных моделей позволил ему сформулировать универсальный методологический императив: кодификация должна осуществляться лишь при одновременном наличии её необходимости и реальной осуществимости. Указанный императив раскрывается через принцип своевременности, содержательно выражающийся в выявлении характерных признаков законодательства – избыточной громоздкости, внутренней коллизийности и пробельности, – а также в чётком определении предмета и метода правового регулирования, которые интегрируют соответствующий институт в стройную систему права. Таким образом, Шершеневич связывает успех кодификационного проекта с моментом, когда объективная потребность в упорядочивании правовых норм совпадает с возможностью формально-юридической и методической реализации этой задачи.

Список литературы:

- [1] Агарков М.М. Ценность честного права // Правоведение. 1992. № 1–2. С. 42–105.
- [2] Аренс Г. Юридическая энциклопедия или органическое изложение науки о праве и государстве, на основании принципов этической философии права. М.: Тип. А. Семена, 1863. 254 с.
- [3] Еллинек Г. Система субъективных публич-

ных прав. СПб. – М.: Освобождение, 1913. 16 с.

[4] Желдыбина Т.А. Государственно-правовые взгляды Г.Ф. Шершеневича: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. 223-226 с.

[5] Кавелин К.Д. Что есть гражданское право и его пределы. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1864. 152 с.

[6] Капустин М.Н. Юридическая энциклопедия (догматика). СПб.: Тип. СПб. одиночной тюрьмы, 1893. 342 с.

[7] Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб.: Изд-во Н.К. Мартынова, 1909. 354 с.

[8] Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. М.: Юрист, 2004. С. 150.

[9] Муромцев С.А. Понятие и основное разделение права. М.: Тип. А.И. Мамонтова и Ко, 1879. 240 с.

[10] Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Слово, 1907. 308 с.

[11] Пухта Г.Ф. История римского права. М.: Тип. А. Семена, 1864; Пухта Г. Ф. Курс римского гражданского права. М.: Плевако, 1874. Т. 1. 576 с.

[12] Ранненкампф Н.К. Юридическая энциклопедия. Киев: Кушнерев и Ко, 1889. 309 с.

[13] Тибо А.Ф.Ю. О необходимости общего гражданского права для Германии // Савиньи Ф.К. Система современного римского права. М.: Статут, 2011. 512 с.

[14] Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. М.: А.А. Левенсон, 1908. 224 с.

[15] Шершеневич Г.Ф. История кодификации гражданского права в России. Казань: Тип. Императорского ун-та, 1898. 128 с.

[16] Шершеневич Г.Ф. Новейшая кодификация гражданского права в Германии. Казань: Типография Императорского ун-та, 1899. 26 с.

[17] Шершеневич Г.Ф. Курс гражданского права // Шершеневич Г.Ф. Избранное. М.: Статут, 2017. 496 с.

[18] Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М.: Тип. бр. Башмаковых, 1902. 838 с.

[19] Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. 4-е изд. Казань: Издание бр. Башмаковых, 1902. 793 с.

[20] Hauriou M. Principes de droit public. Paris: Librairie de la société du recueil J.-B. Sirey, 1910.

[21] Jellinek G. System der subjektiven öffentlichen Rechte. Freiburg: J.C.B. Mohr, 1892. 366 p.

[22] Schepp E. Das Oeffentliche Recht Im Bürgerlichen Gesetzbuch. Berlin. 485 p.

References:

[1] Agarkov M.M. The Value of Honest Law // Jurisprudence. 1992. No. 1-2. pp. 42-105.

[2] Arens G. Legal Encyclopedia, or an Organic

Exposition of the Science of Law and the State, Based on the Principles of Ethical Philosophy of Law. Moscow: Type. A. Semena, 1863. 254 p.

[3] Jellinek G. The System of Subjective Public Rights. St. Petersburg – Moscow: Osvobozhdenie, 1913. 16 p.

[4] Zheldybina T.A. State and Legal Views of G.F. Shershenovich: Diss. ... Cand. of Law. Saratov, 2007. 223-226 p.

[5] Kavelin K.D. What is Civil Law and Its Limits. St. Petersburg: Type. Imperial Academy of Sciences, 1864. 152 p.

[6] Kapustin M.N. Legal Encyclopedia (Dogmatics). St. Petersburg: Type. St. Petersburg solitary prison, 1893. 342 p.

[7] Korkunov N.M. Lectures on the General Theory of Law. St. Petersburg: Publishing House of N.K. Martynov, 1909. 354 p.

[8] Matuzov N.I., Malko A.V. Theory of State and Law: Textbook. Moscow: Jurist, 2004. P. 150.

[9] Muromtsev S.A. Concept and Basic Division of Law. Moscow: Type. A.I. Mamontov and Co., 1879. 240 p.

[10] Petrazhitzky L.I. Theory of Law and State in Connection with the Theory of Morality. St. Petersburg: Slovo, 1907. 308 p.

[11] Pukhta G.F. History of Roman Law. Moscow: Type. A. Semena, 1864; Pukhta G.F. Course of Roman Civil Law. Moscow: Plevako, 1874. Vol. 1. 576 p.

[12] Rannenkampf N.K. Legal Encyclopedia. Kyiv: Kushnerev and Co., 1889. 309 p.

[13] Thibault A.F.Yu. On the Necessity of General Civil Law for Germany // Savigny F.K. The System of Modern Roman Law. Moscow: Statut, 2011. 512 p.

[14] Trubetskoy E.N. Encyclopedia of Law. Moscow: A.A. Levenson, 1908. 224 p.

[15] Shershenovich G.F. History of the Codification of Civil Law in Russia. Kazan: Imperial University Press, 1898. 128 pages.

[16] Shershenovich G.F. The Newest Codification of Civil Law in Germany. Kazan: Imperial University Press, 1899. 26 pages.

[17] Shershenovich G.F. Course of Civil Law // Shershenovich G.F. Selected Works. Moscow: Statut, 2017. 496 pages.

[18] Shershenovich G.F. General Theory of Law. Moscow: Bashmakov Brothers Press, 1902. 838 pages.

[19] Shershenovich G.F. Textbook of Russian Civil Law. 4th ed. Kazan: Bashmakov Brothers Press, 1902. 793 pages.

[20] Hauriou M. Principes de droit public. Paris: Librairie de la société du recueil J.-B. Sirey, 1910.

[21] Jellinek G. System der subjektiven öffentlichen Rechte. Freiburg: J.C.B. Mohr, 1892. 366 p.

[22] Schepp E. Das Oeffentliche Recht Im Bürgerlichen Gesetzbuch. Berlin. 485 p.

МАСТРЮКОВ Александр Сергеевич,
Московский Государственный Юридический Университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
Москва Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ ТРАДИЦИИ ПОД ВЛИЯНИЕМ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. Культура влияет на развитие цивилизации, государственности, государства. Ошибочно полагать, что культура не влияет на право. В возникновении, развитии и функционировании права невозможно не отметить культуру как значимый фактор. Право неразрывно связано с культурой. В каждой стране, цивилизации правовая система складывалась по-разному в силу исторических, социально-экономических и культурных причин. Культура и другие факторы формируют правовые системы. Опять же – в каждой стране культура по-своему влияла на развитие отношений между людьми. Культура выступает определённым направляющим в развитии общественных отношений.

Ключевые слова: право, культура, обычай, религия.

MASTRYUKOV Alexander Sergeevich,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Moscow, Russia

FORMATION OF THE RUSSIAN LEGAL TRADITION UNDER THE INFLUENCE OF CULTURE

Annotation. Culture affects the development of civilization, statehood, and the state itself. It is a mistake to believe that culture does not affect law. In the emergence, development, and functioning of law, it is impossible to ignore culture as a significant factor. Law is inextricably linked to culture. In each country and civilization, the legal system has developed differently due to historical, socio-economic, and cultural reasons. Culture and other factors shape legal systems. Again, in each country, culture has influenced the development of human relationships in its own way. Culture serves as a guiding force in the development of social relations.

Key words: law, culture, custom, religion.

Важно отметить особую роль России в мире. Например, зарубежный философ Освальд Шпенглер отдельно выделял русскую цивилизацию, или, по-другому, пробуждающуюся русско-сибирскую [1]. Арнольд Тойнби также отдельно выделял русскую цивилизацию, относя её к живым цивилизациям. Сам процесс формирования русской цивилизации занимал ключевое место у отечественных учёных. И Л.Н. Гумилёв, и Н.Я. Данилевский, и Ф.М. Достоевский, и К.Н. Леонтьев, и другие – все они отмечали особенности и непохожесть развитие Российского государства. Так, концепция евразийства предполагает, что Россия есть отдельная цивилизация, которая не принадлежит ни Западной, ни Восточной цивилизациям. Евразийская позиция – это ни Европа, ни Азия [2].

В культуре особое место занимает религия. В частности, Россия в 988 году приняла христианство, православие как основную религию, отказавшись от язычества и других религий. Уже с этого момента начинается самостоятельный путь Российского государства, не похожий на остальные. Возможно, именно православие позволило

России быть той уникальной страной, которая является цивилизацией и не принадлежит ни к Западу с католицизмом (и протестантизмом), ни к Востоку (буддизм и ислам). Ключевым правовым памятником Древней Руси является Русская Правда. Источниками Русской Правды являлись санкционированные обычаи, княжеское законодательство, а также рецепция византийского права. Остановимся на последнем поподробнее. В частности, с принятием христианства на Руси начали усиливаться дипломатические, торговые и политические связи с Византией. В дальнейшем рецепция византийского права и договоры Руси с Византией определяли регулирование во многих сферах: уголовное право (о самоуправстве, о наказании за убийство), гражданское право (о наследовании), торговое право (о правовом положении купцов на территории Византии, об отмене берегового права), международное право и государственное право. В дальнейшем и в Соборном Уложении 1649 года есть отдельная глава, посвящённая каноническому праву.

Помимо этого, религия также сакрализовала определённые социальные институты. Рели-

гия прямо влияла на правотворчество. Например, уже в Русской Правде нет упоминаний о кровной мести, так как в понимании церкви месть - есть грех. Духовные грамоты Владимира Мономаха, Ярослава Всеволодовича дополняли светские законы, устанавливая круг преступлений и виды наказаний, попутно регулируя не только церковную сферу, но и семейную. Помимо этого, многие базовые правовые категории - запрет убийства, уважение к собственности, институт семьи, ответственность за ложь и злоупотребление доверием - имеют прямые параллели в религиозных текстах. То же самое мы находим и в Библии в 10 заповедях: не убий, не укради, почитай отца и мать, не произноси ложного свидетельства, и так далее. Однако в советский период произошла секуляризация правовой системы. Например, было провозглашено отделение государства от церкви, и школы от церкви. Уголовный кодекс РСФСР 1922 года прямо указывал на один из видов преступлений как нарушение правил об отделении церкви от государства (преподавание малолетним религиозных вероучений; совершение религиозных обрядов в государственных учреждениях) [3].

Отдельно стоит упомянуть философские концепции, которые превалировали в Русском государстве. Исторически выделяли три концепции отношений государства с церковью: папизм (доминирование церкви над государством, например, католики), цезарепапизм (доминирование государства над церковью, например, протестантизм), симфония (гармоничное сосуществование, так называемое согласие церкви и государства, православие). До Петра I Россия преимущественно придерживалась симфонии, а с правления первого российского императора и до 1917 года Русское государство выбрало цезарепапизм. Обратим внимание на мнение Василия Татищева, который придерживался концепции естественного права. Естественный закон выступает своеобразной смысловой инстанцией, в которой ищут опору юридические рассуждения [4]. В современной Конституции РФ можно найти отражения закрепления прав человека не как дар государства, а как та ценность, которая присуща ему с рождения, независимо от каких-либо факторов.

Важно также отметить обычаи и традиции, которые сыграли не последнюю роль в формировании российского права. А. С. Хомяков указывал, что обычай есть закон; но он отличается от закона тем, что закон является чем-то внешним, случайно примешивающимся к жизни, а обычай является силою внутреннею, проникающею во всю жизнь народа, в совесть и мысль всех ее членов [5]. Ведь сам по себе обычай является неписанным источником права, который зародился в глубине русского народа и, в силу его важности для общества, был включён в законы. Любая правовая норма имеет ценность не сама по себе, а только тогда, когда она основана на преоблада-

ющих моральных нормах общества, на правовых традициях. Традиции также играют важную роль в законодательном регулировании и практике применения. В российском законодательстве в последние годы отмечена серьёзная тенденция на увеличение роли традиции. Например, в Основах государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан в статье 3 отмечается, что «настоящие Основы направлены на формирование высокого уровня правовой культуры населения, традиции безусловного уважения к закону, правопорядку и суду, добропорядочности и добросовестности как преобладающей модели социального поведения, а также на преодоление правового нигилизма в обществе, который препятствует развитию России как современного цивилизованного государства» [6].

В Указе Президента Российской Федерации от 13.01.2023 г. отмечено также, что одной из задач Министерства Юстиции является осуществление деятельности, направленной на сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей [7]. Если мы говорим о местном самоуправлении, то в Федеральном Законе «О муниципальной службе в Российской Федерации» в статье 4 [8] указывается, что одним из основных принципов указывается учет исторических и иных местных традиций при прохождении муниципальной службы.

Таким образом, можно утверждать, что даже в условиях глобализации, интернационализации Россия берёт курс на сохранение самоидентичности и осознание себя как отдельной цивилизации.

Помимо этого, в российской культуре огромное значение уделялось поговоркам и пословицам. Даже Александр II однажды сказал: «Все страны живут по законам, а Россия — по пословицам и поговоркам». Например, совсем недавно Арбитражный суд Московского Округа в постановлении написал следующее при разрешении спора о качестве поставленного товара: «Суд округа полагает, что в данном случае действует правило: первое слово дороже второго» [9]. Почему же суд решил так написать? Есть такой юридический термин - эстоппель [10]. В решении суд не стал указывать, что нарушен данный принцип. Это обусловлено особенностями нашей правовой культуры, так как даже не все юристы смогут сходу ответить, в чём заключается принцип эстоппель. Поэтому суд здесь решил объяснить, почему он принял такое решение, основываясь на пословице. Это не единственный такой случай. В Определении Судебной Коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2024 г. N 305-ЭС24-809 по делу N A41-76337/2021, перефразировали фразу «поел - убери за собой», как «закончил бизнес - убери за собой» [11], по делу о включении требований в третью очередь реестра требований кредиторов. Именно через эти фразы суд может вполне ясно

объяснить свою позицию. В 169.2 статье АПК РФ указывается, что в решении должны быть указаны мотивы его принятия, и оно должно быть изложено языком, понятным для лиц, участвующих в деле, и других лиц [12]. Ведь сами решения изучают и смотрят не только практикующие юристы и исследователи юриспруденции, но и обычные граждане, которые не имеют специального образования. Юридический язык – это сложный язык, который тяжело толковать.

Таким образом, культура неразрывно связано с правом. Это фундаментальный характер, который влияет на создание и развитие цивилизации, государственности и правовой системы. Россия как уникальное государство сформировалось отдельно от Запада и Востока, найдя третий путь с помощью православия. Религия, правовые обычаи и традиции, философские концепции, поговорки направляли и направляют развитие права в нашей стране, придавая ей уникальные черты. В современной России продолжается тенденция на сохранение традиционных ценностей даже в условиях глобализации и внешних вызовов.

Список литературы:

- [1] Освальд Шпенглер. Закат западного мира. М.: Альфа-книга, 2010. 1085 с.
- [2] Дугин А.Г. Евразийский триумф После словесие // ВикиЧтение. URL: <https://history.wikireading.ru/153917> (дата обращения 09.03.2026).
- [3] Селивановская И.А. Уголовный кодекс РСФСР 1922 года: правовые аспекты // Историческое обозрение. 2009. №10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnyy-kodeks-rsfsr-1922-goda-pravovye-aspekty> (дата обращения: 20.03.2026).
- [4] Зелинский В.Е. Отражение концепции естественного права в философско-исторических взглядах В. Н. Татищева // Философия права. 2014. №6 (67). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otrazhenie-kontseptsii-estestvennogo-prava-v-filosofsko-istoricheskikh-vzglyadah-v-n-tatischeva> (дата обращения: 20.03.2026).
- [5] А.С. Хомяков Всемирная задача России // Изд. 2-е — М.: Институт русской цивилизации, Благословение, 2011. — С. 667.
- [6] Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом РФ 4 мая 2011 г.) // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113761/ (дата обращения 10.03.2026).
- [7] Указ Президента РФ от 13.01.2023 N 10 (ред. от 17.09.2025) «Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации» (вместе с «Положением о Министерстве юстиции Российской Федерации») // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_437426/ (дата обращения 10.03.2026).
- [8] Федеральный закон от 02.03.2007 N 25-ФЗ

(ред. от 28.12.2025) «О муниципальной службе в Российской Федерации» Статья 4 // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_66530/ff901159672a82ea4824cd923616e18139e6fb3b/ (дата обращения 13.03.2026).

[9] Постановление Арбитражного суда Московского округа по делу № А40-146414/2023 // Электронное правосудие. URL: https://mkad.arbitr.ru/Document/Pdf/8aae578d-3f48-47da-b18d-4b1854907b18/bc9943f4-6694-4f65-bdbf-ee0a3742276f/A40-146414-2023_20250731_Resheniya_i_postanovleniya.pdf?isAddStamp=True (дата обращения 13.03.2026).

[10] Как суды применяют принцип эстоппель // Акцион Право. URL: <https://www.arbitr-praktika.ru/article/2954-printsip-estoppel> (дата обращения 14.03.2026).

[11] Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2024 г. N 305-ЭС24-809 по делу N А41-76337/2021 Суд отменил вынесенные ранее судебные акты по делу о включении требований в третью очередь реестра требований кредиторов, поскольку оснований для иной квалификации содеянного ответчиком или освобождения его от ответственности не имелось и, как следствие, требование истца о включении требований в третью очередь реестра требований кредиторов должника как субсидиарного ответчика по обязательствам подконтрольного ему ликвидированного юридического лица подлежит удовлетворению // СПС Гарант. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409172854/> (дата обращения 15.03.2026).

[12] «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) Статья 169 // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/d80779156be2649d40bcf56bea28230ea76759be/ (дата обращения 15.03.2026).

References:

- [1] Oswald Spengler. The Decline of the Western World. Moscow: Alfa-Kniga, 2010. 1085 p.
- [2] Dugin, A.G., Eurasian Triumph: Afterword // WikiReading. URL: <https://history.wikireading.ru/153917> (accessed March 9, 2026).
- [3] Selivanovskaya, I.A., Criminal Code of the RSFSR of 1922: Legal Aspects // Historical Review. 2009. No. 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnyy-kodeks-rsfsr-1922-goda-pravovye-aspekty> (accessed March 20, 2026).
- [4] Zelinsky V.E. Reflection of the Concept of Natural Law in the Philosophical and Historical Views of V.N. Tatishchev // Philosophy of Law. 2014. No. 6 (67). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otrazhenie-kontseptsii-estestvennogo-prava-v-filosofsko-istoricheskikh-vzglyadah-v-n-tatischeva> (accessed: 20.03.2026).

[5] A.S. Khomyakov The Global Task of Russia // 2nd ed. - Moscow: Institute of Russian Civilization, Blagoslovenie, 2011. - P. 667.

[6] Fundamentals of the State Policy of the Russian Federation in the Sphere of Developing Legal Literacy and Legal Awareness of Citizens (approved by the President of the Russian Federation on May 4, 2011) // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113761/ (accessed 10.03.2026).

[7] Decree of the President of the Russian Federation of 13.01.2023 N 10 (as amended on 17.09.2025) «Questions of the Ministry of Justice of the Russian Federation» (together with the «Regulations on the Ministry of Justice of the Russian Federation») // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_437426/ (accessed 10.03.2026).

[8] Federal Law of 02.03.2007 N 25-FZ (as amended on 28.12.2025) «On Municipal Service in the Russian Federation» Article 4 // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_66530/ff901159672a82ea4824cd923616e18139e6fb3b/ (accessed March 13, 2026).

[9] Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District in case No. A40-146414/2023 // Electronic Justice. URL: https://mkad.arbitr.ru/Document/Pdf/8aae578d-3f48-47da-b18d-4b1854907b18/bc9943f4-6694-4f65-bdbf-ee0a3742276f/A40-146414-2023_20250731_

[Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True](#) (Accessed March 13, 2026).

[10] How courts apply the principle of estoppel // Aktion Pravo. URL: <https://www.arbitr-praktika.ru/article/2954-printsip-estoppel> (Accessed March 14, 2026).

[11] Ruling of the Judicial Panel for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 27, 2024 No. 305-ES24-809 in case No. A41-76337/2021 The court overturned the previously issued judicial acts in the case on the inclusion of claims in the third priority of the register of creditors' claims, since there were no grounds for a different classification of the defendant's actions or for releasing him from liability and, as a result, the plaintiff's demand for the inclusion of claims in the third priority of the register of creditors' claims of the debtor as a subsidiary defendant for the obligations of a liquidated legal entity controlled by him is subject to satisfaction // SPS Garant. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409172854/> (date of access 03/15/2026).

[12] «Arbitration Procedure Code of the Russian Federation» of July 24, 2002 N 95-FZ (as amended on December 15, 2025) (as amended and supplemented, entered into force on January 1, 2026) Article 169 // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/d80779156be2649d40bcf56bea28230ea76759be/ (date of access March 15, 2026).

РУСЕЦКИЙ Александр Евгеньевич,
директор Научно-учебного центра противодействия коррупции
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
председатель Совета ТПП России по развитию
антикоррупционного комплаенса и деловой этики,
президент Ассоциации антикоррупционных экспертов «Экспертиза»,
SPIN-код: 9475-9612,
e-mail: mail@law-books.ru

АНТИКОРРУПЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ОСНОВА ПРОСВЕЩЕНИЯ, ВОСПИТАНИЯ И ЭКСПЕРТИЗЫ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

Аннотация. В статье рассматриваются антикоррупционное просвещение, воспитание и антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов как единая система профилактики коррупции. Автор обосновывает, что коррупция опасна не только имущественным ущербом, но и разрушением доверия к праву, процедурной справедливости и институтам государства. Показано, что профилактика коррупции не может ограничиваться наказанием уже совершенных правонарушений: она должна работать на опережение, формируя социальную неприемлемость коррупционного поведения, правовую привычку действовать законно и культуру качества нормотворчества. Особое внимание уделено роли государства, традиционных российских духовно-нравственных ценностей, школьного и профессионального образования, типовых программ повышения квалификации, а также антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов как инструмента выявления дефектов нормы до того, как они превращаются в управленческую практику. Сформулированы предложения по переходу от набора мероприятий к устойчивой государственной и общественной практике профилактики коррупции.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, антикоррупционные ценности, антикоррупционное просвещение, антикоррупционное воспитание, антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов, правосознание, качество нормотворчества.

RUSETSKIY Aleksandr Evgenyevich,
Head of the Research and Training Center for Combating Corruption,
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (RANEPA);
Chairman of the Council of the Chamber of Commerce and Industry
of the Russian Federation for the Development
of Anti-Corruption Compliance and Business Ethics;
President of the Association of Anti-Corruption Experts "Expertise"

ANTI-CORRUPTION VALUES AS THE FOUNDATION OF EDUCATION, UPBRINGING AND ANTI-CORRUPTION EXPERT REVIEW OF REGULATORY LEGAL ACTS

Annotation. The article examines anti-corruption education, upbringing and the anti-corruption expert review of regulatory legal acts as a single system of corruption prevention. The author argues that corruption is dangerous not only because of property damage, but also because it destroys trust in law, procedural justice and state institutions. It is shown that corruption prevention cannot be limited to punishing offences already committed: it must work proactively by shaping the social unacceptability of corrupt behavior, a legal habit of acting lawfully and a culture of high-quality law-making. Particular attention is paid to the role of the state, traditional Russian spiritual and moral values, school and professional education, standard advanced training programs, and the anti-corruption expert review of regulatory legal acts as a tool for identifying defects of a legal norm before they turn into administrative practice. Proposals are formulated for the transition from a set of isolated activities to a sustainable state and public practice of corruption prevention.

Key words: corruption, combating corruption, anti-corruption values, anti-corruption education, anti-corruption upbringing, anti-corruption expert review of regulatory legal acts, legal consciousness, quality of law-making.

Введение

На первый взгляд тема антикоррупционных ценностей, просвещения, воспитания и экспертизы нормативных правовых актов может показаться специальной, даже узкопрофессиональной. Но, по существу, речь идет о значительно большем. Речь идет о качестве государства. О доверии к праву. О способности общества отличать справедливость от произвола, законную процедуру - от «решения вопроса», служение публичному интересу - от частной выгоды.

Коррупция опасна не только тем, что причиняет имущественный ущерб. Это было бы слишком простое понимание. Коррупция разрушает ткань правопорядка. Она приучает человека к мысли, что правило можно обойти, процедура - помеха, а закон - не общая мера справедливости, а инструмент, который применяют избирательно. Именно поэтому борьба с коррупцией не может ограничиваться наказанием уже совершенного правонарушения. Наказание необходимо. Контроль необходим. Ответственность необходима. Но если государство действует только после того, как нарушение уже произошло, оно всегда догоняет проблему. Нужна система, которая работает на опережение.

Антикоррупционные ценности и правовое поведение

В центре настоящей статьи - антикоррупционные ценности как фундамент просвещения и воспитания. Не как красивое словосочетание. Не как очередная декларация. А как практическая основа формирования поведения, при котором коррупция становится не просто незаконной, но социально неприемлемой.

Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» прямо связывает профилактику коррупции с формированием в обществе нетерпимости к коррупционному поведению [1]. Это важная формула. Но она требует наполнения. Нетерпимость не возникает сама собой. Ее нельзя создать приказом. Ее нельзя обеспечить одной лекцией, одним плакатом, одним днем борьбы с коррупцией. Она формируется через систему: образование, воспитание, правовую культуру, профессиональные стандарты, качество нормотворчества и правоприменения.

Здесь проявляется основополагающая роль государства. Государство не может быть сторонним наблюдателем. Оно определяет правила, создает институты, утверждает программы, формирует стандарты обучения, организует правовое просвещение, задает ценностную рамку. Когда государство утверждает национальные планы противодействия коррупции, типовые программы повышения квалификации, программы антикоррупционного просвещения обучающихся и населения, оно тем самым закрепляет профилактику коррупции как часть государственной политики, а не как факультативную активность отдельных

энтузиастов [7; 8; 12; 13; 14].

С точки зрения социального механизма коррупции сохраняется не только потому, что кто-то нарушает закон, но и потому, что в отдельных средах сохраняется допущение: «так принято», «иначе не получится», «все так делают». Исследования, рассматривающие коррупцию через призму социальных норм, показывают, что устойчивое изменение поведения требует воздействия не только на знание закона, но и на ожидания группы: что считается нормальным, допустимым, одобряемым или, напротив, недопустимым [16]. Поэтому антикоррупционное просвещение должно работать не только с информацией, но и с нормой поведения.

Ценностная основа государственной политики

Особое значение в последние годы получила ценностная основа антикоррупционной политики. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» имеет прямое значение для темы антикоррупционного просвещения [9]. Честность, справедливость, ответственность, служение Отечеству, приоритет духовного над материальным - это не отвлеченные категории. Это смысловые основания правомерного поведения.

Коррупция противоположна этим ценностям. Она подменяет служение личной выгодой, справедливость - доступом «по знакомству», ответственность - удобным молчанием. Именно поэтому антикоррупционное воспитание не должно существовать отдельно от общего процесса формирования правосознания. Не надо искусственно разделять правовое воспитание, гражданское воспитание и антикоррупционное просвещение. Это элементы одного процесса.

Ребенок, школьник, студент, молодой специалист должны понимать: законная процедура - это не бюрократическая формальность. Это защита от произвола. Прозрачность - это не неудобство. Это гарантия доверия. Конфликт интересов - это не личное дело, а риск для публичного интереса. Если эти идеи не формируются на уровне правовой культуры, то даже самый детальный запрет остается внешней нормой, которую пытаются обойти при первой возможности.

Школа и воспитательная среда: от морализаторства к действию

В этой связи особую роль играет школа. Именно там закладывается базовое отношение к праву. И здесь важно не скатиться в морализаторство. Детям и молодежи нельзя просто говорить: «коррупция - это плохо». Они это и так слышали много раз. Нужно показывать реальные ситуации: подарок учителю, «ускорение» процедуры, просьба знакомого, давление руководителя, попытка обойти конкурс, неформальное посредничество. Нужно разбирать, почему это опасно, какие пра-

новые последствия возникают, какой алгоритм поведения является правильным. Ценность должна превращаться в действие.

Позитивным изменением последних лет стало усиление воспитательной составляющей в законодательстве об образовании. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» закрепляет общие основы образовательной деятельности [4], а Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 304-ФЗ внес в образовательное законодательство изменения по вопросам воспитания обучающихся, включая рабочие программы воспитания и календарные планы воспитательной работы [5]. Эти инструменты позволяют использовать правовое и антикоррупционное просвещение не формально, а содержательно.

Значение имеет и последующее уточнение образовательной политики, в том числе изменения, внесенные Федеральным законом от 25 декабря 2023 г. № 685-ФЗ [6], поскольку они усиливают связь образовательного процесса с ценностными основаниями воспитания. Для антикоррупционного просвещения это важно: школа должна стать не местом разовых «антикоррупционных мероприятий», а пространством формирования правовой привычки - действовать законно, уважать процедуру, не искать обходной путь.

Правовое просвещение несовершеннолетних опирается не только на образовательные программы, но и на государственные механизмы правовой помощи и правовой грамотности. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» и Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан, утвержденные Президентом Российской Федерации 28 апреля 2011 г. № Пр-1168, позволяют рассматривать правовое информирование как важный профилактический ресурс [3; 10]. Всероссийский день правовой помощи детям, консультационные мероприятия, правовые уроки и практико-ориентированные занятия могут стать площадкой для обсуждения того, почему законная процедура лучше и безопаснее «решения вопроса».

Подготовка кадров и риск формализма

Не менее важно, что государство утвердило типовые дополнительные профессиональные программы повышения квалификации в области противодействия коррупции. Приказ Минтруда России от 31 мая 2022 г. № 331н закрепил целый пакет типовых программ, включая основы профилактики коррупции, функции подразделений по профилактике коррупционных и иных правонарушений, предупреждение коррупции в организациях, антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов и их проектов, деятельность комиссий по соблюдению требований

к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов [14]. Это серьезный шаг, потому что борьба с коррупцией невозможна без подготовленных кадров.

Нельзя требовать качественной профилактики от человека, который не понимает, что такое конфликт интересов, как устроена антикоррупционная экспертиза, как выявляются коррупциогенные факторы, как строится работа комиссии по соблюдению требований к служебному поведению. Но и здесь есть риск формализма. Программа не должна превращаться в набор слайдов и итоговый тест ради галочки. Настоящее обучение должно работать с практикой: с кейсами, документами, проектами нормативных актов, реальными управленческими ситуациями.

Специалист должен не просто знать термин. Он должен уметь принять решение: как выявить риск; как оформить уведомление; как отказаться от неправомерного предложения; как устранить неопределенность в норме; как не допустить избыточной дискреции. Методические рекомендации Минтруда России по разработке и принятию организациями мер по предупреждению и противодействию коррупции также подчеркивают практическую сторону профилактики: локальные акты, обучение, регулирование конфликта интересов, процедуры взаимодействия и контроль исполнения [15].

Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов как инструмент защиты публичного интереса

Отдельного внимания требует антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов. Это один из самых интеллектуальных и в то же время самых практических инструментов профилактики. Коррупция нередко начинается не с конверта и не с личного сговора. Она начинается с порока правовой нормы. С неопределенного полномочия. С оценочного понятия без критериев. С исключения без процедуры. С закрытого порядка принятия решения. С возможности действовать «по усмотрению», когда это усмотрение ничем не ограничено.

Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» устанавливает правовые и организационные основы такой экспертизы именно для выявления коррупциогенных факторов и их последующего устранения [2]. Постановление Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 96 утверждает правила и методику проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов [11]. Следовательно, речь идет не о факультативной юридико-технической процедуре, а о способе предупреждения коррупции еще на стадии проектирования нормы.

Антикоррупционная экспертиза должна вы-

являть дефекты до того, как они станут управленческой практикой. В этом ее сила. Хороший эксперт видит не только текст, но и поведение, которое этот текст порождает. Он задает вопросы: кто будет принимать решение? По каким основаниям? В какие сроки? Можно ли проверить это решение? Есть ли процедура обжалования? Не создает ли норма преимущество для узкого круга лиц? Не допускает ли она произвольного отказа? Не порождает ли она зависимость заявителя от должностного лица?

Если эти вопросы не заданы на стадии проекта, потом их задаст жизнь. Но цена будет выше. Ошибка в норме превращается в ошибку управления. Неопределенное полномочие превращается в зависимость заявителя. Исключение без критериев превращается в привилегию. Закрытая процедура превращается в недоверие. Поэтому антикоррупционная экспертиза должна быть не кабинетной формальностью, а частью культуры качества нормотворчества.

Единая система: экспертиза, просвещение, воспитание

Антикоррупционная экспертиза, просвещение и воспитание должны рассматриваться как единая система. Экспертиза очищает норму от коррупциогенных дефектов. Просвещение объясняет обществу и профессиональному сообществу смысл правомерного поведения. Воспитание формирует устойчивую внутреннюю установку. Если один элемент выпадает, система слабеет. Если экспертиза формальна - плохие нормы проходят дальше. Если просвещение формально - люди не меняют поведение. Если воспитание оторвано от права - ценности остаются лозунгами.

Эта система должна работать на нескольких уровнях. На уровне нормотворчества - через качество нормативного текста, устранение коррупциогенных факторов и прозрачность процедур. На уровне образования - через формирование правовой привычки и понимание смысла законной процедуры. На уровне профессиональной подготовки - через кейсы, проектные задания и анализ документов. На уровне общественной коммуникации - через язык достоинства, а не только язык запрета.

Международный день борьбы с коррупцией 9 декабря, поддерживаемый системой ООН, показывает значение регулярной публичной коммуникации и образовательных кампаний [17]. Однако один день в году не может заменить систему. Он может быть точкой концентрации внимания, но не должен превращаться в единственный момент, когда общество вспоминает об антикоррупционных ценностях.

Проблемы реализации

Первая проблема - фрагментация. Много мероприятий, но не всегда есть единая логика. Один конкурс, один урок, одна лекция, один отчет - это еще не система. Если мероприятие не встроено в

траекторию формирования правосознания, оно быстро исчезает из памяти и не влияет на поведение.

Вторая проблема - формализм. Отчитаться проще, чем изменить поведение. Провести мероприятие проще, чем научить человека действовать в ситуации риска. Но профилактика коррупции не может измеряться только количеством участников, публикаций и уроков. Важен не охват сам по себе, а изменение качества понимания и практического поведения.

Третья проблема - слабая оценка результата. Мы часто считаем охват: сколько участников, сколько публикаций, сколько уроков. Но редко оцениваем главное: изменилось ли понимание? Появился ли навык? Готов ли человек отказаться от неправомерной выгоды? Понимает ли он, как сообщить о конфликте интересов? Умеет ли отличить законную процедуру от неформального давления?

Четвертая проблема - разрыв между нормотворчеством и просвещением. Разработчик проекта нормативного акта нередко воспринимает антикоррупционную экспертизу как техническое согласование. Педагог или лектор нередко воспринимает просвещение как передачу информации. Но профилактический эффект возникает только тогда, когда норма, обучение и поведение связаны между собой.

Предложения

Первое. Антикоррупционное просвещение должно проектироваться как непрерывная траектория: школа - колледж - вуз - дополнительное профессиональное образование - служебная и корпоративная подготовка. На каждом этапе должны быть свои задачи, язык и инструменты. В младшем возрасте это язык справедливости и честности. В школе - язык права и процедуры. В вузе и профессиональной подготовке - язык риска, конфликта интересов, нормотворчества и ответственности.

Второе. Необходимо расширять кейсовые форматы. Нужны практические ситуации, деловые игры, анализ проектов нормативных актов, моделирование конфликтов интересов, разбор типичных ошибок. Человек запоминает не абстрактный запрет, а решение, которое он сам принял в смоделированной ситуации. Если он один раз прошел через корректный алгоритм в учебном кейсе, вероятность правильного поведения в реальной ситуации выше.

Третье. Нужно вводить поведенческие индикаторы эффективности. Не только «провели мероприятие», но и «обучающийся распознает риск», «может назвать законный алгоритм действия», «понимает механизм уведомления», «умеет аргументировать отказ от неправомерного предложения». Для экспертов и разработчиков нормативных правовых актов индикаторами могут быть способность выявить избыточную

дискрецию, предложить критерии принятия решения, сформулировать процедуру контроля и обжалования.

Четвертое. Следует активнее использовать цифровую инфраструктуру: образовательные порталы, открытые методические материалы, библиотеки кейсов, онлайн-курсы, проверочные задания. Это особенно важно для регионов и образовательных организаций, где не всегда есть подготовленные специалисты. Цифровая инфраструктура не заменяет живое обучение, но позволяет стандартизировать базовый уровень содержания и сделать качественные материалы доступными.

Пятое. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов должна стать частью культуры качества нормотворчества. Каждый разработчик проекта должен понимать: неопределенность, избыточная дискреция, отсутствие процедур и критериев - это не мелкие юридико-технические недостатки. Это потенциальные коррупционные риски. Норма должна быть написана так, чтобы ее применение было проверяемым, равным и предсказуемым.

Заключение

Нам нужно говорить об антикоррупционной политике не только языком запрета, но и языком достоинства. Честность - это не слабость. Соблюдение процедуры - не бюрократическая покорность. Отказ от коррупции - не абстрактная моральная поза. Это нормальное поведение гражданина и профессионала в сильном государстве.

Сильное государство начинается не с жесткости наказания, хотя наказание должно быть неизбежным. Сильное государство начинается с качества правил, доверия к институтам и понимания человеком, что закон - это не препятствие, а общая мера справедливости.

Именно поэтому антикоррупционное просвещение, воспитание и экспертиза нормативных правовых актов должны рассматриваться как стратегические инструменты. Они защищают не только бюджет, не только процедуры, не только репутацию власти. Они защищают саму идею права как основы общественного порядка.

Нормативная база уже существует. Есть программы. Есть методические материалы. Есть образовательные площадки. Есть профессиональное сообщество. Следующий шаг - добиться реальной связанности этих элементов, отказаться от формализма и перейти к результату, который можно увидеть в поведении людей, в качестве нормативных актов, в снижении пространства для произвола и злоупотреблений.

Главная задача сегодняшнего этапа состоит в том, чтобы превратить антикоррупционное просвещение из набора мероприятий в устойчивую государственную и общественную практику; превратить экспертизу из процедуры согласования в инструмент защиты публичного интереса; пре-

вратить ценности из декларации в норму поведения.

Список литературы:

[1] О противодействии коррупции : Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2008. - № 52 (ч. I). - Ст. 6228.

[2] Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов : Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2009. - № 29. - Ст. 3609.

[3] О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации : Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. - 21.11.2011. - № опубликования 0001201111210005. - URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/view/0001201111210005> (дата обращения: 19.07.2026).

[4] Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. - 30.12.2012. - № опубликования 0001201212300007. - URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001201212300007> (дата обращения: 19.07.2026).

[5] О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся : Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 304-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. - 31.07.2020. - № опубликования 0001202007310075. - URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/view/0001202007310075> (дата обращения: 19.07.2026).

[6] О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» и статью 2 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации”» : Федеральный закон от 25 декабря 2023 г. № 685-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. - 25.12.2023. - № опубликования 0001202312250094. - URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202312250094> (дата обращения: 19.07.2026).

[7] О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010-2011 годы : Указ Президента Российской Федерации от 13 апреля 2010 г. № 460 // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2010. - № 16. - Ст. 1875.

[8] О Национальном плане противодействия коррупции на 2021-2024 годы : Указ Президента Российской Федерации от 16 августа 2021 г. № 478 // Официальный интернет-портал правовой информации. - 16.08.2021. - № опубликования 0001202108160035. - URL: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202108160035> (дата

обращения: 19.07.2026).

[9] Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 // Официальный интернет-портал правовой информации. - 09.11.2022. - № опубликования 0001202211090019. - URL: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (дата обращения: 19.07.2026).

[10] Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан : утв. Президентом Российской Федерации 28 апреля 2011 г. № Пр-1168 // Российская газета. - 2011. - 14 июля. - № 151.

[11] Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов : Постановление Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 96 // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2010. - № 10. - Ст. 1084.

[12] Об утверждении комплексного плана просветительских мероприятий, направленных на создание в обществе атмосферы нетерпимости к коррупционным проявлениям, в том числе на повышение эффективности антикоррупционного просвещения, на 2019-2020 годы : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 21 декабря 2018 г. № 2884-р // Официальный интернет-портал правовой информации. - 29.12.2018. - № опубликования 0001201812290039. - URL: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201812290039> (дата обращения: 19.07.2026).

[13] Об утверждении Программы по антикоррупционному просвещению обучающихся на 2019 год : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 января 2019 г. № 98-р. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_317015/ (дата обращения: 19.07.2026).

[14] Об утверждении типовых дополнительных профессиональных программ повышения квалификации в области противодействия коррупции : Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 31 мая 2022 г. № 331н : зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 8 сентября 2022 г., регистрационный № 70002 // Официальный интернет-портал правовой информации. - 09.09.2022. - № опубликования 0001202209090017. - URL: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202209090017> (дата обращения: 19.07.2026).

[15] Методические рекомендации по разработке и принятию организациями мер по предупреждению и противодействию коррупции : утв. Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации 8 ноября 2013 г. //

Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации : официальный сайт. - URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/anticorruption/015/0> (дата обращения: 19.07.2026).

[16] Anti-corruption through a social norms lens // Chr. Michelsen Institute (CMI) : website. - URL: <https://www.cmi.no/publications/6772-anti-corruption-through-a-social-norms-lens> (дата обращения: 19.07.2026).

[17] International Anti-Corruption Day (9 December) // United Nations Office on Drugs and Crime : official website. - URL: <https://www.unodc.org/unodc/en/anti-corruption-day/index.html> (дата обращения: 19.07.2026).

References:

[1] On Combating Corruption: Federal Law of December 25, 2008 No. 273-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2008. - No. 52 (Part I). - Art. 6228.

[2] On Anti-Corruption Expertise of Regulatory Legal Acts and Draft Regulatory Legal Acts: Federal Law of July 17, 2009 No. 172-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2009. - No. 29. - Art. 3609.

[3] On Free Legal Aid in the Russian Federation: Federal Law of November 21, 2011 No. 324-FZ // Official Internet Portal of Legal Information. - 11/21/2011. - Publication No. 0001201111210005. - URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/view/0001201111210005> (accessed: 19.07.2026).

[4] On Education in the Russian Federation: Federal Law of December 29, 2012 No. 273-FZ // Official Internet Portal of Legal Information. - 30.12.2012. - Publication No. 0001201212300007. - URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001201212300007> (accessed: 19.07.2026).

[5] On Amendments to the Federal Law «On Education in the Russian Federation» Concerning the Upbringing of Students: Federal Law of July 31, 2020 No. 304-FZ // Official Internet Portal of Legal Information. - July 31, 2020. - Publication No. 0001202007310075. - URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/view/0001202007310075> (Accessed: July 19, 2026).

[6] On Amendments to the Federal Law «On Education in the Russian Federation» and Article 2 of the Federal Law «On Amendments to the Federal Law «On Education in the Russian Federation»»: Federal Law of December 25, 2023 No. 685-FZ // Official Internet Portal of Legal Information. - 25.12.2023. - Publication No. 0001202312250094. - URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202312250094> (date of access: 19.07.2026).

[7] On the National Anti-Corruption Strategy and the National Anti-Corruption Plan for 2010-2011: Decree of the President of the Russian Federation of April 13, 2010 No. 460 // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2010. - No. 16. - Art. 1875.

[8] On the National Anti-Corruption Plan for 2021-

2024: Decree of the President of the Russian Federation of August 16, 2021 No. 478 // Official Internet Portal of Legal Information. - August 16, 2021. - Publication No. 0001202108160035. - URL: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202108160035> (date of access: July 19, 2026).

[9] On approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values: Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022 No. 809 // Official Internet Portal of Legal Information. - November 9, 2022. - Publication number 0001202211090019. - URL: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (date of access: 19.07.2026).

[10] Fundamentals of the state policy of the Russian Federation in the sphere of development of legal literacy and legal consciousness of citizens: approved. by the President of the Russian Federation on April 28, 2011 No. Pr-1168 // Rossiyskaya Gazeta. - 2011. - July 14. - No. 151.

[11] On anti-corruption examination of normative legal acts and draft normative legal acts: Resolution of the Government of the Russian Federation of February 26, 2010 No. 96 // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2010. - No. 10. - Art. 1084.

[12] On approval of a comprehensive plan of educational activities aimed at creating an atmosphere of intolerance towards corruption in society, including increasing the effectiveness of anti-corruption education, for 2019-2020: Order of the

Government of the Russian Federation of December 21, 2018 No. 2884-r // Official Internet Portal of Legal Information. - December 29, 2018. - Publication No. 0001201812290039. - URL: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201812290039> (date of access: July 19, 2026).

[13] On approval of the Program for anti-corruption education of students for 2019: Order of the Government of the Russian Federation of January 29, 2019 No. 98-r. // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_317015/ (date of access: July 19, 2026).

[14] On approval of standard additional professional programs for advanced training in the field of combating corruption: Order of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation of May 31, 2022 No. 331n: registered by the Ministry of Justice of the Russian Federation on September 8, 2022, registration No. 70002 // Official Internet Portal of Legal Information. - September 9, 2022. - Publication No. 0001202209090017. - URL: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202209090017> (date of access: 19.07.2026).

[15] Methodological recommendations for the development and adoption of measures by organizations to prevent and combat corruption: approved. by the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation on November 8, 2013 // Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation: official website. - URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/an>

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

1. Представленная автором научная статья рецензируется экспертом редакционной коллегии журнала (доктором, кандидатом наук) в форме экспертной анкеты, утвержденной редакционной коллегией. Экспертиза носит закрытый характер, рецензия в форме экспертной анкеты предоставляется по соответствующему запросу в ВАК, без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента.
2. Срок подготовки рецензии экспертом редакционной коллегии журнала устанавливается по согласованию с рецензентом, но не может превышать 5 дней с момента поступления рукописи к рецензенту.
3. Окончательное решение о принятии статьи автора и размещении ее в одном из номеров журнала принимается на заседании редакционной коллегии журнала либо главным редактором журнала.
4. По результатам рецензирования могут быть приняты следующие решения:
 - а) рекомендовать принять рукопись к публикации;
 - б) рекомендовать принять рукопись к публикации с внесением технической правки;
 - в) рекомендовать принять рукопись к публикации после устранения автором (авторами) замечаний рецензента, с последующим направлением на повторное рецензирование тому же рецензенту (при рекомендации сокращения или переработки рукописи статьи в рецензии конкретно указывается, за счет чего должна быть сокращена рукопись, что в ней должно быть исправлено, чтобы помочь автору (авторам) в дальнейшей работе над рукописью). В случае если автор (авторы) не устранил замечания рецензента, редакционная коллегия Журнала вправе отказать в публикации рукописи с направлением автору (авторам) мотивированного отказа);
 - г) рекомендовать отказать в публикации рукописи по причине ее несоответствия требованиям, предъявляемым к научному уровню (в данном случае редакционная коллегия Журнала имеет право направить рукопись на рецензирование другому рецензенту либо направить автору (авторам) сообщение (по e-mail) об отказе в публикации рукописи, с приложением экспертной анкеты с результатом рецензирования).
5. Редакционная коллегия информирует о принятом решении автора по его запросу. Автору не принятой к публикации статьи редакционная коллегия направляет по его запросу информацию об отказе.
6. Редакционная коллегия осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки.
7. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 1 года.
8. Максимальный срок рецензирования (с учетом повторного и дополнительного рецензирования) составляет 5 дней с момента поступления рукописи в редакцию.
9. Опубликование представленного материала осуществляется в соответствии с планом работы редакции, с учетом необходимости формирования различных рубрик в каждом номере журнала и обеспечения финансирования выпуска журнала (оплатой автором организационного взноса за публикацию статьи).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ НАУЧНО-ПРАВОВОГО ЖУРНАЛА «ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА»

Сведения общего характера:

Обращаем внимание авторов на то, что публикации статей в научно-правовом журнале «Теория государства и права» осуществляется при условии соблюдения правил подготовки статей и при положительном решении редколлегии по итогам рецензирования, с учетом очередности присылаемых для публикации материалов.

Рукопись принимается к рассмотрению при условии, если она соответствует требованиям, предъявляемым к оформлению статей (материалов).

Срок рассмотрения рукописи: от 1 до 3 рабочих дней.

В случае, если рукопись статьи направлена на рассмотрение и в другие издания, об этом факте необходимо поставить в известность редакцию. Редакция не принимает к рассмотрению статьи с низким уровнем оригинальности текста (менее 70%).

Рукописи должны иметь авторство не менее 70%, что подтверждается системой Антиплагиат. Цитирования других авторов и цитирования законодательства при этом могут входить в 70%.

Тексты статей принимаются объемом от 5 до 15 машинописных страниц и (не более 30 000 знаков (с учетом пробелов), рецензии на монографии, учебники — до 6 машинописных страниц. В расчет объема статьи входят аннотация, ключевые слова, библиография, сведения об авторе(ах). Статья должна быть написана качественно, аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Научная статья, оформленная по образцу, направляется на e-mail: editor@mipo.online или через форму на Главной странице сайта «Опубликовать статью».

Представленные материалы должны соответствовать общепринятым этическим нормам. Ответственный секретарь (заместитель главного редактора) направляет статью на рецензирование члену редакционной коллегии, курирующему соответствующее научное направление, при условии, что статья оформлена в соответствии с требованиями. Процедура рецензирования рукописей осуществляется конфиденциально в целях защиты прав автора.

Правила оформления статей:

Набор текста производится в формате Microsoft Word. Шрифт – Times New Roman; размер шрифта – 14; межстрочный интервал – 1,5.

Последовательность оформления статьи:

В начале статьи (на первой странице) приводятся на русском языке:

Сведения об авторах с указанием Ф.И.О., ученой степени (при наличии), места работы, должности, звания, электронного адреса;

Название статьи (буквы – прописные);

Аннотация и ключевые слова на русском языке (выравнивание «По ширине», без отступа);

Указание на источник финансирования (если работа выполняется по гранту).

Затем размещается информация на английском языке:

1. Сведения об авторах с указанием Ф.И.О., ученой степени (при наличии), места

работы, должности, звания;

2. Название статьи (буквы – прописные);
3. Аннотация и ключевые слова (выравнивание «По ширине», без отступа).

После размещения технической информации следует текст статьи.

Структура статьи, как правило, включает: введение (характеристика актуальности темы и степени ее научной разработанности), указание на цель и задачи данной статьи, обозначение использованных методов, представление результатов, заключение. Отдельные блоки содержания выделяются подзаголовками (оформляются с выравниванием «По центру», строчными, полужирным курсивом).

В тексте статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1; 2]. Постраничные сноски допускаются только, если не содержат ссылку на библиографический источник, например, разъяснение термина.

В конце статьи необходимо оформить список литературы на русском языке и список литературы на английском языке.

Для аспирантов, адъюнктов, соискателей ученой степени кандидата наук:

- в обязательном порядке в статье необходимо указывать: данные о научном руководителе (фамилия, имя, отчество, ученая степень, звание, e-мейл),
- необходимо соблюдать правила научной этики при написании и публикации статей.

Внимание! Редакция оставляет за собой право отказать в публикации предварительно одобренной статьи при обнаружении признаков использования искусственного интеллекта (ИИ), в частности, chatGPT, Deepseek, Grok и др., недобросовестного заимствования и/или недобросовестного повышения оригинальности текста в системе “Антиплагиат” (организационный взнос в этом случае не возвращается).

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Научно-правовой журнал

№ 2

(АПРЕЛЬ-ИЮНЬ)

2026 ГОД

Сдано в набор 27.07.2026. Подписано в печать 29.07.2026.
Формат 60х90/8. Печ. л. 6,5. Тираж 100 экз. Заказ № 9.
Отпечатано в типографии ИП Миронова В. В.
г. Орехово-Зуево Московской области, ул. Ленина, д.102.